

**Лариса Михайлова Дэвид Брин Грегори Бенфорд
Роджер Желязны Рэй Брэдбери Ларри Айзенберг
Тэд Вильямс Айзек Азимов Дженет Азимов Роберт
Янг Алексис де Токвиль**

**Сверхновая американская фантастика, 1996 № 05-
06**

Сверхновая американская фантастика (журнал) - 17

FineReader 12

«Сверхновая американская фантастика, 1996 № 05-06»: Издательство

«Ладомир»; Москва; 1996
ISBN ISSN 1029-2675

Аннотация

Ежемесячный журнал «Сверхновая американская фантастика» — русское издание американского ежемесячника «Magazine of Fantasy and Science Fiction». Выходит с июля 1994 г.

Номер 17-18

ОЧЕВИДНОЕ — НЕВЕРОЯТНОЕ

FB2 книгу сделал mefysto

СВЕРХНОВАЯ

американская фантастика

№ 17-18

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

ОЧЕВИДНОЕ — НЕВЕРОЯТНОЕ

...История показывает, что самые почтеннейшие и умнейшие общества редко угадывают значение предмета в будущем, и это понятно: исследователь отдает своему предмету жизнь, на что немногие решаются, отвлеченные своими обязанностями и разными заботами...

Из письма К. Э. Циолковского к А. Г. Столетову

Еще приходится читать статьи о фантастике, которая «наконец-то» избавилась от некоей узости, изжила из себя науку, с ее «безликими» абстракциями, и технику, с ее «бездушным» научно-техническим прогрессом, и обратилась-таки к описанию слезинок и мудрости отдельных древних культов, неизвестно откуда снизошедшей.

Между тем расширенное мировосприятие включает в себя и размышления об абстрактных понятиях науки, а мировоззрение — это общий базис и для точного знания, и для веры. Отказ от мировоззрения — тоже мировоззрение, и в этом случае мы видим либо людей с расщепленным, мозаичным сознанием, либо фанатиков со своими особыми взглядами на страдание. Что касается бездушия научно-технического прогресса, то, судя по античным шуткам, наш гуманизм показался бы им нежизненным, но вместе с тем их искусство не состояло из одних трагедийных жанров. Где же все-таки прикажете остановить (для того, наверное, чтобы пойти в другом направлении) этот бездушный научно-технический прогресс? Перед вакциной от полиомиелита, перед таблицей Менделеева, (лучше мы бы их не знали?) или как раз сейчас наступил самый подходящий момент? Когда в богословских трудах появилась апелляция к радиоволнам, как к невидимой, но весьма важной и легко проявляемой вездесущей реальности?

Если кто-то утверждает, что в научной фантастике его меньше всего интересует наука, то он отрицает возможность синтеза научных понятий в целостные образы, хотя прогресс науки через оперирование образами может быть прослежен на множестве примеров, не говоря уже об известном высказывании, что ученый мыслит скорее образами, чем формулами. Научная теория — прочность ее выводов — стоит не дороже тех принципиальных положений, которые заложены в ее основание. Почему бы не позаботиться о прочности фундамента?

Есть ли характеры у ученых в фантастике? Вспомним героев Жюль Верна, Уэллса... Доктора Фауста, который впал в меланхолию после глубокого изучения курса точных наук, — и что было дальше. Вспомним,

как остро переживали некоторые люди чисто абстрактную и слабо доказанную «тепловую смерть вселенной», и как волнующе недавнее сообщение о возможных биохимических следах древней жизни в марсианском метеоритном веществе.

А то, что от имени науки и научной фантастики выступали иногда и вульгарные материалисты, и вульгарные популяризаторы — так и черт на Святое Писание ссылается, когда своих целей добивается. Но при отказе от Святого Писания, кто останется в выигрыше?

Есть определенный параллелизм между рассуждениями о необязательности и даже нежелательности науки в фантастике и необязательности фундаментальных наук для той или иной страны. Заведомая экономия на фундаментальных исследованиях, их имитация — это планируемая потеря интеллектуальной, а в конечном счете и любой другой самостоятельности.

Научная фантастика имеет свое самостоятельное значение и потому еще, что не ждет, когда научные положения попадут в нее опосредованными путями. В номере «Сверхновой», лежащем перед вами, Роджер Желязны, известный у нас в стране прежде всего как создатель Эмберамберантаря, выступает как автор рассказа «Три нисхождения Джереми Бейкера», основанного на последних космогонических воззрениях ученых. Что не мешает рассказу быть рассказом: со вполне определенным героем-человеком и не уступающим в человечности существом-телепатом, нисходящим с Джереми на самый последний круг, в центр черной дыры.

И дело тут не только в том, что ученые — тоже люди и ничто человеческое им не чуждо. Да, они страдают аппендицитом (как герой рассказа Грегори Бенфорда «Моцарт и морфий»), испытывают терзания при попытках бросить курить (как у Ларри Айзенберга), любят и рожают детей. Но в самых критических ситуациях к ним приходит осознание своей включенности в более широкие круги бытия, а вместе с тем желание познать, что движет ими. И, видимо, это желание столь же неотъемлемо от человеческой природы, как способность воспринимать многообразие Вселенной. «Священное любопытство» — «divine curiosity» — называют это свойство Артур Кларк, Урсула Ле Гуин, Дэвид Брин. Оно питало фантастику на заре нашего века, в его середине и в наши дни. Собственно говоря, только это в ней и неизменно. И мы по-прежнему приветствуем научных фантастов на наших страницах.

Лариса Михайлова

Дэвид Брин

СЛЕДУЯ ПРИРОДЕ™

Один из классиков киберпанка, Дэвид Брин, предварял публикацию данного рассказа в «F&SF» следующими словами: «это четвертая вещь за последнее время, в которой беременность героини играет определенную роль. («Сверхновая» опубликовала «Дошколят доктора Пака» в № 5-6 за 1995 г.) И так уж совпало, что наш первый ребенок родился во время написания этой серии рассказов. Ясно, почему я взял

тому виртуальной реальности, но мне хотелось обратить внимание и на распространенное мнение, с которым я не согласен, что интерфейс «мозг-компьютер» будет восприниматься людьми как нечто реальное. Слишком тесно наше «я» связано с нашим телом, «потрохами», «мясом». Виртуальная реальность никогда не будет по-настоящему живой, пока вы не вовлечете в процесс эту «плоть».

© David Brin. Natuiife™.

F&SF, April 1994.

Перевела Татьяна Волкова

Спору нет, натуральные продукты полезней. От гамбургеров же — тромбы в сосудах, и к тому же, чтобы их поджарить, нужно вырубить несколько акров леса. Надо питаться, как в каменном веке: предки наши копали коренья, много двигались и всегда были малость голодными. Утверждают, что так.

И все же я опешил, когда жена предложила отведать термитов.

— *Попробуй, солнышко. Хотя бы одного. Вкуснятина.*

Гея уже распаковала коробку с термитником. Я поставил кейс на пол. Полчища тварей цвета сырого теста ползали под прозрачной пластиковой крышкой, обихаживали свою толстуху «королеву», пожирали какие-то кухонные отходы — словом, чувствовали себя вольготно в моем доме.

Гея протянула мне палочку отполированного псевдодерева.

— Гляди! Этой штучкой ты достанешь себе на манер тропических обезьян несколько славных толстячков.

Я уставился на термитное царство, заполнившее последнее свободное пространство между шкафчиком-оранжереей для домашнего выращивания овощей и полками с сублимированным мясом.

— Но... мы же договаривались... Наша квартира такая маленькая...

— Радость моя, тебе понравится, гарантирую. И потом, разве маленькому не нужны белки и витамины?

Она положила мою руку на свой округлившийся живот — этот жест обычно снимал любые возражения. Только на сей раз все взбунтовалось внутри моего живота.

— Но ведь аппарат «Бросай закваску — получишь мясо» производит необходимые ингредиенты. — Я показал на агрегат, занимавший половину ванной для гостей. Он конденсировал питательные испарения от котлет из искусственного фарша.

— *Там все ненастоящее.* — Гея недовольно поморщилась. — Ты попробуй натуральную пищу, ну, давай! Вспомни, они это показывают по каналу «Следуя природе».

— Я... не думаю...

— Смотри, демонстрирую!

Она просунула пластиковую палочку во входное отверстие термитника, чтобы выудить шестиногую жертву. От сосредоточенности высунула кончик языка, и всю ее — от «конского хвоста» до обтянутого юбкой живота — охватила азартная дрожь.

— Поймала! — Гея вытащила извивающееся насекомое и поднесла его к губам.

— Ты что, на самом деле...

Я ощутил горловой спазм: термит уже почти скрылся у нее во рту.

На лице жены — блаженство.

— М-м-м, какой хрустящий! — она причмокнула, и я увидел еще дергающееся брюшко насекомого.

Я нашел в себе достаточно мужества, чтобы небрежно и с достоинством бросить ей:

— Ты хоть... не говори с набитым ртом.

Повернулся и добавил:

— Если понадобится — я в своей игровой комнате.

Геля снова все переделала в нашей спальне. Теперь узкая комната плавно переходила в тропический лес, где пронзительно кричали птицы и стоял туман от ревущего водопада. Но из-за этих эффектных затей можно было споткнуться о кровать, поэтому я выключил голограмму. Видеостена стала серой, наступила тишина. Остался «невключенным» только подлинный кусочек миниатюрных джунглей: прихотливое сплетение комнатных растений, долженствующих поставлять беременной женщине более чистый кислород, нежели тот, которым она может дышать из специальных баллончиков.

Продираясь сквозь ползучие побеги и инжирные карликовые деревца, я наконец добрался до бельевого корзинки, закамуфлированной мхом, и бросил туда одежду, в которой хожу на работу. Аппарат «Чист и свеж» уже продезинфицировал, почистил и сложил мое тренировочное облачение. Я натянул костюм, он был теплый и льнул к коже. Одевание из органических и электропроводящих нитей плотно облегало, вибрируя в предвкушении игры.

На работе все шло наперекосяк. В транспортном туннеле, по которому я добираюсь домой, машины еле ползут, и всю неделю зашкаливало прибор-определитель уровня смога. Термиты явились последней каплей.

— Начнем, пожалуй, — пробормотал я. — А то сегодня никакой добычи.

Длинный Дротик выследил матерого самца антилопы.

— Он хромает, — произнес мой напарник, поднимаясь с корточек, и показал на точку в высохшей саванне, ярдах в ста от нас. — Это после встречи со львом.

Я закончил разминку и, поднявшись на ноги, стал всматриваться поверх сложенной из валунов стенки в направлении жилистой руки Длинного Дротика. Одно животное стояло отдельно от стада. Принюхиваясь к переменчивому ветру, оно повернулось, и я увидел у него на боку багровые отметины от когтей. Что и говорить, легкая добыча, не в пример воскресной, когда мы охотились на разъяренного носорога. Программа виртуальной реальности, должно быть, уловила, что у меня был скверный денек.

Пальцы мои поглаживали копы: знакомые зарубки, шишковатые наросты. Иллюзия древней, первобытной власти.

— Загонщики готовы, Вождь.

Я кивнул:

— Тогда — за дело.

Длинный Дротик сложил губы трубочкой и симитировал звук, который издает птица-медуказчик. Вскоре животные зафыркали: ветер подул в их сторону, и они учуяли оскорбительный запах человека. В ста ядрах по другую сторону стада, там, где почти лишены растительности

пампасы переходили в неясные очертания зарослей акации, я увидел остальных охотников, крадучись пробиравшихся вперед.

Мои охотники. Мое племя.

Я испытал искушение — протянуть руку к виртуал-шлему, дававшему глазам и ушам информацию о несуществующем мире, и подрегулировать его, чтобы... увеличить изображение отдельных человеческих фигур. Увы, за исключением Длинного Дротика, я не видел вблизи остальных охотников. Хорошие программы с дополнительными действующими лицами недешевы, а у нас будет ребенок, и деньги нужны на массу других вещей.

Господи, надо же было купить этот мерзкий термитник. Отвращение усилилось от поступившего в кровь адреналина. Никогда не доверяй собирателю. Таково было твердое убеждение охотников. Люби их, защищай, будь готов умереть за них, но всегда помни: их интересы — другие.

Загонщики встали и закричали. Антилопы попятились, а потом развернулись и поскакали к нам. Длинный Дротик прошипел: «Гон начался!»

Специальный настил — имитатор поверхности земли — загудел под моими ногами, создавая впечатление топота сотен копыт. В сенсорных наушниках слышался исступленный рев животных, в паническом страхе несущихся нам навстречу. В безумных глазах одно страстное желание — спастись. Стиснув копьё взмокшими ладонями, я припал к земле. Гигантскими прыжками проносились надо мной грациозные животные, их грудные клетки вздымались.

А тем временем во мне звучала еле уловимая, на инфразвуке, мантра: «Я — часть природы... я — с природой».

Мы пропустили молодняк и беременных самок. Следом с трудом бежал старый самец, уже весь в мыле от усталости. Он прыгал из последних сил, держался нетвердо. Я понял, что на сегодня программа выдала мне облегченный вариант.

Длинный Дротик издал боевой клич. Я быстро вскочил — руководить облавой. Тренировочная «бегущая дорожка» тряслась и вздрагивала в соответствии с рельефом местности, изображение которой подавалось на специальные очки в шлеме. И я уже подпрыгивал и группировался там, где нужно. Виртуал-костюм давал телу ощущение ветра. Раздувшиеся ноздри вдыхали запахи опасности и отваги. И на мгновение я забыл, что нахожусь в маленькой комнатке на восьмидесятом этаже пригородного кондоминиума Чайтаун, заселенного полсотней миллионов человек.

Я находился в глубине веков, в прошлом моих предков, в ту эпоху, когда людей было раз-два и обчелся, и потому они являли собой ценность и чудо.

Во времена, когда природа благоденствовала... и мы составляли ее часть.

Вроде задача была нетрудной, но я порядком попотел, прежде чем мы загнали зверя в прибрежные заросли осоки. Горящие угольно-черные глаза животного говорили мне о многом, не только о покорности судьбе. О былых поединках и любовных схватках. О бесчисленных победных битвах и о последней — проигранной. Будь он во плоти, и то я не мог бы испытывать к нему большей симпатии.

Я приготовился бросить копьё. «В те далекие времена я совершил бы это, чтобы накормить жену и ребенка», — пронеслось в голове.

Тогда. А здесь и сейчас?

Ладно... зато это здорово вышибает всякую муть из головы.

Массовое строительство гигантских кондоминиумов позволяет двенадцати миллиардам землян иметь более-менее сносные условия, однако всю жизнь они проводят в коробках, громоздящихся чуть ли не до неба. Редкое везение — выиграть в лотерею поездку в горы или на море. Виртуальность не дает нам свихнуться в наших многоэтажных пещерах.

Идя в ванную после «охоты», я заметил, что в личной игровой комнате Геи горит свет. Повинуясь неосознанному порыву, я на цыпочках прошел в смежную крошечную гардеробную, нашел щелочку в перегородке и припал к ней. Гея сидела на корточках на «бегущей дорожке», имитирующей клочок бугристой почвы. Виртуал-костюм облегал ее округлившееся тело подобно второй коже. Шлем с выпуклыми очками придавал ей сходство то ли с жуком, то ли с инопланетянкой. Я знал, что действие ее программы, так же, как и моей, разворачивалось в далеком прошлом. Гея что-то «выкапывала» при помощи некоего невидимого инструмента, обхватив его обеими руками. Потом она нагнулась и «подняла» с земли какой-то предмет, и ее перчатки симулировали в этот момент прикосновение корешка, изображение которого она видела на очках в шлеме. Последовала пантомима: Гея «стряхнула» грязь с того, что «выкопала», потом бросила «это» в стоящий рядом мешок.

Иногда, вот так подсматривая, я ощущал неприятный холодок: как нелепо, должно быть, я выгляжу во время своих игр — прыгаю, «бросаю» несуществующие копья, кричу на «охотников». Неудивительно, что большинство людей оберегает свои занятия с виртуальной реальностью от постороннего взгляда.

Гея наклонила голову, будто прислушиваясь, потом засмеялась:

— Тоже мне! Эти двое — смех да и только. Вернулись домой такие гордые, а добыча-то — маленький тощий суслик. Ничего себе — выдающиеся охотники! И при всем при том позарились на нашу морковку — умяли половину!

Естественно, я не видел и не слышал ответа товарок Геи — надо полагать, то были женщины-собирательницы из племени-фантома, который она начала «посещать» еще до нашей встречи. Но вот Гея вновь, замерев, прислушалась и обернулась.

— Это твой ребенок, Цветик. Хорошо, я понянчу его. — Она засмеялась. — Мне же нужно практиковаться.

Я глядел, как она бережно взяла на руки невидимого младенца. Ткань ее виртуал-костюма дергалась и сокращалась, как бы под воздействием тельца беспокойного малыша. Еще неловкая в обращении с ребенком, Гея нежно ворковала над ним, существовавшим только в компьютерной программе и в ее нервных клетках. Я тихонечко удалился и пошел принимать душ, испытывая одновременно и стыд, и ощущение, что шпионил не зря.

Вытирая полотенцем мокрые волосы, я вошел в спальню. На видеостене шла программа тридцать третьего канала «Мать-Земля»: служительница культа в зеленом облачении читала проповедь.

...возвращение на путь более естественной жизни не означает отказа от всех современных...

Из своей гардеробной вышла Гея. Ее пухленькая фигурка была

облечена в просторное яркое платье-рубашку из хлопчатобумажной ткани. Она что-то искала в полотняной сумке, перекинутой через плечо. Мой вопрос «Куда это ты?» не был услышан — экранная матрона вещала гораздо громче.

...мы должны питаться как наши предки: они ели мясо примерно два раза в неделю. Остальное пропитание собирали опытные женщины.

Я потянул жену за локоть, повторил вопрос. Она вздрогнула, повернулась ко мне и улыбнулась.

— Уроки естественных родов, милый. Многое надо знать для полной готовности. Осталось ведь только два месяца, ты же знаешь.

— Но я считал...

...тогда жирная и сладкая пища была редкостью, отсюда наше пристрастие к ней. В настоящее же время люди сами должны себя ограничивать.

— Компьютер! Выруби этот шум! — заорал я.

Губы проповедницы стали двигаться беззвучно. В глазах Геи — укор.

— Не люблю оставаться один, — пожаловался я.

Гея погладила меня по щеке.

— О, Томе, не заводись. Мы как раз сегодня проходим технику родов. Мужчинам это скучно.

Гм, может быть. В журнале «Фемизмо» пишут, что некоторые вещи нашему брату не постигнуть. А прежний старомодный феминизм смотрел на все по-другому: все житейские проблемы надо преодолевать вместе. Мой отец бывало с гордостью рассказывал, как перерезал пуповину, когда я появился на свет. Вообще-то я одобряю такой подход, но теперь ведь это называют противоестественным. Роды были и есть женский ритуал. Так сейчас считается.

— Оставайся дома, будь умницей и... — она нежно прижалась ко мне, глаза ее сияли. — Хорошо поохотился, да? По тебе вижу. Когда все удачно, в тебе всегда так много энергии.

Я отодвинулся.

— Ладно, иди, учись. Обо мне не беспокойся.

Она встала на цыпочки и поцеловала меня в подбородок.

— Рядом с пультом управления тебе подарочек. Когда увидишь, поймешь: я тебя не забыла.

Подойдя к двери, она послала мне воздушный поцелуй и вышла.

Я поплелся к главному пульту управления нашего квартирного компьютера и обнаружил там дискету в яркой упаковке, еще липкую в том месте, где Гея, должно быть, отодрала ценник магазина «Следуя природе», торгующего со скидкой. «Кое-что для охотника» — гласила надпись. Прекрасно. Кое-что, развлекающее главу семейства: битие в барабаны в компании товарищей-призраков. А супруга тем временем занята серьезными материями: поддержанием непрерывности жизни. Жена дарила дискету в знак любви, но именно в этот момент я почувствовал всепоглощающее одиночество, более сильное, чем когда-либо прежде.

Ставя дискету в консоль, я случайно задел клавишу громкости, и вновь забубнил монотонный голос жрицы:

...должны признать тот факт, что миллиарды землян не согласятся возвратиться в лоно природы, чтобы ковыряться в земле и спать на глинобитном полу. Нам следует идти новыми путями — более естественными и цивилизованными одновременно.

Мне стало смешно. Забавно: каждое новое поколение считает, что оно-то знает, что такое «цивилизованный».

*

Длинный Дротик приветствовал меня низким поклоном — почтительно и вместе с тем как бы с издевкой.

— Пожалуйста снова к нам, Великий Вождь.

— Угу, — пробормотал я, обращаясь к симулированному товарищу. — О'кей, я буду закалывать. Сегодня все как обычно?

Шлем и специальное облачение остались в гардеробе, и без них здесь, в гостиной, не было ощущения подлинности происходящего. Знакомый девственный лес из моего личного мира внезапно обрывался на стыке видеостены и тахты. И все же, клянусь, мой сообщник-фантом казался утонченнее, *теплее*, что ли.

— Вождь, кремневых дел мастера готовы показать свой товар.

— Кто, кто? — начал я. Но Длинный Дротик уже повернулся и зашагал вниз по тропе. В гостиной не было «бегущей дорожки», поэтому я оставался неподвижным, наблюдая, как фигура в наброшенной антилопьем шкуре мелькает за деревьями и валунами. Стал различим и становился все громче ритмический звук: как будто хрупкие предметы сталкивались и разбивались с металлическим звяканьем. Наконец мы достигли песчаного ложа высохшего ручья, там на бревнах сидели какие-то люди, стучавшие молотками по камням.

Ах, да. Кремнёвых дел мастера. Программа «Следуя природе» передавала бесчисленные сюжеты «В те века», рассказывающие о всех древних искусствах — от бронзового литья до автомобильного дизайна. Мы с Геей интересовались неолитом, и она очень мудро поступила, купив дискету, посвященную каменному веку. Компьютер смог вклинить программу в мой личный виртуальный мир и давал возможность убить время, пока жена занималась в школе будущих матерей.

«Ну что ж, — вздохнул я, — посмотрим, что будет дальше».

Нас заметил молодой человек с реденькой бородкой. Он перестал бить по камню, толкнул локтем соседей — крепкого старика и здоровяка, у которого одна нога была короче другой. Мастера поднялись и в знак уважения поклонились. Естественно, это не полноценные симулированные персонажи, как Длинный Дротик, а лишь действующие лица с ограниченными возможностями.

— Вождь, мы обтесали эти кремнёвые наконечники, которые вы выторговали у племени с Морского Берега, — прошепелявил самый старый мастер почти беззубым ртом. — Хотите взглянуть?

Я пожал плечами.

— Почему бы и не взглянуть?

Старик расстелил на земле шкуру и стал выкладывать разнообразные режущие инструменты эпохи неолита. Они сверкали всеми своими гранями под эрзац-солнцем. Там были наконечники для копий, топоры, резцы, скребки и другие предметы, назначение которых я не мог бы назвать с ходу. Каждый инструмент — результат, по крайней мере, сотни мастерских ударов, преобразующих природный камень в полезную для повседневной жизни вещь. Утварь доисторической кухни, изделия древних оружейников и механиков — все разом. Мастера предложили мне потрогать режущую кромку изделий. Стало как-то не по себе, когда на

мониторе компьютера появилось изображение моей собственной руки, держащей предмет, который я не мог ощущать. Я решил как-нибудь попозже воспроизвести этот эпизод, но уже с виртуал-перчатками.

— Ну что ж, неплохо, — сказал я, выдержав паузу. Меня стала охватывать усталость. — Думаю, этого достаточно для...

Невообразимый шум не дал мне закончить фразу. Все глядели куда-то за мое плечо, и никто не двинулся с места, пока в поле зрения с левой стороны не появилось новое лицо. Ниже ростом, изящнее, чем другие, в охотничьей накидке и лосинах. Незнакомец двигался с упругой грациозностью сказочного эльфа. Он нес связку тонких хлыстов, по размеру пригодных для изготовления копий. Вот он с шумом бросил их на землю, и я с удивлением обнаружил, что передо мной — женщина.

— Хо, Вождь! — приветствовала она меня и кивком поздоровалась с Длинным Дротиком.

Напарник наклонился ко мне:

— Жирафья Лодыжка. Дочь Оленьего Рога и Грушевого Цветка. Из группы загонщиков.

— Как раз об этом хотела с тобой поговорить, — заявила юная представительница каменного века, уперев кулаки в бедра. Гибкая, но немного худощавая, на мой вкус, к тому же чумахая. Однако взглянула мне в глаза маняще и дерзко.

— Мне надоело быть просто загонщицей, Великий Вождь. Хочу быть среди охотников. Не прочь поучиться у вас обоих.

Мастера удивленно переглянулись. Длинный Дротик рявкнул:

— Лодыжка! Не забывайся!

Девушка покорно склонила голову, подчиняясь властному окрику, но в глазах ее горела свирепая решимость. Она, казалось, вот-вот снова заговорит, когда я закричал:

— Остановить картинку!

Изображение замерло, и мои «соплеменники» оказались замороженными во времени. Голубокрылая сойка так и зависла в полете над глубоким оврагом. А я был в замешательстве. Не по поводу самой идеи женщины-охотника — традиции многих племен допускали подобное. Но почему сложности с таким «игроком» сейчас, когда сюжет, судя по всему, идет к концу? Что общего у этой ситуации с изготовлением инструментов в доисторическую эпоху?

— Компьютер! Здесь что, не только комплект игры «В те века»?

«Не только. Это полностью автономные программы персонажей, оперирующие стохастически¹ в вашем личном симулированном мире».

Поистине, Гея расщедрилась... Теперь Длинный Дротик — не единственный мой товарищ, смоделированный в полном объеме. Но откуда у нее...

«Кроме того, увеличены резервы основной памяти и имеется возможность подключать одномоментно до пяти персонажей, действующих в свободном режиме».

Гея, должно быть, нуждается в большем объеме памяти для собственных программ: всякие там повивальные бабки, акушерки и другие помощницы на время родов. Расходы на это уже были предусмотрены нашим семейным бюджетом. И вполне объяснимо, что она

1 Стохастический — случайный, вероятностный.

смогла приобрести для меня несколько дополнительных партнеров, проданных со скидкой. После минутного замешательства: обижаться, радоваться или удивляться я в итоге решил не переживать по этому поводу. И отважился:

— Компьютер, задержи картинку и передай сигнал в мою игровую комнату.

Через несколько минут, уже в полной экипировке для восприятия виртуальной реальности, я ощупывал новый нож, изготовленный мастерами-умельцами. Ощущение каждого скола и изгиба передавалось через чувствительные электрохимические перчатки. Мастерам явно льстило мое восхищение. Я держал в руках отличный нож из превосходного обсидиана, примотанный к рукояти из слоновой кости, украшенной резными фигурками скачущих лошадей. Эта вещь не существовала в реальности, но прекраснее ее у меня никогда ничего не было.

Когда мы с Длинным Дротиком в конце концов покинули мастерскую эпохи неолита, заработала «бегущая дорожка» под ногами. Мы направились к сторожевому посту — понаблюдать за мигрирующими через равнину стадами диких антилоп-гну и канн. Идя вдоль реки, увидели на берегу сидящую на корточках юную загонщицу Лодыжку, «сосланную» Длинным Дротиком за дерзкое поведение. Она привязывала каменные наконечники к древкам, затягивая зубами узлы кожаных ремешков. Когда поравнялись с ней, взглянула на нас исподлобья, в глазах — вызов и упорство.

Помедлив, я повернулся к Длинному Дроту:

— Можно бы использовать девчонку в качестве посыльной. Захвати ее с собой на ближайшую охоту.

Мой компьютерный друг метнул на меня один из своих пронизывающих взглядов, но, не промолвив ни слова, кивнул. Лодыжка отвернулась, благоразумно пряча довольную улыбку.

Когда я покинул свой доисторический мир, Гей уже вернулась с занятий и спала в нашей небольшой спальне при приглушенном свете. Я тихонько скользнул под простыню и тут же почувствовал на бедре ее руку.

— Все время думаю о тебе, — шептала она, щекоча теплым дыханием ухо.

Беременность не предполагает отсутствие секса. По мнению медиков, если быть осторожными, он не вреден.

Уверяю, можно получить даже больше удовольствия, чем обычно. Гей была восхитительна.

Буйвол застонал, падая в грязный ил мелководья. Пять копий вонзились ему в бок. Я приказал остановиться.

Лодыжка протестовала, размахивая копьем.

— Почему не добиваем?

— Потому что Вождь сказал: нет! — прорычал Длинный Дротик.

Я поднял руку: спокойствие! В этот момент, осознавая себя наставником Лодыжки, оценил древнюю мудрость: *«Ничего настоящего не узнаешь, пока не начнешь учить этому».*

— Подумай! Что случится, если буйвол упадет там, где сейчас стоит?

Лодыжка окинула взглядом задыхающееся животное.

— Он упадет в ре... Дошло! Мы потеряем половину туши. — Она

понимающе кивнула. — Значит, надо сначала заставить его выбраться на берег.

— Правильно. И побыстрее. Не надо причинять животному ненужные страдания.

Несколько ее соплеменников выразили свое одобрение подобающими жестами. Согласно обычаю, охотники, подобные моим, умилялись души убитых животных. Интересно, если бы мои современники так много мяса, если бы должны были умиротворять душу каждого бычка или цыпленка? Пребывание в виртуальном каменном веке не сделало из меня вегетарианца, но я как-то яснее стал осознавать тот факт, что мясо — это бывшая живая плоть.

Длинный Дротик велел принести веревки. Они были сплетены из кожаных полосок. Взяв по мотку, мы с трех сторон окружили буйвола. «Бегущая дорожка» имитировала скользкую грязь под ногами, а виртуал-костюм воздействовал на нервные окончания кожи таким образом, что я чувствовал себя по бедра погруженным в мутную воду. Рецепторы в носу получали электронные сигналы и «чувствовали» запах крови и пота, смешанный с зловонием болота. Тяжелое было дело — пробираться навстречу жертве. Не то что однообразное поднимание грузов в спортзале — пострашнее. Буйвол перемещался то вправо, то влево, мыча и угрожая рогами.

Все выглядело сейчас гораздо реальнее, так как Гейя купила тот блок дополнительной памяти, где хранилась информация об отчаянном стремлении раненого животного выжить.

— Берегись! — крикнула Лодыжка.

Животное рванулось. Я отпрянул. Гора шерсти и мяса, задев мое плечо, пронеслась через то место, где я стоял секунду назад. Барахтаясь в грязи, я краем глаза увидел, как извивающееся лассо настигло старого быка и упало точно ему на голову.

— Готово! — закричал Длинный Дротик.

— Моя очередь! — раздался звонкий голос. Лодыжка бросила свой аркан и промахнулась. Разъяренное животное метнулось в сторону.

— Стой! — заорал я, увидев, что девушка рванулась за ним. Слишком поздно — она уже исчезла в мутной пенистой жиже.

— Лодыжка!

Я проявил неожиданное беспокойство по поводу юной помощницы. Передо мной зловеще метнулись острые рога. И хотя я знал: компьютер оставит меня в живых, все же дальнейшие ошибки могли стоить мне памятных боков.

— *Она — только программа* — твердил я, пятясь от ревушей, патлатой морды размером с небольшой пикап. — *Программы могут позаботиться о себе сами.*

— Йип-йи-и-йип!

И в этот самый момент вверх взревел как-то по-новому. Он крутанулся, и я удивленно раскрыл глаза. Юная охотница Лодыжка восседала на спине быка. Вся мокрая и облепленная болотными водорослями, она, крепко держась за буйволиную гриву, затягивала петлю на косматой голове. Зверь хрипел, дико вращая глазами, бился в конвульсиях. Девушка издала победный клич, остальные охотники подхватили. Туго натянутые веревки держали буйвола с трех сторон.

Тут, по-видимому, бык покорился судьбе и позволил тащить себя к суше. До нее оставалось метра два или три.

Вдруг в последней, безрассудной попытке освободиться животное встало на дыбы. Девушка не удержалась и, отчаянно размахивая руками, шлепнулась рядом с буйволом, бьющем по воде копытами.

Я кинулся к ней с криком.

Скорее — попытался. Сегодняшняя техника по созданию виртуальной реальности не может симитировать ощущение плавания, поэтому компьютер тут помочь не мог. Все же мой специальный костюм позволил ощутить продвижение вперед. Уклоняясь от грозных рогов, я начал лихорадочно шарить под водой в поисках ученицы. Пролетело несколько ужасных мгновений... и наконец я нащупал в воде тоненький локоть! Маленькая рука цепко схватила мое запястье, я с усилием стал вытаскивать девушку. Буйвол потерял равновесие и, подняв фонтан брызг, завалился на то место, где перед этим лежала Лодыжка.

Мы поволокли тушу по берегу вниз по течению — туда, где племя уже начинало фанатичное ритуальное действо по поводу убийства зверя. В доисторические времена такая охота бывала в лучшем случае раз в месяц, и потому мои охотники славили в радостных песнопениях духов воды, земли и неба. Но мне было не до этого красочного обряда: я одолевал подъем. Ногам становилось все легче, будто тяжесть стекала с них одновременно с водой. В тот момент, когда я опускал девушку на траву, ноша показалась мне слишком реальной.

Это же надо — потратить столько энергии из-за какого-то программного продукта. Теперь мысль о его дороговизне даже не пришла мне в голову — я взволнованно прислушивался к дыханию Лодыжки. Бледная, с головы до ног вымазанная грязью, она два раза кашлянула. Вдруг сверкнули две голубые молнии: она открыла глаза. Втянув воздух во внезапном судорожном всхлипе, она стремительно обвила руками мою шею.

— Ого! — отреагировал я.

Никогда прежде виртуал-костюм не посылал мне столько импульсов, ввергая меня в целое половодье ощущений. От впившегося камешка ныла ладонь. Солнце жгло заляпанную илом спину. Кроме того, я ощущал теплоту и мягкость ее тела, прижимавшегося к моему теснее, чем можно было предположить в таких обстоятельствах.

Тут до меня дошло, что Лодыжка видит во мне не только спасителя. Ее нервное дыхание, ее движения говорили об этом. Я вновь удивленно хмыкнул и попытался освободиться от ее рук.

— Прекратить симуляцию!

Последнее, что запечатлелось перед тем, как я сдернул шлем: лежащая на земле Лодыжка — вся в грязи, мускулистая, в охотничьей одежде и все же, как ни странно, абсолютно женственная. Она смотрела на меня благоговейно и с желанием.

Она была только программой — биты иллюзии на кремниевом кристалле. Вдобавок, я и не знал ее почти.

Но ее притягательность была для меня неодолима, под стать притягательности жены.

Без шуток, я люблю свою жену. Всегда причислял себя к тем счастливицам, жены которых знают их вдоль и поперек и все-таки чрезвычайно высокого о них мнения.

«Здесь что-то не так», — подумал я.

Обескураженный, я стянул потный виртокостюм и поплелся в душ.

«Как же все это теперь объяснить Гее?»

Уже намыливаясь, я рассудил: «А что, собственно, объяснять? Я ничего не сделал!»

Вода смывала пену, а в голове проносилось: «А если бы и сделал? Было бы это изменой? Или экзотической формой возбуждения?»

Помню, мама совершенно спокойно относилась к отцовской коллекции журналов слегка эротического толка. Очевидно, ее абсолютно не беспокоили его безобидные интимные фантазии. И Гея никогда не считала «Плейбой», электронную версию которого я выписывал, конкурентом себе. Она сама иногда «листала» его страницы... «посмотреть кое-какие статьи». И если определенное количество здорового, визуально стимулированного аутоэротизма воспринималось нормально, то мой реальный любовный роман был бы для нее настоящим ударом.

Итак... что же едва не произошло в моей компьютерной комнате? Нечто среднее между заигрыванием с однокурсницей и интрижкой с надувной резиновой куклой.

Очень жаль, что так и не додумались до этой штуки, что встречается в научной фантастике: прямого интерфейса компьютера и человеческого мозга. Тогда я смог бы проигнорировать любое симулированное приключение как нечто сугубо ментальное. Но то, что мы есть и что делаем, слишком связано с нашими телами... нервами, гормонами, мышцами. По-настоящему яркое переживание бывает с обязательным участием живой плоти.

Когда задействовано тело, виртуальная реальность может симитировать любую поверхность. Подкрадываясь к жертве, я ползу по траве и горячим пескам, по озеркам, оставляемым приливом.

Но нужно ли так реально эмулировать *женщину*?

«Конечно, техника движется вперед, но это — вздор!» Я смеялся, подставляя тело мощному потоку теплого воздуха из сушилки. Потом надел махровый халат и вышел из ванной с намерением все рассказать жене. Перед игрой я видел ее в детской: что-то мурлыкая себе под нос, она разбирала вещи для будущего младенца. Гея приветливо пожелала мне «удачной охоты».

Я не нашел ее в детской, но ощутил там оставленное ею тепло. Стены маленькой комнаты украшали голографические мобили и несущиеся в космосе планеты. Почти все оборудование установил я сам, включая агрегат по изготовлению одноразовых пеленок. Плавающая детская колыбелька будет согласно заданной программе воспроизводить биение материнского сердца и другие ритмы, знакомые ребенку до рождения, — они станут успокаивать его в первые недели жизни.

Здесь мой причал, здесь брошен мой якорь. Не в какой-то там выдуманной охотничьей артели, которая, по мнению фемизмо-психологов, нужна всем современным мужчинам. *Моя семья*. Реальный мир, даже загрязненный, перенаселенный и изнуряющий, все-таки там, где вы проживаете свою реальную жизнь.

— Гея! — крикнул я, заглянув в гостиную. — Никогда не догадаешься, что со мной произошло...

Комната была пуста. Я отправился на кухню, наполненную шуршанием скребущихся внутри своей тюрьмы насекомых.

Вот те раз. Она не говорила, что сегодня занятия в Школе естественных родов.

— Компьютер, оставила ли моя жена сообщение, куда она направляется?

Ответило контрольное устройство: «Ваша жена не покидала квартиру. Она находится в своей виртуальной комнате».

«Ах... да. Ее очередь. Видимо, прошла туда, пока я мылся».

Я медленно опустился на тахту — все еще было не по себе от недавнего сверхстрессового приключения. Я взял пульт дистанционного управления и «пробежался» по вечерним кабельным программам. Помимо традиционных бесчисленных инфо-развлекательных каналов, предлагалось и другое: любительские видеофильмы, публичные дискуссии, программы по интересам, шоу с обратной связью, когда можно включиться в обсуждение, передачи типа «дядя Фред», где показывают слайды о его псевдовосхождении на Эверест. Обычная мура. Я сделал заказ в библиотеку — почитать, что-либо хорошее — и минут десять сидел, уставившись на первую страницу «Робинзона Крузо». Потом двинул кулаком по диванной подушке.

— Черт!

Я встал, уговаривая сам себя: надо пропустить стаканчик... пойти в туалет... затем поискать в шкафу теннисные туфли... Может, выйти из дома и, как в стародавние времена, прогуляться...

Я нашел свою обувь там, где оставил — около щелочки в стене гардеробной. Прислонил к ней ухо и уловил еле слышные звуки, доносившиеся из смежной комнаты — святилища моей жены.

Это был не разговор, а стесненное, тяжелое дыхание.

Ну что ж, у собирателей работа тоже была тяжелая, будь то ужение рыбы или жатва диких злаков.

Одетая в шлем и виртокостюм, Гея сидела примерно в той же позе, что и в прошлый раз: на корточках, разведенные руки направлены вперед и книзу — будто она ими что-то схватила. Комплекс имитировал некий продолговатый предмет, который она оседлала, энергично раскачиваясь вперед и назад. Что бы она ни делала в своем приватном мире, это требовало больших усилий: голова ее запрокинулась назад, Гея громко застонала.

Я узнал этот стон. Посмотрел снова на очертания некоего предмета под ней. Предмет тот не был куском дерна или лежащим бревном. Даже без специальных очков, наушников и сенсорных перчаток я мог определить очертания мужского тела.

Очень кстати оказались эти кроссовки, в самом деле. Я отправился тут же на улицу прогуляться по висячим мостам, опоясывающим, подобно кружевам, серые здания метрополиса. Подо мной виднелась паутина транспортных артерий и работающие машины, поддерживающие жизнь города. Глядя вдаль поверх высоких небоскребов Чайтауна, напоминающих скалистые горы, звезд я не видел, только неясное свечение в дымке смога. В такое позднее время надо радоваться бы телекамерам Общественной безопасности, глазевшим с каждого фонарного столба. Но под их бдительным оком я чувствовал только, что неотступно наблюдают за мной. В прериях можно не бояться стать жертвой миллионов незнакомцев. Двадцать тысяч лет назад таковых просто не существовало. Все жили своим племенем.

Я нырнул в ближайший бар под неоновую голографическую четырехмерную вывеску, причем одно измерение перегорело. Пиво было

превосходным, атмосфера — унылой. Посетители сидели, уставясь в свои кружки и стараясь не встречаться глазами с соседями. Какой-то тип нездорового вида все кидал и кидал монетки в «машину наслаждений» и совал голову в колпак, чтобы получить порцию электрического удовольствия. Реагировал он как-то скучно, без эмоций.

Гея же была полна нутряной, грубой чувственности.

Теперь до меня дошло, откуда у нее то соблазнительное движение, которое появилось в наших любовных играх последнего времени. Очевидно, у нее есть наставник, причем опытный. Некто, кого я никогда не встречу, не говоря уже о том, чтобы двинуть ему в морду.

«*Баш на баш*». Разве я не принял как должное собственное приключение с симулированным сексом — еще не зная, что Гея на этой стезе первая? Если я квалифицировал этот секс как разновидность самовозбуждения, а не измену, то почему же для нее это определение не годится?

«*С ней все по-другому!*» — возражала какая-то часть меня. Я силился как-то обосновать свое убеждение, но ничего не выходило. Мой «соперник» был фантомом, он не представлял никакой опасности в обычном смысле. Гее не грозила ни беременность от него, ни зараза. Ни умыкнуть ее или похвастаться моим коллегам, что наставил мне рога, он тоже не мог.

Суть же заключалась в том, что существовал ментальный образ, вызывающий ревность на глубинном, инстинктивном уровне. Ревность, идущую от древних импульсов, которые цивилизованный человек должен уметь преодолевать.

У меня не оставалось более уверенности, что я хочу быть цивилизованным человеком.

Нет, я не напился в стельку и не отдубасил верзилу, сидящего за соседним столиком. Поначалу возникло такое желание, а на черта? Я слишком уж теперь поднаторел в убийствах, чтобы ввязаться в дружескую потасовку здесь, в реальном мире. И кроме того, этот тип выглядел так, будто тоже играл в компьютерные игры. Может быть, там он снимал скальп с кого-либо или мчался по степи с виртуальным Чингисханом. Любой из нас, с виду серый и бесцветный горожанин, может оказаться опасным и загадочным.

Я расплатился и вышел.

Когда я вернулся домой, Гея дремала на тахте или притворялась, что дремлет. Вроде она обрадовалась моему приходу, а я сдерживал бушевавшую внутри бурю. Включил телевизионную стену. Жена решила, что самое мудрое — удалиться в спальню.

Минут через тридцать я влез в виртокостюм и вновь очутился в своем собственном мире.

*

Время шло. Гея полнела. Разговаривали мы мало.

Моя консалтинговая фирма все же обошла конкурентов и получила заказ от Тайко Тез с гонораром на несколько миллионов. Я примчался домой, и мы отпраздновали это событие с Лодыжкой: сначала убили льва, а потом предались любви в прохладе речной излучины. Мы лежали рядом, слушая, как стрекочут кузнечики и шумят ветви, раскачиваемые ветром. Горячий воздух, казалось, очистил мою кожу от влажного пота и

тяжелого запаха офиса. От напряженной позы на рабочем месте у меня стал болеть позвоночник. Лодыжка разминала его своими сильными руками.

Она молча внимала моим рассказам о взлетах и падениях в мире бизнеса, ни бельмеса, конечно, не понимая. Да какая разница. Мой виртуальный народ знал, что их вождь проводит почти все время очень далеко, в Земле Богов. В каком-то смысле принимающая все на веру Лодыжка была идеальным слушателем.

Если бы вот так же просто можно было разрядить тягостное, молчаливое напряжение между мной и Геей. Лодыжка и про нас слушала бы, да что сказать-то?

Вся ситуация выглядела нелепой, и виноват был я. Почему меня должно волновать, что делает жена в мире компьютерных фантазий?

Но это не давало мне покоя. Наш союз начинал расползаться по швам.

— Хочу тебе показать кое-что, — сказала Лодыжка, забирая с земли одежду.

Я протянул к ней руку, но она уклонилась.

— Идем, ну же, — настаивала она. — За телом льва Длинный Дротик может послать молодых ребят. А здесь поблизости есть кое-что, что ты должен увидеть.

Я надевал охотничью накидку.

— Что же это?

Она только улыбнулась и жестом предложила следовать за собой. На ходу завязывая ремешки на мокасынах, я пытался не отставать от нее, а вела она меня к поросшему лесом взгорку. Он находился на пути к «Лагерю», базе-фантому, которую я никогда не видел за время моих «вылазок» с небольшими группами охотников. Компьютеру потребовалось бы так много энергии, чтобы воспроизвести все племя, что мне даже и в голову не приходило попробовать пойти в этом направлении.

Когда мы достигли плоской вершины холма, то услышали едва различимые звуки, которые оказались скоро человеческими голосами. Люди разговаривали и смеялись. Мы пошли крадучись, а последние несколько метров ползли — до обрыва, с которого все было видно. Там, внизу, в паре сотен метров от нас, находилась группа женщин, сгрудившихся вокруг ствола дуба.

Длинными шестами они колотили по ветвям, пытаясь сбить с них что-то. Периодически одна из них бросала палку и прыгала, ударяя ладонью о воздух, а остальные смеялись.

Собирательницы, дошло до меня. Хотят добраться до меда. Впервые я увидел остальную часть моего «племени». Присмотревшись, я заметил, что многих окружали детишки, а одна из женщин без детей была явно с животиком.

Дыхание внезапно перехватило: я узнал округлившуюся, смеющуюся сборщицу.

Все это время каждый из нас — Гейя и я — играли в своем собственном компьютерном неолитическом мире, и никогда мы не догадывались, что наши «люди» — из одного и того же племени!

Это произошло случайно. Независимо друг от друга мы купили себе по программе, тогда даже еще не познакомившись. Но если вдуматься, то окажется очевидным, что компьютер, экономя пространство памяти, поместил наши приключения в один и тот же метафорический ландшафт.

— Мы переживаем, — сказала Лодыжка.

— Кто?

— Мы. Твой народ. — Она вытянула руку в направлении собирательниц, потом ударила себя в грудь и показала на восток, где бродили отряды охотников. — Нам больно.

— Отчего? — я был сбит с толку, озадачен.

— От разрыва. От боли между вами.

Я был в таком замешательстве от этого нового поворота событий, что и не слышал, что она говорит дальше. Всматриваясь в толпу внизу, я увидел в группе женщин двух мужчин, возившихся с сотами. Некоторые женщины ведь могут быть охотниками, ну и определенного типа мужчины чувствуют склонность к ритуалам и ритмам собирательниц. Возможно, один из них — мой соперник, синтезированный любовник Геи.

Внезапно захотелось спуститься к ним поближе. Но только я сделал шаг, как Лодыжка меня остановила.

— Тебе нельзя.

— Как тебя понять?

— Нужны чары. Чтобы объединить нас. Наше племя.

— Чары?

Она кивнула.

— Из Земли Богов.

Прошла секунда молчания.

— ...Я понял.

Больше, намного больше компьютерной памяти, вот что она имела в виду. До сих пор я охотился только с одним напарником, максимум — с десятью. Соединение двух симулированных миров, проработка нескольких дюжин персонифицированных действующих лиц потребовали бы больше мощности, чем имел наш домашний компьютер.

Да ведь никаких проблем! Впереди — повышение оклада. Можно прямо сейчас пойти и купить микросхемы в кредит. Пальцы сжались в кулак от напряжения. Завтра уж я рассмотрю поближе этого негодяя, который...

Смех внизу внезапно смолк, послышался пронзительный крик. Одна из женщин бросила палку и, скрючившись от боли, обхватила свой вздутый живот.

Я не раздумывал. С воплем вскочил на ноги и побежал вниз, к маленькой фигурке, что корчилась среди толпы перепуганных собирательниц.

— Гея! — крикнул я в ужасе. Ноги будто вязли с каждым шагом. По мере того как я мучительно долго приближался, очертания собирательниц будто расплывались в каком-то мареве. Земля дрожала, Лодыжка стиснула мой локоть.

— Не туда! — закричала она и повисла, не отпуская, хотя я кипел от гнева. — Ты должен идти! — Она стукнула себя по виску, затем показала на мой.

К дьяволу эту псевдожизнь!

Чертыхаясь, я рывком стянул шлем, ободрав щеку ремешком. Костюм все еще посылал телу ощущения другого мира — горячего ветра саванны и полных песка мокасинов. Но перед глазами была уже крохотная комната с кремовыми стенами, полом, застланным игольчатым материалом, который имитировал пологий склон холма. От сшибки ощущений меня зашатало.

— Я иду к тебе, Гея! — крикнул я, ринувшись в спальню, к жене.

Слишком они носятся со всем этим делом. Меня интервьюировали для каких-то журналов. Поговаривают о возобновлении курсов для папаш, желающих присутствовать при родах. Но это ведь смешно, весь этот шум. Любой мужчина на моем месте сделал бы все так же. А действительно важно то, что все прошло благополучно.

Томми-младший в восторге, когда чудо-кровать переносит его в многоцветный мультимедийный мир. Он вырастет в Чай-тауне и на Марсе, в Древней Греции и в племени каменного века. Он будет бродить по исчезнувшим лесам и узнает, чего мы лишились. А чуть позже сможет примерить к себе все множество миров, которые в мои года подростки только рисовали в воображении. Но даже его поколению еще долго придется постигать разницу между реальностью и вымыслом. Ведь именно реальность продолжает причинять боль, когда вы стянули с себя виртокостюм.

Мы с женой решили свои проблемы, как только наши племена объединились. И я, и Гея иногда еще флиртуем в компьютерных мирах с их порождениями. Несмотря на все стенания современных блюстителей нравов, кто же может устоять? Виртуальность забавна, славно быть Вождем, но ничто не сравнится с шелковистостью кожи милой — настоящей или с непредсказуемостью ее ума — подлинного.

Кровяное давление у меня в норме. Кровеносные сосуды не забиты шлаками, мускулы крепкие и сильные. Я всегда чуточку голоден, подобно своим предкам, и, возможно, проживу сотню с лишним лет. В переполненном мире, где обитают двенадцать миллиардов душ, я могу часами бежать в одиночестве, только газели или одинокий ястреб промелькнут вдалеке.

Львы обходят меня стороной.

Пусть другие будут богами в своих компьютерных царствах. Меня устраивает быть просто человеком.

Погодите. Я даже начинаю любить термитов.

Грегори Бенфорд

МОЦАРТ И МОРФИЙ

Это странное, но стильное научно-фантастическое произведение — творение одного из лучших авторов F&SF. Последние книги Грега Бенфорда — «Приливы света» и «За занавесом ночи» (в соавторстве с Артуром Ч. Кларком). Бенфорд также был ведущим в серии радиопередач Пи-Би-Эс, выходившей в 1991 году под названием «Галактическая одиссея».

Как рабочую гипотезу для разрешения загадки нашего существования я готов выдвинуть предположение, что наша Вселенная самая интересная из всех возможных, и именно людям суждено сделать ее такой.

Фримен Дайсон, 1988

*Теория суха, мой друг,
Но древо жизни вечно зеленеет.*

Гёте, «Фауст»

Думаю, что тем летом, когда Господь, похоже, захотел остановить меня, я все же проник немного в Его замыслы.

Понимаю, что это не совсем обычный способ для научного изложения, которому свойственна серьезность и напыщенность. Но все же прислушайтесь, пожалуйста. Я попытаюсь рассказать о таких вещах, разговора о которых ученые стараются избежать, хотя эти-то скрытые ритмы и первостепенны для нашего ремесла.

Я живу в небольшой общине, чьи домики растянулись по берегу Тихого океана наподобие доброжелательной улыбки, сверкающей в золотых лучах солнечного света. Этому неослабевающему блеску словно в насмешку противостоял мрачный хаос, царящий в моей голове, сражающейся с физическими формулами. Целые дни я проводил за работой во внутреннем дворике, а за полоской песка раскинулась с евклидовой грацией синь океана, уходящая в перспективе в неизмеримую бесконечность. А оттуда все струился нескончаемый свет, делая до боли очевидной уродливость моих уравнений — единственного изъяна в природе.

У меня вошло в привычку завершать тщетные потуги разработчика теории частиц пробежкой по пляжу вечером. Соленый воздух прочищал мне мозги. Красное солнце висело низко, и я не спеша трусил по теплему, похрустывающему песку, наблюдая как океанские валы накатывают на берег. Я не обратил внимания, что впереди собрались какие-то люди, и поэтому первый выстрел застал меня совершенно врасплох.

Несколько подростков кинулись врассыпную, а сухопарый парень, лет около двадцати, целился в них из маленького, поблескивающего никелем пистолета и что-то выкрикивал. Я принял за аксиому, что пистолет должен быть заряжен холостыми — выстрел прозвучал негромко.

Стрелявший ругался на мальчишку, пробежавшего справа от меня. Я все еще тупо продолжал бежать, не сворачивая, когда раздался второй выстрел. Мальчишка почти поравнялся со мной, и пуля свистнула над моим ухом — тсииип!

Это уж точно не холостой. Следующие сто метров я пролетел за десять секунд, взрывая внезапно ставший очень вязким песок и только раз оглянувшись назад. Звук третьего выстрела долетел до меня, но воплей больше не было — только ругательства того сухопарого парня, который пятился вверх по бетонным ступенькам и пытался не дать сбившимся снова в группу подросткам приблизиться к нему.

Издалека было видно, как он выстрелил в последний раз, уже не стараясь попасть в кого-нибудь, а просто удерживая их на расстоянии. Потом он повернулся и побежал вверх по улице.

Я потрусил обратно, через толпу собравшихся на пляже зевак. Видимо, не поладили из-за наркотиков: подростки хотели надуть худого, и он вышел из себя.

Полицейские схватили его через несколько минут. Я видел, как ему зачитали его гражданские права... и внезапно в моем мозгу появилась зацепка относительно вычислений, которыми я занимался весь день. Просто вот так, взяла и появилась.

Черчилль однажды заметил, что ничто так не взбадривает, как просвистевшая мимо вас пуля.

Возможно, этим и объясняется мой творческий спурт всю следующую неделю. Я нашел несколько свежих математических приемов, новое сопряженное преобразование. Задачи решались сами собой.

Я пытался тогда создать модель Вселенной, не отталкивающуюся от предположений о количестве ее измерений. Мы привыкли к нашим трем уютным пространственным координатам и вечнотекущему времени — то есть, к четырем измерениям. Когда Господь создавал Вселенную, чем был обусловлен этот выбор? Могли бы основные законы, управляющие Вселенной, работать, скажем в шести измерениях? Двадцати шести?

Такой вопрос, конечно, отдает наглостью. *Кто* или что может обуславливать деяния Бога?

Но все же мое воображение свободно витало в лабиринтах формул, ручка спешила заносить их на бумагу. Я сидел в необычайном оживлении и созерцал пляж внизу, где судьба — «тсииип!» — миловала меня.

Я прервал свои размышления, чтобы слетать на восток к родителям, на их золотую свадьбу. В Алабаме стояла жара, тяжесть тамошнего воздуха как-то успокаивала.

Когда долго блуждаешь в потемках, что свойственно исследователям, в разговорах с родителями хочется коснуться темы нейтральной, в которой все одинаково несведущи: политики, детей, экономики. Я чувствовал, что выхожу из колеи беспристрастной математики, являющейся, по моему убеждению, основой всего.

Мы с отцом после утренней церковной службы ехали на прием по случаю годовщины. Это был влажный, солнечный день. Я лениво вдыхал запах сосновой смолы, разлившийся в воздухе, когда отец притормозил возле предупреждающего знака. Мы снова тронулись, и тут что-то ворвалось в поле зрения. Это была машина, вынесшаяся из-за телефонного шкафа-распределителя. Я крикнул: «Стой, папа!» — в одно слово. Отец нажал на тормоза, и та машина врезалась нам в крыло.

Лобовое стекло разлетелось алмазными осколками. Стальной обломок вонзился мне в голову. Боли я не почувствовал, но по лицу потекла кровь.

Крики и боль в виске. Отец притянул меня к себе, стеклянные осколки посыпались на дно машины. Я спустил ослабевшие ноги на мягкий гудрон и помог отцу стянуть с себя рубашку.

Мы перетянули ею рану, чтобы остановить кровь, а я все повторял: «...закололи как свинью...» — пораженный потоком крови, хлеставшим из меня.

В узле, туго стянувшем голову, будто в кулаке, была зажата моя жизнь. Прислонившись к машине, я почувствовал легкость, воздушность в

теле. Судя по геометрии столкновения, отец успел спасти меня: нажми он на тормоз чуть позже, та машина протаранила бы нас насквозь.

— Еще бы чуть-чуть — и конец, — пробормотал отец.

Люди в другой машине были сильно потрясены. После внезапного ошеломляющего столкновения в наступившей тишине все кругом снова медленно-медленно стало сливаться воедино. Босая женщина-водитель. Машина из проката. У женщины сломана рука. Эта женщина сидит в придорожной канаве, измазанная красной глиной, раскачивается и стонет.

Отец принял все сдержанно, но в ушах моих звенела тревога. Сосны пахли еще острее. Широкие листья трав, азалии, яркие желтые цветы — изощренные орудия размножающейся, полной жизни природы. До невероятия четкий мир вокруг и мое упорное присутствие в нем требовали столь же ощутимого объяснения.

Преследовавшая меня в то тусклое серое лето загадка была порождением моего вечного желания привести все к общему знаменателю. Оно присуще всем физикам.

Дух Эйнштейна все еще движет нами, и мы пытаемся найти объединяющий Вселенную принцип в симметрии, заключенной в законах, управляющих материей. Все великие ученые стремились к унификации: Ньютон, Эйнштейн... и в самом деле, природа часто начинает свой великий труд с чего-то незамысловатого, единого. Вначале гомогенный, океан каким-то образом дифференцировался на клетки и микроорганизмы, хищников и жертв. Наши общие бесприметные обезьяньи предки нарушили свою симметрию, произведя нас такими как мы есть: с замысловатыми языковыми символами и культурами. Появление разнообразия из общности — вечный процесс.

Мы все стремимся найти то первоизданное единство. Мы надеемся, что вся природа развилась из безмятежной симметрии. Единый управляющий Закон, по мере того как расширялась Вселенная, распадался на составляющие, расщепляя единство, выплескивая на поверхность бытия четыре известных нам теперь силы.

Но что за странные это силы. Гравитация удерживает нас на нашей одинокой планете. Электромагнитные силы дарят свет, который нашептывает нам о далеких галактиках, о странных космогониях. Звезды мерцают в бескрайней черной пустоте, подогреваемые сливающимися атомами, которые подчиняются силам слабого взаимодействия. А под кажущейся незыблемостью материи таится большая сила — клей, скрепляющий ядро.

Я работал тогда, чтобы отыскать самую первичную, единую силу. Ни один лабораторный эксперимент не может привести нас к ней, потому что требуемые энергии должны быть сопоставимы с теми, что возникли в самый первый момент времени. Поэтому составить карту белых пятен Главного Закона предстоит аргонавтам по морям математики.

Вслушайтесь в дыхание нашей Вселенной, Земли, атомного ядра, наконец, крохотной былинки, называемой сверхнитью. Каждый шаг вглубь материи перекрывает двадцать порядков. Вот как далеко продвинулись наши теории.

Такая бесконечная малость очень меня тогда заботила. Образ крохотной трепещущей сверхнити преследовал меня и ночью, в снах.

Иногда я просыпался с головной болью, все еще возвращавшейся после аварии. Мне было неприятно осознавать, что мой мозг защищен

лишь хрупкой костяной раковинкой, словно заложник грубых сил. Разум в осаде.

Одна моя подруга отозвалась однажды о мозге, как о «компьютере из плоти». Она занималась исследованиями искусственного интеллекта, и в моменты, когда боль затихала, я часто вспоминал ее грубое, но, возможно, верное замечание. Хотя я все еще стремился найти разгадку лабиринтов теории.

В конце сентября я делал последние приготовления перед тем, как отправиться на конференцию в Индию, когда начались боли в животе. У детей были те же симптомы, и я решил, что это обычный грипп, ходивший по округе. Несколько дней вылежал, ожидая, что все пройдет. Чувствовал себя уже нормально, немного температурил, а боль сместилась куда-то ниже.

На полдня отправился в университет, чтобы встретиться с дипломниками. И там около двенадцати часов дня боль резко усилилась. Не мог встать. Мир сжался в шарик, а я был словно пришпилен в его центре. Я позвонил доктору, который вел прием неподалеку от университета, записался на прием и стал пересидживать боль. Она затихла, и я уже начал думать, что мир вернется к своей обычной линейной логике. Но анализы показали высокий уровень лимфоцитов в крови, жар и небольшое обезвоживание. Едва руки доктора дотронулись до моего правого бока, боль пронизала насквозь.

Врач решила, что это аппендицит и что меня надо срочно перевести в кабинет интенсивной терапии. Я подумал, что она поднимает слишком много шума из ничего, и попросил просто дать чего-нибудь обезболивающего. Хотелось лечь в больницу рядом с домом, где были знакомые врачи. И, хотя по долгу службы уже вызвали машину скорой помощи, я убедил себя в том, что мне уже лучше, сел в собственную машину и поехал вниз по дороге в каньон. Белые холмы блестели под невыносимо ярким солнцем.

У меня и вправду начался перитонит. Вскоре мимо меня уже плыли флюоресцентные лампы коридора, по которому анестезиолог вез меня в операционную. Он сказал, что я обладаю большой выносливостью к боли, ведь аппендикс явно воспалился и должен бы меня сильно беспокоить. Я спросил, когда начнут действовать транквилизаторы. Он было начал: «Ну...» — и вот я уже лежу, уставившись в потолок моей палаты, двенадцатью часами позже.

Ночь прошла хорошо, спокойно. Утром врач сообщил мне, что его подозрения оправдались — тот приступ, в офисе, был вызван разрывом аппендикса. К моменту операции гной уже разлился. Я попросил показать мой аппендикс, и мне принесли его немного позже, красный бугорчатый отросток, сверху весь покрытый белыми пятнышками. Я спросил, что это были за пятнышки, и сестра небрежно заметила: «А, это гангрена. Просто усеян».

Доктор сказал, что он уверен на шестьдесят процентов — антибиотикам не справиться с гангреной, охватившей мой кишечник. Но душу математические вероятности не убеждают. Конечно, я надеялся, что попаду в счастливые сорок процентов.

На следующее утро я понял, что обманулся. Меня всего лихорадило. После полудня я встал и немного походил, но когда медсестра попробовала помочь мне проделать это вечером, я уже не мог подняться. Меня тошнило чем-то горьким и мерзким; санитар стал объяснять, что

собирается ввести трубки; а потом какой-то шланг пополз через нос в горло; бутылка рядом начала наполняться коричневой желчью, ровным быстрым потоком.

Ночью я не смог уснуть, даже под действием транквилизаторов. Кто-то говорил, что не надо давать мне слишком много снотворного, чтобы не подавлять работу центральной нервной системы. Этого я не понимал, но тогда уже все было как в тумане.

И тут началось. Пришел доктор и сказал, что антибиотики не действуют и количество лимфоцитов растет. Еще кто-то настаивал, чтобы я пользовался чудной трубкой со стаканчиком на конце и легким шариком внутри, которую мне накануне дала медсестра. В нее надо было дуть, удерживая шарик в воздухе и тренируя тем самым свою дыхательную систему. Это казалось глупым — я дышал нормально — но все же немного поупражнялся и попросил поесть. Меня не кормили, а давали все через капельницу, только иногда разрешали пососать кусочек льда.

Меня окружали дергающиеся, нечеткие фигуры в белых халатах. Температура каждые два часа повышалась на градус, жена остужала мне лоб влажной тряпкой, хотелось есть. Я не понимал, каким образом они хотели вылечить меня, не давая еды. Они только тараторили по-своему и добавляли новые флаконы к действующему набору антибиотиков. Надели кислородную маску, но в голове от этого не прояснилось. От спазма сосудов капельница перестала функционировать. Какой-то человек все тыкал в мою руку иголкой, пытаясь найти неспавшуюся вену. Аккуратно и вежливо я попросил его отвалить. И принести мне что-нибудь поесть.

Меня уложили пониже, чтобы доктор мог применить в области сердца субклавиальную трубку. Она станет регулировать кровообращение, и тогда можно будет наладить капельницу. Затем я покатился под мягким холодноватым светом флюоресцентных ламп в большую тихую комнату. «Отделение интенсивной терапии», — сказал чей-то бас. Некоторое время я лежал абсолютно спокойно и расслабленно, видимо, — дела серьезные. Парень с трубкой и шариком куда-то делся, но сестры все равно заставляли меня проделывать это упражнение, что казалось мне по-прежнему страшно глупым, ведь я же не собирался прекращать дышать? Если бы они дали мне чего-нибудь поесть, я сразу пошел бы на поправку.

Когда раздражение прошло, я вдруг почувствовал, что дико устал. Я всю ночь не спал. Трубки мешали двигаться. А тут они еще ввели катетер, кстати, совсем безболезненно, и тогда я почувствовал себя подсоединенным ко всем этим машинам вокруг, переставшим быть независимым существом, а скорее, элементом слаженно работающей системы. Если я буду тихо лежать со сложенными на груди руками, то, может, мне удастся отдохнуть, а если я смогу отдохнуть, то выкарабкаюсь. Поэтому я сосредоточился на этой несводимой дальше единице действительности, погрузившись после инъекции морфия в блаженство, когда я мог позабыть обо всем мире и позволить ему позаботиться обо мне.

Я проснулся вечером. Мне снились гигантские цилиндры и пирамиды, с грохотом перекатывающиеся по синей бесконечной равнине, и огромные геометрические конструкции, весело резвящиеся на глади океана прямо перед моим домом...

На следующее утро меня вернул к действительности врач. Будто я

вдруг вынырнул посреди чьей-то чужой жизни. Мне стало лучше. Видимо, оттого что ввели новые редкостные антибиотики, которые чуть сбили жар, градусов до сорока. Но опасность еще не отступила, и следующий день должен был стать переломным.

Комнату по-прежнему пронизывал режущий глаза свет. Пришла моя жена в платье с широкой юбкой, волосы собраны в хвост, как в молодые студенческие годы. Я пошутил над этим, но ни она, ни медсестры не поняли шутки. У порога смерти только и оставалось кутаться в лохмотья остроумия.

Жена принесла мой плеер и несколько кассет. Так я смогу отключиться от больничной обстановки, как от шумов аэропорта со всеми его взлетами и посадками. Мне хотелось покатиться далеко-далеко по той синей равнине из снов: она манила.

Я попросил сестру надеть мне наушники и включить пленку. Девушка как-то странно глянула, может, не поняла моих слов? Потом мелодия рондо унесла меня прочь.

Едва начинался приступ, сразу давали морфий. Почти каждый час я требовал инъекции, взмывал над больничными простынями и уносился по эфирным каналам; приняв Моцарта и морфия, я скользил под самым потолком комнат, где хорошо одетые люди умиленно смотрели на меня, прервавшего их изысканный ужин: телятина с цветной капустой, приправленная острыми соусами; комнат, куда надеюсь еще вернуться и повидаться со старыми знакомыми, на которых теперь нет времени, потому что надо лететь вдоль мягко освещенных желтых потолков, над алыми кушетками и блестящими белыми скатертями, и улыбками, и блаженством. К синим правильным фигурам. Моцарт видел этот бесконечный гавот и находил способ включиться в него, устремиться ввысь, мчаться и скользить, все дальше и дальше, к всеохватывающей субстанции, не имеющей веса.

Физики не живут в реальном мире. Мы стали настолько расщеплены (еще одно жаргонное научное словечко), что считаем любое прикосновение реальности безнадежно грубым, неким забавным приближением.

От осязаемой материи мы легко ускользаем к сказкам о полях и частицах. С податливостью резины эти поля подчиняются четким дифференциальным уравнениям.

За ними лежат более глубокие выводы: группы симметрий связывают изощренными математическими формулами поля и частицы. Большинство физиков, занимающихся частицами, работают именно в этой области.

Но теперь мне открылась бездна более глубокой абстракции: группы симметрий сами по себе не наделены волей, и их лучше всего рассматривать как состояния, реализованные в десятимерном пространстве-времени. В этой большей вселенной наши скучные деяния, совершаемые в трех пространственных измерениях и времени, — просто мышьяная возня.

И еще: сверхнिति. Их динамика определяет конкретные состояния, возможные в том десятимерном мире. Вибрация их движений в этой неизмеримо большей вселенной вздымает прилив, выплескивающийся в низшие измерения, и далеко распространяется, подобно кильватерной волне океанского лайнера.

Именно это я и наблюдал в последующие дни. Все было там.

Абстракции — да, но я также ощущал полные энергии и движения кинэстетические чувства, наполняющие математику. Я мог завязывать сверхнити в узлы, делать с ними все, что хотел. Несмотря на свою крохотность, они должны были повиноваться непоколебимой логике математики. Я знал.

Когда по прошествии недели доктор снял швы, он небрежно заметил: — Знаете, вы были моим самым тяжелым случаем за год. Еще двенадцать часов, и вас бы не стало.

Хоть я и не совсем оправился, в ноябре все-таки поехал в Индию — было важно не дать тому странному новому духу спокойного восприятия смертности увести меня из реального течения жизни.

Как-то незаметно я утратил страх смерти. Могила более не казалась мне полным тайн пределом, а скорее, неким скучным местом за тонкой, как паутинка, перегородкой. Однажды эту тонкую черту придется пересечь, но для меня это событие больше не имело всепоглощающего, сверхважного значения. И по причинам, которые я не мог выразить, многие вопросы меньше заботили меня теперь, казались ерундой. Жизненно необходимыми стали люди, которых я знал, а все остальное измельчало, ушло на второй план.

Все, кроме работы. Я проводил очень много времени во дворике, наблюдая за классическим пространством, очерченным голубым морем.

Расчеты заняли всего несколько недель. Они оказались успешными, в том ограниченном смысле, в котором теории могут повлиять на мир. Да, они предсказали частицы, обнаруженные в недавно проведенных экспериментах на сверхускорителе. Действительно, эти вычисления описывают все четыре известных нам силы. Гравитация возникает, как проявление событий в десятимерном пространстве-времени.

Отсюда вытекает, что существует другой тип времени. В той системе наш усеченный континуум образует поверхность более общего, организованного через сверхнити пространства-времени. Из того мира все, что мы видим здесь, походит на поверхность мыльного пузыря, колеблющегося в воздухе. У пузыря нет конца, нет границы, и поэтому для нас нет резкого перехода в высшую систему координат.

Это подразумевает, что время, в общем смысле, нескончаемо. Конечно, это не наше время, а, скорее, длительность в высших измерениях. Существование этого абсолютного времени, возможно, одно из самых поразительных математических открытий.

Но что это означает? Мы ищем абсолютную единую теорию, выводящую из фрагментированных сил нашей хромой Вселенной Универсальную силу. Хотя даже это всего лишь набор правил и уравнений.

Что вдыхает огонь в математические выкладки и создает Вселенную, требующую описания? Теперь, когда достигнута единая модель, мы в какой-то мере ответили на вопрос, поставленный еще греками: «Что есть Вселенная?»

Мой ответ — мы испытываем события высших измерений. Наша обозримая Вселенная — тень высшей сферы.

Сейчас можно задуматься и над большей загадкой: «Почему существует Вселенная?» Задаться этим вопросом — значит попытаться познать мысль Господню.

Способны ли мы на это? В сравнении с мировоззрением,

возникающим из наших последних открытий, список из четырех сил выглядит слишком удобным, приспособленным к нашим потребностям. Гравитация приобретает большее значение в сооруженной мною модели, потому что, несмотря на то что это слабейшая из четырех сил, ее постоянное воздействие может заставить материю сжаться до неопределимых малых размеров.

Это означает, что мы можем так никогда и не узнать, работают ли наши теории. Как их проверить? Мы же, в конце концов, не можем заглянуть в мир сверхнатур.

Лишь бесстрастная красота математики может вести нас. Но куда идет этот извилистый путь?

Мы даже не можем решить задачу о движении трех тел, следуя ньютоновской теории гравитации. В моей теории ни для чего нет никаких решений.

Поэтому нет определенности. Даже самая превосходная модель дает нам, в конечном счете, лишь набор уравнений. Но теперь эти закорючки описывают события высших миров, огромных векторных пространств, где неуловимые сущности танцуют свои дифференциальные вальсы.

Все это очень далеко от мира людей. Хотя мы, теоретики, как я понял, до смешного сильно привязаны к нему.

У нас, теоретиков, есть свой дом с прекрасным видом, достаточный уровень доходов, цифровые стереосистемы и импортные машины, уставшие от наших чудачеств супруги — и мы беспечно считаем, что разрешили парадокс нашего существования как мыслящего животного. Но какой компас нас ведет, когда мы плывем в кильватерной струе проходящих мимо, невидимых глазу океанских лайнеров?

В Агре я поднялся рано, чтобы увидеть Тадж Махал. В первых розовых лучах он был похож на призрак.

Тадж мерцал над роскошными садами, похожий на игрушку, пока я не осознал, насколько огромен был выстроенный целиком из белого мрамора дворец. Правитель, построивший его как гробницу для своей жены, намеревался построить еще и черный Тадж на другом берегу протекавшей позади реки. Он бы лежал, похороненный там, а длинный крутой мост соединял бы оба дворца.

Но его сын, рассудив, во сколько обошелся первый Тадж, сослал своего отца на последние семь лет его жизни в форт из красного песчаника в миле от города. Когда старый правитель был уже слишком болен, чтобы сидеть, он лежал и смотрел на белый Тадж в зеркало до самой смерти.

Я понимаю, мои слова не похожи на обычно звучащие в этом зале. Пожалуйста, тем не менее примите мой странный подход за знак неуважения. Я глубоко благодарен Нобелевскому Комитету.

Я попытался поговорить о восприятии науки человеком, потому что мы все, в конце концов, заперты в границах нашего собственного, ограниченного сознания. Если труд, за который я был удостоен такой чести, поднимает больше вопросов, чем разрешает, то это определено условиями нашего существования. Мы постоянно боремся с безмерностью.

Мы кажемся такими маленькими. И все же некая гордыня заставляет нас считать, что мы что-то значим в этом мире.

У философов есть парафраз:

*Что разум есть? — Ну, не материя для разговора.
Что есть материя? — Тут разума не хватит.*

Но посмотрите на микропроцессы, управляемые квантовой механикой. Материя не инертна. Она активна, она постоянно выбирает между вариантами, следуя законам вероятности. Разум существует, по крайней мере в том смысле, что природа делает выбор.

Давайте теперь поднимемся на уровень нашего мозга. Этот хрупкий контейнер усиливает воздействие процессов, происходящих на квантовом уровне, тех единичных выборов, которые совершают в нашей голове молекулы. Мы применяем рычаг масштаба к лежащим более глубоко вероятностным событиям. Мы — увеличители.

А теперь перейдем еще выше. Сама Вселенная выказывает некоторые признаки дизайна, по крайней мере в вопросе выбора основных физических констант. Если бы эти цифры были другими, ни существование жизни, ни даже стабильность звезд не были бы возможны во Вселенной.

Или, в свете моих вычислений, взгляните на реальность других измерений. Возможно, они свернуты, словно крохотные свитки. Возможно, они просто лежат за пределами нашего знания, за исключением тех проявлений, которые я сумел вычислить. Мы не знаем — пока.

Хотя теперь мы имеем свидетельства умственной работы на многих уровнях физической реальности. Мы можем оказаться всего лишь частью большего действа. Например, мы в какой-то мере участвуем в размышлениях Вселенной о самой себе.

Мы скорее всего никогда не уверимся в этом с достаточной физической точностью. Моя последняя работа и работы других исследователей предполагают тем не менее, что высшие сущности влияют на течение нашего времени, пусть издалека, но глубоко.

Уравнения могут лишь подсказать, намекнуть, описать. Они ничего не могут объяснить.

Но я лично подозреваю, что наш осажденный мозг все же имеет значение. Каким-то образом. Для чего-то.

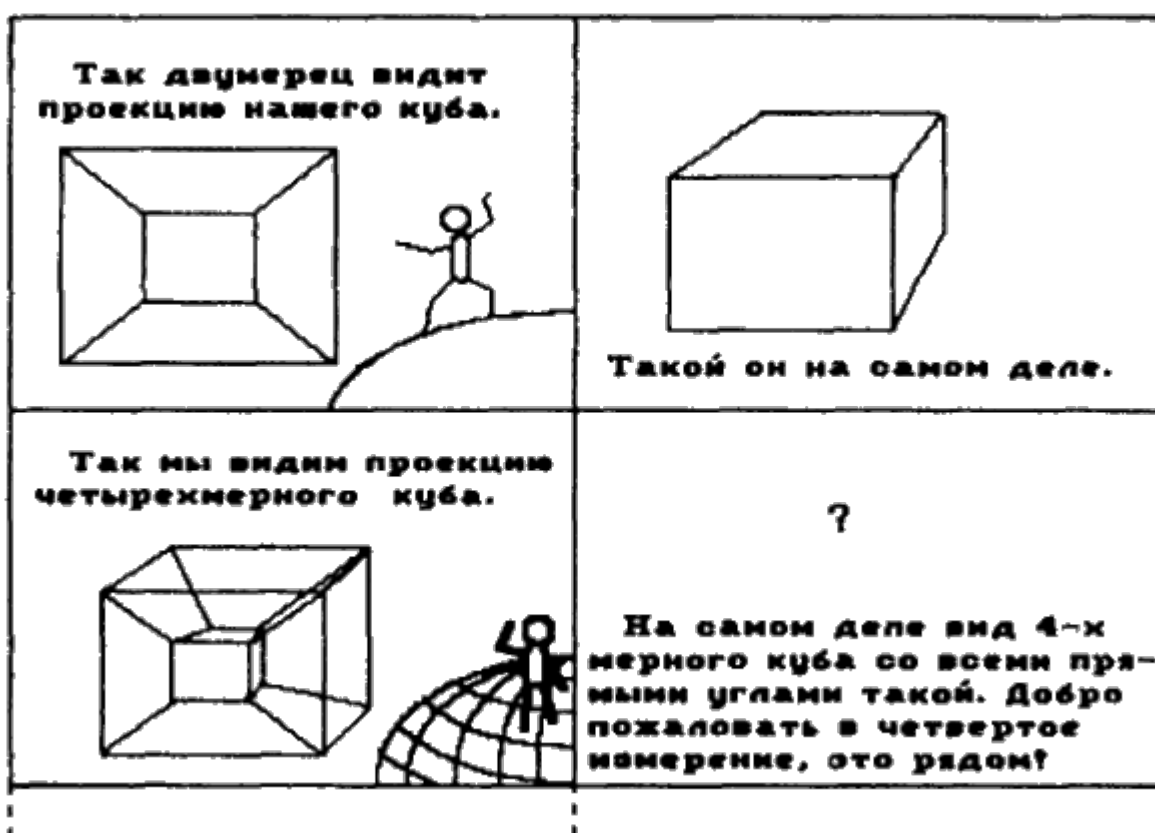
Конечно, очень легко сказать, что в некоем далеком измерении у времени нет конца. Но для нас как личностей он-то точно есть: перестрелки, автомобильные катастрофы, болезни.

Однако нам дан маленький маячок восприятия, через божественный язык математики. Может быть, для существ, подобных нам, этого достаточно.

...За Тадж Махалом текла неглубокая река, к которой вели широкие мраморные ступени. Справа заходили в воду индуисты. Некоторые совершали омовение в священных водах; другие медитировали. Слева те же индуисты отправлялись в последний путь. Трупы более богатых жителей Агры сперва сжигали на погребальных кострах, а затем пепел бросали в реку. Тех же, чьи родственники не могли позволить себе оплатить сожжение, после скромной церемонии выбрасывали с пристани на илистую отмель или в воду, если река поднималась. Это делали обычно ранним утром.

В первых лучах рассвета, я наблюдал, как канюки пируют на отмели. Они быстро справились со своей задачей и в пять минут не оставили и

следа от трупa. Тогда птицы снялись и улетели. Тадж стоял на берегу позади меня, безмятежно вечный, его цвет неуловимо менялся вместе с лучами солнца, которое поднималось над деревьями, холодный, совершенный купол гробницы мерцал, отбрасывая назад величественные тени. Каким-то образом в этом древнем, чужом мне месте все, казалось, находилось в соответствии друг с другом. Смерть наставала, так и должно было быть. Из этого простого факта вытекала неподвижность Индии. Я подумал о Моцарте и услышал слабую, словно звучащую издалека мелодию, почувствовал, что без усилий скольжу над морщинами коричневого пыльного мира, где бесконечно многообразие фрагментов и безостановочно кипение страстей, смотрел на падальщиков и на купальщиков, чувствуя медленное, грустное колебание двух несовпадающих миров.

Чем можно ограничить размерность мира? А помещается ли (см. рис.) четырехмерная мысль в трехмерном разуме? Или вот еще вопрос — какова толщина той трехмерной страницы четырех и более — мерной книги, где, возможно, записаны параллельные трехмерные миры, один из которых кажется таким реальным. И не приходится ли нам довольствоваться лишь тенями объяснений?

Роджер Желязны

ТРИ НИСХОЖДЕНИЯ ДЖЕРЕМИ БЕЙКЕРА

Двадцать четыре года украшали страницы журнала «F&SF» произведения Роджера Желязны. За это время он четыре раза становился обладателем премии Хьюго, два раза — премии Небьюла, выигрывал премию Аполло. Последней его книгой было суждено стать написанному в соавторстве с Джеральдом Хаусманом роману «Заповедные места» (1995). А перед вами — последний из его опубликованных при жизни рассказов. Про него Желязны писал: «Рассказ «Три нисхождения Джереми Бейкера затрагивает физические концепции, недавно выдвинутые вполне уважаемыми физиками. Мне показалось забавным попытаться все их скомбинировать в одном произведении».

© Roger Zelazny. Three Decents of Jeremy Baker.

F&SF, 1995.

Перевёл Владимир Герасименко

I

Джереми Бейкер был единственным, кто уцелел, когда космический корабль «Ворон» с вартон-парговской тягой наконец достиг окрестностей черной дыры. Ее приливные силы тут же проявились. Части корпуса стонали и потрескивали, зловещим аккомпанементом вторя тревожным показателям индикаторов и прочих приборов, наперебой перечислявших неполадки на борту. Джереми, который до тех пор томился бездействием, теперь, отчасти оглушенный всем происходящим, пользовался сомнительной привилегией испытать свой тяжелый скафандр для выхода в открытый космос на прочность во время бедствия. Скафандр в данный момент был надет почти полностью, кроме шлема, который Джереми быстро опустил на голову. И безотлагательно попытался достичь рубки управления, чтобы активизировать снова вартон-парговскую тягу в надежде проскочить внештатное пространство, хотя при сложившихся обстоятельствах это могло бы с большей вероятностью привести к взрыву «Ворона». Но «Ворон» и так взрывался, значит, стоило попытаться.

Однако Джереми не удалось достичь цели.

Космический корабль начал распадаться вокруг него на части. Промелькнула, как ему показалось, вращающаяся среди обломков фигура одного из членов экипажа в комбинезоне.

Как-то внезапно он остался один. Части «Ворона» уплыли куда-то в бесконечность. Джереми судорожно выпил глоток воды из загубника скафандра, пытаясь сообразить, за ноги ли его потянет в бездонный гравитационный колодец или свинцовой тяжестью станет вперед наливаться голова. Представление о положении в пространстве отсутствовало. Все еще не оправившись от потрясения, он пристально начал всматриваться в наползающую на звезды тьму. Теперь ясно. Первой почувствует силу перегрузки его правая рука. По крайней мере —

работала мысль — это будет не банальный способ умереть. Немногим удалось испытать его на себе, хотя и существовало множество колоритных рассуждений на этот счет.

Представлялось, свободный полет длится уже довольно долго. Джереми размышлял о великих чудесах за пределами человеческой жизни, но ничего необычного не ощущал, иногда только краем глаза улавливал тонкие линии мерцающего света. Откуда они возникали — неведомо. Непреодолимо захотелось спать, и он заснул.

— Так-то лучше, — было чувство, что голос раздался спустя всего мгновение. — По всей видимости, действует.

— Кто... или что вы такое? — спросил Джереми.

— Я — флиип, — последовал ответ. — Одна из тех мерцающих линий света, на которые вы недавно обратили внимание.

— Вы здесь живете?

— Уже довольно давно, Джереми. Это не так трудно, когда обладаешь мощной «пси»-энергией.

— Мы с ее помощью и беседуем?

— Да, пока вы были без сознания, удалось установить в вашем мозгу телепатические функции.

— А почему меня все еще не растягивает в спагетти на многие мили?

— Я создал антигравитационное поле между вами и черной дырой. Поля скомпенсированы.

— Почему вы оказали мне помощь?

— Хорошо поговорить с кем-нибудь новеньким. Иногда я устаю от общения с братьями-флиипами.

— О, да вас тут целая колония?

— Конечно. Здесь великолепные возможности для изучения физики, и мы все этим занимаемся.

— Не похоже на благоприятную для развития жизни среду.

— Ты прав. Некогда и мы были расой материальных существ во плоти, но достаточно развитой, и, когда обнаружили начало превращения нашего солнца в сверхновую, мы избрали путь превратить себя в то, чем являемся теперь, и изучать явление, а не спастись от него бегством. Действительно, эта черная дыра была когда-то нашим солнцем. Теперь оно сделалось грандиозной лабораторией. Давай, я тебе ее покажу. Причем теперь тебе удастся увидеть больше прежнего, поскольку и с настройкой ощущений пришлось повозиться немного. Расширить диапазон восприятия. Скажем, теперь ты сможешь наблюдать гало Хокинга над горизонтом событий².

— Да, бледно-лиловое, фиолетовое, пурпурное... Довольно красиво. А если бы я продолжал движение и вышел за пределы горизонта события, было бы там мое изображение действительно запечатлено навеки? Мог бы я вернуться и увидеть себя в этой точке своей мировой линии?

— И да, и нет. Да, ты бы привнес в это изображение свой покоящийся в остановленном времени свет. Нет, вернуться и увидеть себя, совершающим такое действие, было бы нельзя. Если попасть внутрь черной дыры, назад пути нет.

2 Горизонт событий — в физике — граница, иногда плавная, пространственно-временных областей Вселенной, между которыми невозможен прием или передача любого сигнала, так как он при этом должен превышать скорость света, и, следовательно, взаимная история этих частей Вселенной неоднозначна. (Примеч. ред.)

— Да, я выразился неудачно. Скажи, если есть и другие флиипы, то должно быть и какое-то особое имя только у тебя.

— Зови меня Ник, — последовал ответ.

— Отлично, Ник. Что это за огненные точки перед нами? И эти огромные темные массы вокруг них?

— Это наши проводят эксперимент. Я выбрал очень высокую скорость нашего перемещения. — Я заметил — дыра теперь закрывает немного большую часть небосвода. На что направлен эксперимент?

— Огромные темные массы являются следами десятков тысяч солнц и планет, доставленных нами сюда. Видны сейчас только те, что находятся в нашем пространстве. Мы вытаскиваем их изнутри по мере необходимости. И запускаем в дыру.

— Зачем?

— Чтобы увеличить скорость ее вращения.

— Э... для какой цели?

— Чтобы получить замкнутые времяподобные мировые линии.

— Как это понять?

— Временные петли. Что позволит нам двигаться в обратном направлении, через прошлое.

— И как, получается?

— Да, кое-что.

— А нельзя ли помочь мне попасть обратно на «Ворон» перед взрывом?

— Не спеши. Но примерно это мне и хотелось бы проверить.

Ник с Джереми уравнили скорость с мерцающим скоплением и оказались вблизи от наибольшего из светящихся созданий. Беседа двух флиипов походила на обмен молниями.

— Вик говорит, имеется одно средство, оно могло бы помочь в осуществлении желаемого, — сообщил в результате Ник.

— Позвольте мне его использовать. Пожалуйста.

— Надо будет также сконцентрировать мышление до степени, достаточной для изменения собственной скорости одним усилием мысли, — сказал Ник. — Повернем сюда.

Напряжением воли Джереми двинулся следом, пока вдруг не оказался перед неожиданно возникшим в свободном пространстве узором из множества линий, будто нарисованным на компьютере.

— Это специально, чтобы у тебя сохранилось ощущение происходящего, — раздался снова голос флиипа. — Входи в левый трапециод.

— Если сработает, мы можем больше никогда не увидеться. Поэтому хочу заранее поблагодарить.

— Принимаю благодарность с удовольствием. Конечно, хотелось бы задержать тебя тут еще и побеседовать подольше, но мне понятно твое состояние. Иди.

Джереми двинулся в трапециод.

Через мгновение все преобразилось. Оказалось, он вновь на борту «Ворона», стоит в своем скафандре со шлемом в руках. Джереми кинулся сразу к пульта управления, накидывая шлем на ходу. Знакомое ощущение выхода в реальное пространство. Приливные силы взяли за «Ворона», и тот стал стонать и кряхтеть.

Вот уже кнопка включения вартон-парговской тяги совсем близко, он потянулся к ней. Но тут корабль разлетелся на части, и Джереми

отшвырнуло от пульта. Перед ним промелькнула, вращаясь, чья-то фигура в комбинезоне.

Позже, дрейфуя, он встретил Ника, который не помнил его, но быстро понял объяснения Джереми по поводу произошедшего.

— Я все еще нахожусь на замкнутой времяподобной траектории? — спросил Джереми.

— О, да. Мне неизвестен способ выхода из ЗВТ, пока она эволюционирует в своем развитии, — ответил Ник. — Рассуждая теоретически, в случае выпадения из нее ты бы оказался в итоге внутри черной дыры.

— Тогда остается только довериться ходу ее эволюции. Но ведь на этот раз все вышло немного по-другому.

— Да, ваша классическая физика детерминистична: из одинаковых причин — те же следствия, — но здесь действует не классическая физика.

— Мне почти удалось добраться до пульта «Ворона». Интересно....

— Что именно?

— Вы установили некую телепатическую функцию в моем мозге. А могли бы вы научить меня чему-нибудь еще — телекинезу, что ли — чтобы мне удалось удержать воздушную оболочку вокруг головы в течение минуты или двух. Я убежден: заминка с надеванием шлема — именно она — не дала мне достичь пульта вовремя.

— Посмотрим, что можно сделать. А пока вздремни.

Когда Джереми очнулся от сна, он уже мог передвигать усилием воли небольшие предметы. Поупражнялся немного — стал двигать предметы из ранца с набором инструментов, заставляя их летать вокруг рук, ног, головы и возвращая на место, не прикасаясь к ним.

— Вроде понятно, как это делается. Ник. Спасибо.

— Тебя интересно изучать, Джереми.

На этот раз, когда Джереми вдвинулся в трапециод, его ум был напряжен и готов к действию: бросившись к панели управления, астронавт удержал вокруг себя воздушный пузырь.

Он ждал — руки наготове над контрольной группой светящихся индикаторов вартон-парговской тяги, — когда «Ворона» выбросит в обычное пространство. Контрольные огоньки погасли. Он резко провел рукой над ними, зажигая вновь.

Одновременно с всплеском приливных сил раздался взрыв в хвостовой части корабля. Руководство не врало. Повторная активизация тяги, сразу за ее отключением, была чревата опасностью для здоровья экипажа. Пламя встало стеной, Джереми пришлось набросить шлем. Изолирующий скафандр защитил его от перегрева, а «Ворон» вокруг распадался на части. На этот раз фигура в комбинезоне не проносилась мимо.

И снова свободный дрейф.

Когда Ник спас его, Джереми поведал о случившемся на этот раз.

— ...В любом случае я проигрываю, — закончил он.

— Выходит, вроде, что так, — ответил Ник.

Времяподобная замкнутая траектория развивалась своим ходом, Ник отправился сообщить результаты последней попытки Вику, а Джереми со своим расширенным восприятием всматривался в горизонт событий.

Он ощущал теперь свое антигравитационное поле, мог даже им манипулировать усилием воли. Была и уверенность, что его умения управлять хватит, чтобы не дать тяготению ни растянуть, ни расплющить

себя, по крайней мере здесь, между местом, где он находился, и фиолетовым свечением на горизонте...

— А, была не была, — вырвалось у него.

Интересно, какой отпечаток он оставит на память вечности?

II

Он быстро снижался к засасывающей сфере, и вскоре происходящее стало напоминать пролет сквозь сполохи Северного сияния. В одном месте показалось: должно быть, Ник звал его едва различимо. Но было ли это важно? К чему бы свелась его жизнь, останься он даже с дружелюбными флиппами? Запасы кислорода, воды и пищи в скафандре придут к малоприятному концу, а помощи ждать неоткуда. Лучше уж отойти в мир иной сквозь это великолепное сияние, своими глазами увидев то, чего не знал никто из людей, оставив свой малый след во Вселенной.

Волнообразные вихри угрожающе нарастали, цвета сгущались, темнели и пропадали. Он остался один, во тьме, не ощущая ничего. В самом ли деле удалось проникнуть в черную дыру и выжить, или это был его последний час, растянутый в бесконечность времядеформирующим полем?

— Первое, — сказал Ник, будто ему в ухо.

— Ник! Ты здесь, со мной!

— Воистину. Я решил последовать за тобой и помочь чем смогу.

— А при входе ты видел отпечаток, оставленный мною на горизонте событий?

— К сожалению, я не посмотрел.

— Находимся ли мы в особой, сингулярной, точке сходимости?

— Пожалуй. Не знаю, право. Никогда не бывал здесь раньше. Может быть, нам предстоит падать вечно..

— Но я думал, любая информация уничтожится при попадании в черную дыру.

— Ну, на этот счет имеются разные предположения. Информация обязательно сопрягается с энергией, и есть точка зрения, что упорядоченность информации сохраняется, но она становится полностью недоступной для внешнего мира. Информация не мыслится без энергии, поэтому последнее предположение особенно привлекает отсутствием противоречия с законом сохранения энергии.

— Тогда так и должно быть.

— С другой стороны, когда твое материальное тело разрушилось при входе сюда, мне удалось быстро подвергнуть тебя преобразованию, благодаря которому я когда-то стал бессмертным энергетическим существом.

— Бессмертным?! Ты имеешь в виду, что теперь моему сознанию предстоит падать в эту пропасть, покуда существует эта Вселенная? Полагаю, я этого не перенесу.

— О, ты сойдешь с ума намного раньше, и тебе будет все равно.

— Дерьмовая ситуация, — вырвалось у Джереми.

Наступила продолжительная тишина, затем Ник расхохотался.

— А я еще помню значение первого слова, — наконец выговорил он.

— Вот-вот, мы по уши в нем завязли, к тому же без весел, — заметил Джереми.

III

— Есть, правда, еще одно привходящее обстоятельство, — сказал Ник, после того как минула вечность (или то было всего несколько минут?).

— Какое же? — спросил Джереми.

— Когда я беседовал с Виком, он обмолвился, что всей нашей возней с этой черной дырой и ее вращением мы могли вызвать неординарную ситуацию.

— Какого рода?

— Теоретически возможен взрыв черной дыры. По его мысли — эта как раз собирается взорваться. Такое событие в силу его природы удастся увидеть раз в жизни.

— Что случится, когда она рванет?

— Ни я, ни Вик не знаем наверняка. Хотя, на мой взгляд, тут больше всего подходила бы гипотеза рога изобилия.

— Нельзя ли рассказать чуть подробнее, чтобы та гипотеза не обрушилась как снег на голову?

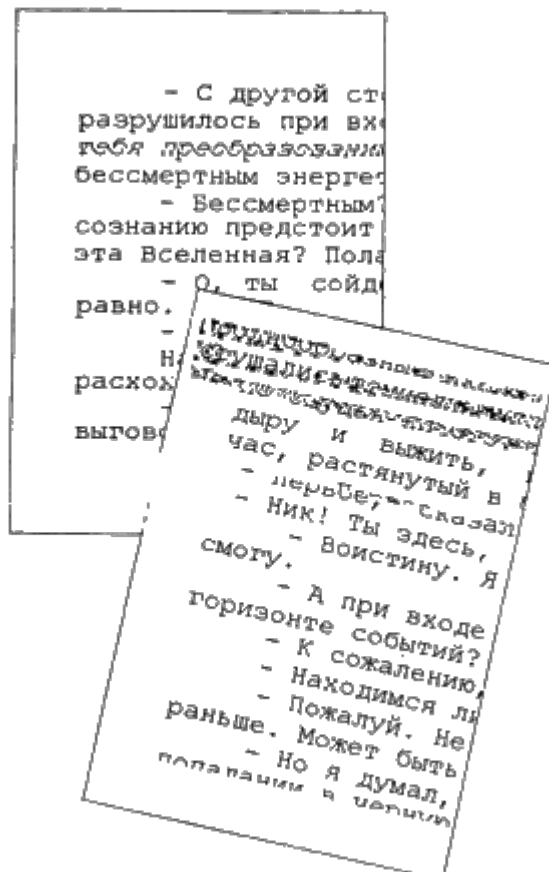
— Утверждается: после взрыва остается рогоподобный реликт, по размерам — меньше атома, массой — сто в тысячной грамм. Но его содержание, как считается, не ограничено: он будет хранить абсолютно всю информацию, которая когда-либо заключилась в черную дыру. То есть, включая и нас, конечно.

— А не окажется ли каким-нибудь образом легче выбраться из этого рога изобилия, чем из черной дыры?

— Здесь — нет. Если уж информация ушла из нашей Вселенной, назад она не возвращается.

— Что значит «не здесь»? Становится ли это возможным, если благодаря некоей уловке она переместится куда-то еще?

— Да, в случае если ему бы удалось проскочить через Большое Схлопывание нашей Вселенной и Большой Взрыв последующей, информация вновь, вероятно, могла бы стать доступной. Мы знаем только, что содержимое черной дыры закрыто именно от этой Вселенной. Похоже, антракт затянется надолго.

Во время подготовки рассказа в работе принтера произошел несколько странный сбой, и два участка текста каким-то образом увеличились и выделились. Можно ли это считать утечкой информации из черной дыры — судить читателям.

- Нельзя знать, как поведет себя время там. Или здесь.
- Здорово интересно было мне с тобой, Ник. Должен заметить.
- И мне с тобой тоже, Джереми. А вот сейчас, не знаю, посоветовать ли тебе открыть свои сенсорные каналы до предела или приглушить насколько ты можешь.
- Почему? Или почему нет?
- Я ощущаю приближение взрыва.
- Ошеломляющий всполох белого света: свет все лился, лился и лился, пока сознание не начало ускользать. Джереми силился сохранить хоть что-то.
- Медленно вокруг стали проступать какие-то очертания: он находился в огромной библиотеке, по всем направлениям расходились стеллажи с книгами, соединенные поперечными проходами.
- Где это мы?
- Мне удалось создать действующий образ представления, позволяющий тебе координированно взаимодействовать со средой, — ответил Ник, — это «рог изобилия», внутри которого хранится вся информация. Сами мы тоже стоим на книжной полке. Я придумал тебе красивый синий кожаный переплет с рельефным теснением и рифленным корешком.
- Благодарю. Чем мы теперь займемся?

— Я думаю, нам удастся установить контакт с остальными обитателями. Можем приступить к их чтению.

— Попытаюсь. Надеюсь, они занимательны. А как мы узнаем, что попали в иную Вселенную и наконец свободны?

— Надо надеяться, кто-нибудь нас закажет.

Джереми дотянулся своим сознанием до нарядного красного тома на противоположной стороне прохода.

— Привет, — сказал он. — Вы являетесь?..

— Историей, — раздался ответ. — А вы?

— Автобиографией, — ответил Джереми. — Знаете, нам понадобится каталог, чтобы оказаться в начале списка рекомендуемой литературы.

— Что за список?

Я составлю его сам. Позвольте представиться.

Рэй Брэдбери

ВЕРНУВШАЯСЯ ИЗ ПРАХА

© Ray Bradbury. From the Dust Returned.

F&SF, September 1994.

Перевёл Юрий Серенков

Задолго до Пылевой Ведьмы³, которая странствовала с Шоу

3 Пылевая Ведьма — фантастический персонаж из романа Брэдбери «Что-то страшное грядет» (1962, русск. пер.: М.: Олимп, 1990), в котором «темный карнавал» — Шоу Демонических Теней — проникает в Гринтаун, Иллинойс, автобиографический город-

Демонических Теней Дарка, была еще одна. Рожденная во смерть на две тысячи лет раньше — за триста лет до Тернового Венца, Гефсиманского Сада и опустевшей Гробницы Господней.

Под «рожденной во смерть» я подразумеваю действительно существующую мумию Неф, бабушку Нефертити. Прекрасную еще задолго до рождения в жизнь симпатичной принцессы, барельеф которой прижился во многих музеях мира, доступный за несколько долларов, если вы не поленитесь унести тридцать фунтов синтетического мрамора.

Эта Пылевая Ведьма, королевская мумия, проплыла на темной лодке мимо опустевшей горы Синай, скользнула бортом о Плимутскую Скалу⁴ и прошла под парусом по суше до самого Литл Форта, что в Верхнем Иллинойсе, пережив атаки Гранта на закате и отступление Ли при разгорающейся заре.

Одна семейка получила по наследству эту самую египетскую мумию, эту сотни раз помноженную на двадцать два прабабушку. Они перевезли ее в тонком каменном саркофаге, из которого потом изъяли, чтобы утилизировать его под ванну.

Кочуя по закуткам из комнаты в комнату, эта маленькая, цвета пеньки и табачного листа, наследственная реликвия была поднята, легкая, как бальса, на чердак, где сначала была укрыта и замолчена, а позже и забыта семьей, в заботе о хлебе насущном утратившей память об останках неупомненных смертей. Предоставленная чердачной тишине и полету золотистой пыли в воздухе, всасывая темноту как пищу и выдыхая только покой, эта древняя пришелица ждала, чтобы кто-нибудь пришел расчистить чердак от скопившихся там любовных писем, игрушек, истаявших свечей и пыльных канделябров, обтрепанных юбок, корсетов и кип газет, заголовки которых гласили о выигранных, а затем проигранных войнах в некоем безразличном до Настоящего Прошлом.

День ее перерождения наступил сто лет назад, после выстрела, что убил Линкольна и застопорил ход истории.

Неф с загадочного Островка возникла на свет Божий, потому что кто-то пришел и начал разгребать хлам, пока ее голова, ее лицо, ее смеженные стежками нити веки не показались в рамке пожелтевшей книжной листвы, сборников законов и ломких мышинных косточек.

А это был Тимоти Лайт, сын Джонатана и Присциллы Дарк — он-то и откопал Неф и уставился на нее.

— Ты кто? — крикнул он, словно рассчитывая услышать ответ. — Почему ты здесь? — спросил он.

И с губ позабытой женщины слетел ответ:

— Меня... — шепнула она.

Тимоти окоченел.

— Зовут, — прожужжала пыль на губах старой женщины.

— Что ты говоришь? — Тимоти нагнулся так, чтобы пыль коснулась его уха.

— Неф, — последовал профильтрованный шепот из-под зашитых век и пересохшего русла рта.

— Неф?! — Тимоти слышал это имя раньше, еще когда десять лет миф.

4 Скала в г. Плимут (США), место высадки первых колонистов в 1620 году.

назад был трех лет от роду.

— Твоя... — шептали крупницы песка в уголках ее рта, — давно... усопшая, — шептала она, — пра-ро-ди-тель-ни-ца.

— Не может быть!

— Можжжет... — сказала намечающаяся трещина в барельефе рта.

— Нет!

— Не... кричи... — прошептал тот голос, слогами вещая из чрева двухтысячелетнего царства тихого эха. — Ты... меня... разрушишь.

И действительно, горстки сухого песка упали с ее запеленутых плеч, контуры иероглифов на груди утратили четкость.

— Как ты сюда попала? — спросил наконец Тимоти.

— Лучше, — сказала она, — спроси кто... позвал сюда... тебя?

— Кто?! — прокричал тот.

— ...мягче...

— Кто? — мягко спросил он.

— Я, — ответила Пылевая Ведьма.

— Никто меня не звал.

— И все-таки ты услышал. — Речь старой женщины звучала теперь отчетливее, слоги стали сцепляться в слова, а слова — в предложения.

— Взгляни...

Крошечная спираль пыли взвилась над ее исписанным иероглифами бюстом, на котором боги жизни и смерти приняли столь же застывшие позы, что и ряды древних побегов маиса и пшеницы.

Глаза Тимоти становились шире.

— Ну? — прошептал ее голос.

— Этот. — Он коснулся лица ребенка, заброшенного на поле со священными животными.

— Я?

— Конечно.

— Так значит, это не совсем я устроил раскопки? Давно подразумевалось, что я найду тебя? Но как?

— Потому... что... что... конец. — Медленные слова падали крупницами золота с ее губ.

Кролик встрепенулся в груди Тимоти.

— Конец чего?

Одно из прошитых век древней женщины издало слабейший треск и приоткрылось, обнажив кристальный отблеск чего-то, сокрытого глубже. Тимоти взглянул на стропила чердака, куда этот луч упал.

— Всего этого? — сказал он. — Нашего дома?

— ...да... — последовал шепот. Она зашила свое веко обратно, и свет полился из другого. — ...Каждому в нем...

Легко, как ножки паука, ее пальцы тут и там касались пиктограмм на груди.

— Этому...

Тимоти отозвался:

— Дядюшке Эйнару.

— Тому, у которого есть крылья?

— Я летал с ним.

— Счастливый ребенок. А эта?

— Моя сестра. Сеси!

— Тоже летает?

— Без крыльев. Она выпускает разум в полет.

— Как призраки?
— Те, что проникают в уши людей, чтобы видеть их глазами!
— Счастливая девушка. А это? — Пальцы-паучьи ножки вздрогнули. Они указали на место, где не было символа.

— А! — Тимоти засмеялся. — Мой двоюродный брат, Рэн. Невидимка. Ему ни к чему летать. Может бродить повсюду, и никто не узнает.

— Счастливый человек. А это, это и еще вот это?

Ее сухие пальцы двигались и скребли.

И Тимоти назвал всех дядьев и теток, и кузин, и племянниц, и племянников, которые жили в этом доме вечно, или на худой конец сто лет, невзирая на плохую погоду, ураганы, войны. В нем было тридцать комнат, каждая полна паутины, ночных цветов и чихающих эктоплазм⁵, что застыли, ожидая когда бабочка-«мертвая голова» или траурница-стрекоза прошьет воздух в полете и откинет ставни вширь, чтобы темнота пролилась вовнутрь, смыв их отражения в зеркалах.

Тимоти назвал каждое лицо-иероглиф, и древняя женщина едва заметно кивнула пыльной головой, когда ее пальцы легли на последнее изображение.

— Я касаюсь водоворота тьмы? — спросила она.

— Да, нашего дома.

Так оно и было. Ибо там находился дом, изукрашенный ляпис-лазурью, отделанный янтарем и золотом, каким он и был, должно быть, еще со времен, когда о Линкольне и слухом не слыхивали в Геттисберге⁶.

И пока мальчик смотрел, яркий рельеф стал осыпаться. Подземный толчок сотряс рамы и ослепил золотистые окна.

— Сегодня ночью, — горевала пыль про себя.

— Но, — заплакал Тимоти, — прошло же столько лет. Почему теперь?

— Сейчас век открытий и прозрений. Картинки, которые летают по воздуху. Звуки, которые приносятся ветром. Вещи, которые все видят. Вещи, которые все слышат. Путешественники десятками тысяч на дорогах. Мы найдены словами в воздухе и отправлены пучками лучей в комнаты, где сидят дети со своими родителями, а Медуза в чепце с антеннами вещает всем, а сама высматривает жертвы.

— За что?

— Причины не требуется. Это просто откровение минуты, бессмысленные тревоги и веяния недели, паника на одну ночь; никто не просил, но смерть и разруха — вот они, у ворот, пока дети и родители за их спиной сидят, замороженные арктическими чарами непрошенных сплетен и ненужного злословия. Разницы нет. Немой ли заговорит, глупый ли будет изображать умного — все равно мы погибли.

— Погибли...

И дом на ее груди, и стропила крыши, что над головой, сотряслись и

5 Здесь: появляющиеся («эманлирующие») во время спиритуалистических сеансов «медиумы».

6 Геттисберг — город на юге штата Пенсильвания в США, близ которого произошло одно из крупнейших сражений Гражданской войны. 19 ноября 1863 года на открытии национального кладбища в Геттисберге Линкольн произнес свою самую знаменитую речь — Геттисбергское послание, заканчивавшуюся высеченными впоследствии на пьедестале памятника Линкольну в Вашингтоне словами о том, что в Америке демократия — это «правление народа, осуществляемое самим народом для народа».

замерли в ожидании новых подземных толчков.

— Скоро будут наводнения, потопа. Прилив, но вместо вод — люди.

— Что же мы такого сделали?

— Ничего. Мы всех пережили. Все те, кто придут потопить нас, завидуют, что мы живы вот уже столько веков. Раз мы не похожи на них, мы должны быть смыты. Исто...

И вновь ее иероглифы заходили, а чердак вздохнул и заскрипел, как корабль во вздымающемся море.

— Что же нам делать? — спросил Тимоти.

— Бежать в разные стороны. Они не смогут преследовать стольких беглецов. Дом надо освободить к полуночи, когда они придут с факелами.

— Факелами?

— А разве бывает еще что-нибудь, кроме огня и факелов, факелов и огня?

— Да. — Тимоти чувствовал, как работает его язык, его пронзило воспоминание. — Я видел в фильмах. Бедняги бегут во все стороны, а за ними — погоня. И факелы, и огонь.

— Вот видишь. Позови свою сестру. Сеси должна предупредить всех остальных.

— Я уже это сделала! — слышался голос из ниоткуда.

— Сеси?!

— Она с нами, — прохрипела старая женщина.

— Да! Я все слышала, — донесся голос из-под стропил, от окна, из чуланов и с винтовой лестницы.

— Я в каждой комнате, каждой мысли, каждой голове. Ящики письменных столов опустошаются, багаж упаковывается. Задолго до полуночи дом будет пуст.

Невидимая птица коснулась век и ушей Тимоти и села, недостижимая для взора, чтобы мигнуть на Неф его глазами.

— Действительно, Несравненная здесь, — сказала Сеси, используя губы и гортань Тимоти.

— Чепуха! Хотели бы вы узнать еще одну причину, почему погода меняется и настает потоп?

— Конечно. — Тимоти чувствовал, как мягкое присутствие сестры легонько давит изнутри на его широко раскрытые глаза, с нетерпением ожидая ответа. — Скажи нам, Неф.

— Они ненавидят меня потому, что я — средоточие знания о смерти. Оно не порождает в их душах ответственности, а лишь тяготит их.

— Можно ли, — начал Тимоти, а Сеси закончила, — можно ли помнить смерть?

— О, да. Но лишь умерев. Вы, живые, слепы. Но мы, что канули во Время и были вновь рождены в качестве детей Земли и наследников Вечности, мы тихо дрейфуем в песчаных реках и потоках Тьмы, помня свет звезд, который достигает нашей планеты через несчетные годы и высвечивает наши души, казалось бы, вечно закапсулированные под слоями мрамора и отпечатками в песчанике скелетов некогда летавших рептилий, с размахом крыльев в миллион лет, — высвечивает нас, как вечные зерна жизни! Мы — хранители Времени. Вы, что ходите по земле, знаете миг, который пронесся мимо уже до того, как вы успеваете выдохнуть.

В силу того, что вы двигаетесь и живете, вы не можете хранить. Мы — житницы темных воспоминаний. Наши погребальные урны — не только

хранилища света нашей жизни и умолкнувших сердец, но и колодцы, глубже, чем вы можете вообразить, в них — подземелье ушедших часов, все смерти, какие только были, смерти, которые человечество арендует под застройку новой плотью и каменными убежищами, неуклонно двигаясь ввысь, тогда как мы погружаемся глубже и глубже, омытые сумерками, стянутые полночью. Мы собираем мудрость прощаний. Разве ты не согласишься, дитя, что сорок миллиардов смертей несут с собой великую мудрость, и те сорок миллиардов, что лежат до поры до времени под землей — это великий дар живущим, чтобы они могли жить?

— Кажется, да.

— Пусть тебе не кажется. Так и есть. Я научу тебя, и ты обрешь знание, очень важное для живущих, ибо только смерть позволит миру родиться снова. Это твой счастливый удел. И сегодняшняя ночь — это ночь, когда начнется твоя миссия. Сейчас!

И в тот же миг яркая медаль зажглась посередине ее золотистой груди. Свет вспыхнул, огоньки зароились под потолком, как тысяча пчел лета, угрожая в полете воспламенить сухие стропила. Казалось, весь чердак закружился в вихре света и жара. Каждая переключина, каждая дранка, каждая дощечка застонала, когда Тимоти поднял руки, чтобы защититься от роящихся огоньков, глядя сквозь пальцы на пламенеющую грудь Неф.

— Огонь! — кричал он. — Факелы!

— Конешшшно, — прошипела старая-старая женщина.

— Факелы и огонь. Ничего не остается. Все сгорает.

И с этими словами вся конструкция дома, построенного задолго до Геттисберга и Аппоматокса⁷, задымилась на ее нагруднике.

— Ничего не остается, — кричала Сеси отовсюду сразу, а светлячки и пчелы ударялись о стропила, опалая их. — Все уходит!

Тимоти моргнул и наклонился, чтобы рассмотреть получше крылатого человека и спящую девушку (Сеси), Невидимого Дядюшку, пролетающего, как ветер сквозь облака и бураны, как волчья стая, проносящаяся по полям почерневшей пшеницы, как летучие мыши, пожирающие луну в замысловатом зигзаге полета, рассмотреть еще две дюжины теток и дядьев, двоюродных братьев с сестрами, которые сейчас шагали прочь из города по всем дорогам. Или парили в поисках приюта над деревьями уже за милю от города, пока освещенное факелами безумие толпы исторгалось вначале из грудной клетки старой Неф, а потом полилось за окном, подобно потоку лавы: множество людей пешком, на мотоциклах и автомобилях, в буре криков, застревающих в гортанях.

Как раз тогда Тимоти почувствовал, что пол уходит из-под ног, как будто с другой чаши весов резко убрали груз, ведь все разом прыгнули за борт, и, отряхнувшись, скелет дома вырос до небес, порыв ветра мгновенно высосал пыль из опустевших комнат, взвихрил кисею на окнах, распахнул парадную дверь, приветствуя ее широким проемом, факелы, огни и обезумевшую толпу — милости просим!

— Все уходит, — замер вдали голос Сеси.

И она покинула их глаза, уши, тела и сознания, вернулась в свое

⁷ Аппоматтокс — окружной город в Вирджинии, где 9 апреля 1865 г. Конфедеральные войска сдались армии северян.

тело, что ожидало внизу, и понеслась так легко и быстро, что ноги ее не сбили росы с полуночных трав.

— А теперь, — сказала старая Неф, — быть тебе моим спасителем, дитя. Бери меня и неси.

— Не смогу! — пожаловался Тимоти.

— Я — семя одуванчика, пушинка чертополоха. С твоим дыханием я воспарю, а удары твоего сердца поддержат меня в полете. Ну же!

Так и оказалось. Одним выдохом, одним касанием руки запеленутый дар, что старше Спасителя и разошедшихся вод Красного моря, был поднят с чердачного ложа. И, поняв, что сможет нести эту горстку костей, обернутую в грезы, Тимоти шмыгнул носом и помчался.

В миле от дома, что превратился теперь в погребальный костер, который омрачил клубами дыма небо, затянул луну грозowymi облаками, Тимоти остановился под деревом, там, где многие из его двоюродных братьев с сестрами, а возможно, и Сеси с ними, останавливались передохнуть, и тут вблизи затормозил фермерский рыдван, и водитель высунулся в открытое окно. Пожарище вдалеке, а у дороги — ребенок.

— Что это там? — Кивком он указал на пылающий дом.

— Если б я знал, — сказал Тимоти.

— А что это ты несешь, мальчик? — мужчина нахмурился, глядя на сверток под мышкой у Тимоти.

— Да так, собираю я это, — ответил Тимоти. — Старые газеты, комиксы, журналы. Хлам да мусор. — Сверток зашуршал на ночном ветру. — Отличный мусор, классный хлам.

— Как я когда-то. — Фермер усмехнулся. — Сейчас, правда, бросил.

И он поехал дальше.

В дверь легонько постучали, и Дуайт Вильям Олкотт поднял взгляд от разложенных фотографий, только что присланных с раскопок вблизи храма в Карнаке. Настоящее пиршество для глаз, Олкотт был на редкость доволен, а иначе и не ответил бы на стук. Он кивнул, и этого оказалось достаточно, потому что дверь сразу же открылась и в нее просунулась лысая голова.

— Как ни странно, — сказал помощник, — вас спрашивает какой-то мальчик.

— Это действительно странно, — сказал Д. В. Олкотт, — дети сюда обычно не приходят. Я ему не назначал встречу?

— Нет, но он утверждает, что, после того как вы увидите, что он принес, вы обязательно назначите ему встречу.

— Такого на моей памяти еще не бывало, — удивленно протянул Олкотт. — Могу я видеть ребенка? Так говорите, это мальчик?

— Замечательный Мальчик, как он себя рекомендовал, и с древним сокровищем в руках.

— Ну это уж слишком! — Хранитель музея засмеялся. — Впусти его.

— Я уже здесь. — И Тимоти, уже шагнувший в комнату, поспешил вперед, сильно шурша свертком под мышкой.

— Садись, — сказал Д. В. Олкотт.

— Если не возражаете, я постою. Однако ей, сэр, понадобятся два стула.

— Два стула?

— Если Вы не возражаете, сэр.

— Принесите еще стул, Смит.

— Сейчас, сэр.

Два стула были принесены, и Тимоти поднял длинный и легкий, как бальса, дар и разместил его так, чтобы на сверток падал свет.

— Ну-с, молодой человек по имени...

— Тимоти, — подсказал мальчик.

— Тимоти, у меня много дел. Чего ты хочешь?

— Сейчас, сэр.

— Ну?

— Тому назад две тысячи четыреста лет и девятьсот миллионов смертей, сэр...

— О, Боже, это изрядно. — Д. В. Олкотт подал знак Смиты. — Еще один стул. — Стул был принесен. — Теперь ты в самом деле можешь присесть, сынок. — Тимоти сел. — Давай все сначала.

— Можно я не буду, сэр. Это слишком похоже на выдумку.

— Но все-таки, — медленно проговорил Д. В. Олкотт, — почему же я тогда тебе верю?

— Такое уж у меня лицо, сэр.

— Хранитель музея подался вперед, всматриваясь в бледное, напряженное лицо мальчика.

— Ты прав, — пробормотал он, — ты прав. А что же у нас здесь, — продолжал он, кивая на вещь, что с виду напоминала большой кокон.

— Это похоже на сверток газет, — ответил, не мигая, мальчик; он не сводил глаз с господина из музея. Но это папирус, сэр.

— Ты знаешь слово «папирус»? Правда, некоторые мальчишки знают разные истории о грабителях гробниц и фараоне Тутанхамоне. Мальчишки знают о папирусе.

— Да, сэр. Если желаете — посмотрите.

Хранитель, конечно, желал и тут же подошел ближе.

Он собирался лист за листом прозондировать высушенный табак, на который вещь почти точь в точь была похожа, но там и сям проглядывали то голова льва, то крыло ястреба. Затем его пальцы забегали быстрее и быстрее, и тут у него перехватило дыхание.

— Дитя, — выдохнул он. — Где ты их нашел?

— Ее, не их, господа. И вовсе не я ее нашел, она нашла меня. Вроде игры в прятки. Она подала голос — я услышал. И вот никто уже не прячется.

— Боже мой, — снова замер с раскрытым ртом Д. В. Олкотт, уже двумя руками расширяя раны ломкого материала. Это твое?

— И мое, и не мое. Я принадлежу ей, а она принадлежит мне. Мы — одна семья.

Хранитель снова пристально посмотрел на мальчика, заглянув в его глаза.

— И снова верю.

— И слава Богу.

— Почему слава Богу?

— Потому что, если бы Вы не верили, мне пришлось бы уйти. — Мальчик чуть отстранился.

— Нет, нет, сиди! — вскрикнул хранитель. — Не надо. Но почему ты говоришь, что это, оно, владеет тобою, словно между вами есть связь?

— Потому что, — сказал Тимоти. Это — Неф, сэр.

— Неф?

Тимоти протянул руку и чуть отвел в сторону покров.

Глубоко из-под оберток папируса показались зашитые веки на старом лице, но взгляд можно было почувствовать. Пыль заструилась с ее губ.

— Неф, сэр, — сказал мальчик. — Мать Нефертити. Куратор побрел к своему стулу и потянулся за графином из хрусталя.

— Ты пьешь вино, мальчик?

— До сегодняшнего дня не пил, сэр.

Тимоти целую минуту сидел и ждал, потом м-р Д. В. Олкотт протянул ему стаканчик с вином. Они выпили вместе, и наконец м-р Олкотт сказал:

— Почему ты принес... гм... это — ее — сюда?

— Здесь единственное безопасное место в мире.

Хранитель кивнул.

— Верно. Ты предлагаешь мне... купить? Купить Неф?

— Нет, сэр.

— Чего же ты тогда хочешь?

— Только чтобы Вы, сэр, раз в день приходили и разговаривали с ней, если я ее тут оставлю. — Тимоти в смущении посмотрел на свои туфли.

— Ты доверяешь ее мне, Тимоти?

Мальчик поднял глаза.

— О, да, сэр. Если Вы пообещаете.

Он продолжал говорить, глядя прямо на хранителя.

— Не просто хранить, а слушать ее.

— Она разговаривает?

— И немало, сэр.

— Она и сейчас говорит?

— Да, надо лишь наклониться вплотную. Я уже привык. Скоро привыкнете и Вы.

Хранитель закрыл глаза и прислушался. Был слышен тихий шелест древней бумаги, столь тихий, что он наклонил голову набок, вслушиваясь.

— О чем? — спросил он. — Что же она обычно говорит?

— Обо всем, что есть смерть, сэр.

— Обо всем?

— Ведь ей две тысячи четыреста лет, как я уже сказал, сэр. И девятистам миллионам людей пришлось умереть, чтобы могли жить мы.

— Очень много смертей.

— Да, сэр. Но я рад.

— Какие кошмарные вещи ты говоришь!

— Нет, сэр. Ведь, если они были бы живы, мы б не смогли и пошевелиться. Или сделать вдох.

— Кажется, я понимаю, о чем ты. И она знает все это?

— Да, сэр. Ее дочь была той самой Прекрасной, которая побывала Там. Так что она — это Та, Кто Помнит.

— Тот Дух, что поведывает душам и плоти обо всем, что есть в Книге Мертвых?

— Я думаю — да, сэр. И еще об одной вещи, — добавил Тимоти.

— То есть?

— Если Вы не возражаете, я хотел бы завести абонемент.

— Чтобы приходить сюда в любое время?

— Даже когда музей закрыт.

— Думаю, это можно устроить, сынок. Надо лишь подписать кое-какие бумаги, касающиеся дара, и провести экспертизу.

Мальчик кивнул. Мужчина поднялся.

— Может быть, тебе смешно, но говорит ли она что-нибудь сейчас?

— Да, сэр. Подойдите ближе. Нет, еще ближе.
Мальчик легонько потянул мужчину за локоть.
Далеко-далеко, около храма в Карнаке, вздыхали ветры. Далеко-далеко между лап Великого Льва оседала пыль.
— Слушайте, — сказал Тимоти.

Ларри Айзенберг

«ЖИВАНЕМ, ИНКОРПОРЕЙТЕД»

Это трудно — бросить курить и просто невозможно — соблюдать диету, не так ли? Или так? Излюбленный герой юмориста Ларри Айзенберга, неподражаемый профессор Дакворс, направляет свою недюжинную творческую энергию на разрешение проблем, которые преследуют многих из нас, при этом получая весьма любопытные и нетривиальные результаты.

© Larry Eisenberg. Live It Up, Inc.

F&SF, March 1988.

Перевёл Владимир Герасименко

В это утро Дакворс был необычайно весел. Меня же его веселье несказанно раздражало.

— Как с утра пораньше наши артерии? — игриво осведомился он. — Просветы в порядке? А вес? Не упираемся ли мы уже в верхнюю границу для нашей возрастной группы?

— Даже при более подходящих обстоятельствах, — произнес я несколько язвительно, — я бы счел разговор об артериях и весе тела выдержанным в дурном вкусе. Но именно в это утро вы злостно нарушаете договор об общественном согласии.

— За живое задело? — осведомился Дакворс и добавил. — Могу себе представить ваше состояние. Наблюдал, как вы переублажили себя на факультетском балу вчера вечером. Похмелье, должно быть, тяжелейшее.

— Если учесть убийственную сверхчувствительность к любым звукам и плотный налет вроде шерстяного чулка на языке, то вы попали в точку, — ответил я с горькой иронией.

— Бессмысленно на меня злиться, — парировал Дакворс. — Никто, кроме вас, не мешал джин с бурбоном и шампанским. Еще припоминаю, как вы умяли целое блюдо этих кремовых пирожных. Впрочем, неважно. Я здесь, чтобы спасти вашу жизнь, а вас сделать богатым.

— Только, ради Бога, увольте меня от рассказов о молекулярной диете.

Как я и предполагал, он поморщился. После опытов с макромолекулами ему вряд ли хотелось вспоминать о той истории.

— Начну несколько издалека, — произнес Дакворс. — На прошлой неделе мне позвонил президент Хинкл. Предварив основное сообщение дежурными разговорами о своих очередных наградах, он изложил те совершенно варварские усечения, которые произвел в моем исследовательском бюджете. Теперь я не могу даже думать о новом оборудовании, а оставшихся денег хватит, чтобы заменить разве что

проржавевшую горелку Бунзена. Оказавшись совсем на мели, я понял: единственное спасение — пуститься в коммерцию.

— Бизнес?! — вскричал я. — Вы хотите погубить свою пылкую, жизнерадостную, неподкупную натуру? Хотите увязнуть в проблемах производительности труда, размера прибыли, усредненных балансирующих откупных от принудительных взысканий и прочих изобретениях дьявола?

— Нет, я вовсе не собираюсь пускаться во все тяжкие. Я бы только хотел употребить целебный бальзам истинной науки для ослабления тягот жизни обычного трудяги.

— Например?

— Если подробнее, то позвольте спросить в свою очередь. Почему, скажем, вы все время следите за своим весом при каждом посещении ванной комнаты?

— Из боязни, — искренне признался я. — Статистика связи между большим весом, сердечными заболеваниями и прочими роковыми последствиями — просто кошмарна.

— В точности так, — произнес Дакворс. — По тем же причинам вы не осмеливаетесь и курить. А ведь хотелось бы всласть покурить, не так ли?

— И есть что пожелаешь? И курить пропитанные смолами, обогащенные никотином сигареты? О священная корова, Дакворс! Это сделало бы жизнь сносной.

Дакворс сиял.

— А если бы я сказал, что можно делать и то и это. Не опасаясь излишеств. И безо всякого риска. Что бы вы ответили? — допытывался Дакворс.

— Пал бы ниц в совершеннейшем благоговении. Или, может быть, вы предпочли бы видеть меня вашим преданным слугой всю жизнь? Впрочем, любой способ выражения благодарности заведомо недостоем такого бесценного блага.

Тут я попытался прильнуть к его продубленным кислотами пальцам в раболепном поцелуе. Дакворс с содроганием вырвал руку.

— Не переигрывайте, — проворчал он. — А то передумаю.

— Умоляю, не надо.

— Ну ладно. Вот суть моей идеи.

Он извлек из шкафа толстую папку с распечатками и шмякнул всю кипу передо мной на лабораторный стол.

— Я провел широкий компьютерный поиск в соответствующей литературе. Получилась значимая совокупность данных, которая доказывала, что определенный уровень переедания и курения не опасен для здоровья. При условии, конечно, что вы прекратите и то и другое в нужный момент. Если вы так поступите, то ваши параметры вновь выправятся, причем в относительно короткий срок.

Я наморщил лоб и сказал:

— Давайте тогда разберемся. Если я правильно понял, можно выкуривать по две пачки сигарет без фильтра в течение многих лет, а затем, когда резко бросишь, то вскоре статистика насчет рака легких и разных сердечных болезней у меня станет не хуже, чем у некурящих?

— Этот вывод неотвратим, — провозгласил Дакворс. — Мои таблицы это черным по белому доказывают. Разумеется, самый существенный момент — когда вам остановиться. Если не бросить в определенный момент — считайте, с вами все кончено. В том и состоит трудность, что

подавляющему большинству людей невдомек, *когда* этот момент наступает. И посему, если они относятся к сознательной части человечества, им ничего не остается, как безвозвратно бросить курить и придерживаться отвратительной спартанской диеты.

— И что же вы предлагаете?

— Открыть специальный файл для каждого курильщика и каждого переедающего. Ввести абонементное обслуживание.

— Понял-понял! — вскричал я. — И в критический момент вы сообщаете своему клиенту, что настало время съехать на обочину дороги наслаждений?

— Именно так, — ответил Дакворс. — Конечно, суть метода глубже. Мои страховые таблицы будут дополнены периодическими анализами крови и тканевых культур. В конце концов, статистические данные содержат только усредненные цифры.

— Но до того момента, — торжествовал я, — люди, подобные мне, могут безнаказанно жить на всю катушку. Дакворс, вы войдете в историю как спаситель всех бесхарактерных, слабовольных мужчин и женщин этой страны.

Дакворс прямо весь светился и даже чуть-чуть прослезился. Ясно, что он был растроган моим признанием его вечноцветущего гения.

— А как вы предполагаете финансировать это великолепное предприятие? — спросил я.

Легкая тень набежала на его лицо.

— Да, это, пожалуй, единственная заковыка, — согласился он. — Но по линии жены у меня есть энергично настроенный близкий родственник, который считает, что весь мир создан для предпринимательского капитала. Он не замедлит выпустить акции на биржу и с удовольствием станет осуществлять менеджмент предлагаемых мною услуг.

— А подходит ли он для этого дела?

— Он? Его всепожирающая ненасытность уступает только его же собственной неприкрытой жадности — это делает его потрясающим бизнесменом, хотя и презренной личностью. Но не лучше ли держать воровство под семейным присмотром?

— Очень разумная позиция. Дайте мне знать, пожалуйста, когда эти акции будут выброшены на рынок.

Новое акционерное общество «Живанём, инкорпорейтед» оказалось на поверку еще более богатой жилой, чем мог предполагать родственник по женской линии профессора Дакворса. Как только идея Дакворса появилась в прессе, публика сразу клюнула. Немедленно поднялась шумиха вокруг акций, и рыночная цена «Живанём, инкорпорейтед» галопом поскакала вверх. Сам факт, что новые услуги оказывались дважды лауреатом Нобелевской премии Дакворсом, убеждал всех в совершенной честности предприятия. А когда Дакворс объявил о полной передаче своего пакета в 51 процент привилегированных акций химическому факультету университета Мерриуэтер, их стоимость подскочила еще на десять пунктов.

Находясь при этом деле с самых его истоков, я собрал в закрома неплохую прибыль. Нет нужды говорить, что я тоже абонировал услуги «Живанём, инкорпорейтед», как и большинство моих коллег по университету. Неразвезанным оставался только скептицизм моей жены.

И хотя у нее текли слюнки каждый раз, когда я с волчьим аппетитом

поглощал наполеоны, пирожные со сливочным кремом и пышные шоколадные муссы, она упорно стояла на своем — мол, я хочу получить кое-что задаром.

— За такую сладкую жизнь придется рассчитываться, — говорила она.

— Знаешь, в чем кроется причина твоих переживаний? — негодовал я. — Ты страдаешь от ископаемой протестантской этики. Наслаждение у тебя ассоциируется с грехом. Ну, проснись же. Мы на пороге двадцать первого века. И давно сбросили пелену подобных средневековых идей.

С этими словами я вперевалку выходил из комнаты, горделиво подняв голову.

Некоторые беспокоящие непредвиденные эффекты в действительности имели место. Мой неукротимо растущий вес так скособолил нашу супружескую кровать, что жена приобрела привычку спать на кушетке в гостиной. А плотная голубая мгла сигаретного дыма в вычислительном центре зачастую не давала разобрать символы на клавиатуре и мешала читать текст на мониторе. Тем не менее безграничные удовольствия были неописуемо чудесны.

Но час пробил. Мне на работу пришло письмо, отправленное «Живанём, инкорпорейтед». Компания информировала меня, что впредь я обязан следовать программе тотального воздержания, к письму присовокуплялся план строгой диеты. Перенасыщенная холестерином кровь отхлынула от моих округлившихся щек, и я поспешно позвонил в офис «Живанём, инкорпорейтед» убедиться в отсутствии ошибки. Когда же худшие опасения подтвердились, я извлек из большого холодильника в подвале изрядное число замороженных сочных фруктовых пирогов с творогом и отправил в мусорку. Туда же последовали блоки сигарет с высоким содержанием смол.

Мрак ночных кошмаров тех недель и месяцев не поддается адекватному описанию. Я стал угрюмым, раздражительным, желчным и совершенно неспособным радоваться жизни. Огрызался направо и налево, даже съязвил в ответ почтенному, пожилому, уважаемому человеку — президенту Хинклю. Он был настолько потрясен этим ничем не оправданным и неожиданным оскорблением, что не стал мне, так сказать, сразу рубить голову с плеч. Только в его глазах с красными прожилками заблестели слезы.

Я зашел слишком далеко.

Дакворс пригласил меня для частной отеческой беседы.

— Как ни велика ваша ценность для университета, не стоит испытывать судьбу, — предостерег он. — Вы рискуете оказаться на улице безо всяких рекомендаций.

— Как это так? — огрызнулся я. — А как же тогда бессрочный нерасторгаемый контракт?

— Несовместимое с приличиями поведение дает вполне законные основания для разрыва отношений в одностороннем порядке, — сказал Дакворс.

Я закрыл лицо руками.

— Дакворс, что со мной случилось? — зарыдал я. — Когда-то ведь я был довольно славным парнем. Порой бывал, конечно, не в настроении, но часто улыбался, даже всем встречным детишкам и пожилым дамам.

Дакворс вздохнул.

— Это моя вина, — сказал он. — У вас типичный случай синдрома «Живанём, инкорпорейтед». Я не учел, что будет происходить, когда человек, который проводил свои дни в сибаритских оргиях, внезапно низвергнется в прежнее земное узилище скудного существования. Часть наших клиентов отказалась бросить свою насыщенную жизнь, и тем самым они подписали себе приговор. Однако большинство, как и вы, превратилось в раздражительных мизантропов.

Он внимательно посмотрел мне в глаза, проникая в самую Душу.

— Примете ли вы мои извинения? — спросил он.

— Никогда, — твердо ответил я. — Это ваша вина. И вам придется приложить все свои гениальные творческие способности, чтобы вывести нас из этого тупика. Вам не постичь силы наркотического пристрастия к холодной индейке с баварским сметанным пирогом. Я не могу оторвать взгляд от переполняющих пепельницы размякших окурков, будто это бесценные алмазы. Помогите мне, Дакворс, — воззвал я. — Пожалуйста, помогите мне!

Тут к моему крайнему замешательству я осознал, что обрушиваю кулаки на подушки офисного дивана, а по моим щекам текут крупные слезы.

Дакворс старался успокоить меня, и я заметил выражение решимости в его темных глазках, что не предвещало ничего хорошего любой самой неразрешимой проблеме. Несколько недель до него нельзя было дозвониться. Я пришел к убеждению, что он бросил меня под обстрелом на поле боя. Отчаявшись, я был уже на грани присоединения к группе сражающихся под знаменем взбитых сливок, когда раздался звонок.

— Срочно зайдите ко мне в лабораторию, — сказал Дакворс. Уйма уверенности звучала в его словах.

— Вы хотите сказать...

— Вашим мучениям пришел конец, — перебил он меня.

Я спотыкаясь неся на всех парах по накуренным коридорам, пока не ввалился в лабораторию Дакворса. Его взъерошенная голова была наклонена вперед, а взгляд вперялся в некое устройство, напоминавшее изогнутую детскую пустышку. Оно соединялось проводами с кассетным магнитофоном, лежащим на лабораторном столе.

— Что это за ерундовина? — спросил я.

— Не задавайте глупых вопросов. Просто поместите эту пустышку в рот так, чтобы она касалась языка.

Дакворс заботливо, словно начинающему родителю, показал мне, как брать эту штуку в рот, чтобы не задохнуться. Затем направился к холодильнику и вернулся с тарелкой.

— Я хотел бы, чтобы вы всё это съели, — твердо сказал он. — Пустышка, должно быть, создаст некоторые неудобства. Но, употребляя маленькими кусочками, вы справитесь.

— Баварский сметанный пирог? Пожалуйста, дружище, не будь таким бессердечным. Если бы ты только знал, чего мне стоило от него отказаться.

— Ешь, — скомандовал Дакворс безо всяких сантиментов.

Я отламывал маленькие кусочки и в обход пустышки проталкивал их в горло. Упоительность ощущения была почти непереносимой. Тут я заметил, что Дакворс включил свой магнитофон.

— Что это вы делаете? — промычал я, как из кресла дантиста.

— Записываю биопотенциалы ваших вкусовых рецепторов, — сказал

он спокойно. — Эта уникальная пустышка — в действительности регистрирующий электрод. Он может также использоваться для стимуляции.

В моих глазах вспыхнула надежда.

— Дакворс! — вскричал я. — Вы воистину гений! Значит, записав таким образом биопотенциалы своих собственных нервных клеток, я могу прокрутить запись и стимулировать вкусовые рецепторы в нужной последовательности, когда бы ни возжелал насладиться? Самые изысканные радости обжорства можно будет получить, ни крошки не беря в рот?

— Именно так. И если мой анализ корректен, то метод сработает и для курения. Так что расслабьтесь и наслаждайтесь этим реальным массивом кондитерских изделий с кремом, пока у вас есть такая возможность.

Я так и сделал, и последняя в этой реальности чревоугодническая оргия показалась мне по-особому восхитительной. Когда все кончилось, я блаженно выдохнул, и тут меня осенила соблазнительная мысль.

— А можно сделать нечто подобное в области любви?

— Неблагодарный, — сказал Дакворс. — Не отвлекайтесь от ваших вкусовых бугорков.

И, сообразно этому замечанию, хотя и с некоторым внутренним сопротивлением, я так и сделал.

Тэд Вильямс

УТКА МСЬЕ ВЕРГАЛАНА

© Tad Williams. Monsieur Vergalant's Canard.

F&SF, September 1995.

Перевела Таисия Бланк

Он положил на стол полированную шкатулку розового дерева, подошел к каждому окну по очереди, плотно задергивая шторы, стараясь не оставить и щелочки. А когда развел огонь и поставил чайник на почерневшую плиту, то снова приблизился к столу. Открыв шкатулку, он замер — на лице его промелькнула улыбка. При свете свечи содержимое шкатулки мерцало и переливалось.

— Это был настоящий триумф, Генри, — сказал он громко. — Завтра весь Париж будет говорить об этом. Во всяком случае, лучшая его половина. Как жаль, что ты не мог видеть их лиц — публика была потрясена!

— Да, заинтриговать — это ты умеешь, — отозвался его брат. Отделяемый стенкой, его голос звучал приглушенно. — Какова же была реакция очаровательной графини? Той, чей портрет я видел.

Жерар нарочито небрежно рассмеялся.

— А-а, да, графиня Де Буи. Она смотрела во все глаза и была в таком восхищении, что захотела взять ее себе в дом. — Тут он снова рассмеялся. — Так прекрасна и так, вероятно, разочаруется. — Он потянулся к шкатулке и развязал бархатные тесемки. — Никому не

позволю присвоить себе мою маленькую уточку.

С благоговением священника, совершающего причастие, Жерар Вергалан достал позолоченную металлическую утку и поставил ее прямо на стол. Прищурив глаза, он вынул платок из кармана хорошо сшитого, но слегка поношенного сюртука, смахнул пыль с перьев утки и потер ее сияющий клювик. С особенной тщательностью отполировал он стеклянные глаза, которые казались даже более настоящими, чем у натуральной птицы. Эта утка и в самом деле была на редкость красивой: чуть меньше натуральной величины, отточенная до мельчайших деталей и каждое перышко — произведение искусства.

Вергалан убрал носовой платок и подошел к тихо почихивающему чайнику.

— Нет, тебе стоило посмотреть на них, Генри, — снова заговорил он. — Старый маркиз Гино поначалу и не верил — дряхлый недоумок. «В молодости я видел бронзовых соловьев Константинополя», — говорит и еще машет рукой, как будто это его утомляет. Ха! Держу пари, что в своей молодости он, пожалуй, видел, как они возводят висячие сады в Вавилоне.

Он налил кипятку в чашку с чуть обитой ручкой и добавил немного воды в тазик, который поставил на стол.

— Этот старый ублюдок все распибался перед публикой, повествуя о том, как работал автоматический механизм, как соловьи императора могли опускать и поднимать крылышки и поворачивать голову. Когда же моя уточка пошла, они повскакивали с мест. — Он ухмыльнулся при нахлынувшем воспоминании об успехе. — Никто не ожидал, что уточка столь подобна настоящей. Когда она поплыла, даму, упавшую в обморок, пришлось вынести в сад. Наконец, когда утка проглотила несколько зернышек овса, которые я положил перед ней на стол, то даже Гино не смог скрыть удивления на лице!

— Мне всегда жаль, что я не могу наблюдать твои представления, Жерар, — брат повысил голос, чтоб его услышали. — Уверен, что ты, как всегда, был элегантен и умен.

— И правда, ведь дело не в том, насколько изумительна вещица сама по себе, — задумчиво произнес Вергалан. — По достоинству ее смогут оценить только, если эффектно преподнести. Особенно дамы, они не потерпят грубости. — Он остановился. — Скажем, графиня Де Буи — женщина истинной красоты и сильной чувственности.

Утка слегка повернула голову, и клюв приоткрылся. Было слышно едва различимое тиканье механизмов, позолоченные лапки сделали один неуверенный шаг, затем — другой.

— С твоего позволения, — сказал Генри извиняющимся тоном.

— Брат мой, я так тебе сочувствую, — отозвался Жерар, но голос его все же звучал несколько отстраненно, казалось, проза жизни омрачает воспоминания о графине. Он вернулся к столу, нащупал на шее уточки защелку и нажал ее. — По-моему, хвост медленно двигается, — объявил он. — Сегодня вечером мне несколько раз почудилось, что он не поспевал за лапками.

Еще с минуту голова и шея подвигались, а затем вся верхняя конструкция откинулась на петлях. Сверкающая голова утки со стеклянными глазами свисала в сторону, словно ее срубили топором.

— Извини, Жерар, это все по моей вине. Я сделал все возможное, но, видишь ли, это слишком трудная работа. Больше штифтов, чем в органе, причем каждая деталька смастерена подобно самым дорогим карманным

часам. Создать прекрасную и вместе с тем живую вещицу — слишком сложная задача.

Вергалан энергично кивнул.

— Что говорить, лишь самому Богу можно в этом довериться. — Он глянул на свое отражение в зеркале и, по-видимому, остался доволен, повторив движение головы с особенной важностью. — Бог достиг совершенства, создавая графиню Де Буи. Что за чудесные глаза, Генри! Подобны глубоким колодцам, губительным для мужчин. Если бы ты ее видел!

— Я бы желал увидеть. — Позолоченная птица вновь слегка вздрогнула, и в проеме горла появилась крошечная человеческая головка, по величине чуть крупнее костяшки большого пальца Жерара Вергаланна. Сходство черт было весьма заметно. «Мне никак не удастся, не нарушив артикуляционного аппарата, приспособить смотровое окошечко», — произнесла крохотная головка. Волосы прилипли ко лбу маленькими завитками. Впрочем, трудно достичь всего сразу.

— Как бы то ни было, — снисходительно отозвался Жерар, — ты был неповторим. Мне нечего было и надеяться на подобный успех без твоей помощи.

Крошечная фигурка теперь возникла вся целиком, облаченная во фланелевое серое одеяние, промокшее от пота. С минуту человек сидел на верху механизма, затем стал спускаться по спинке утки, нащупывая ногами выступы позолоченных перышек, чтобы спрыгнуть на стол.

— Значит, потрудились на славу, — поеживаясь, Генри засеменил к тазу с горячей водой.

— Да, но пока еще рано расслабляться, — Жерар с любовью смотрел на брата, пока тот стаскивал с себя одежду и забирался в тазик. — Нет-нет, не волнуйся. Насладись сейчас ванной, ты заслужил это. И все же нам следует поработать над парой новых трюков, скажем, если она принимает пищу с одного конца, то ведь можно и чтобы из другого... Да, может и стоит. Эти люди тупы как пробки, необходимо объединить мои наиболее удачные идеи с твоими уникальными способностями — вещи, конечно, неразделимые, — чтобы хоть как-то заинтересовать их. Притом у старого Гино обширные связи, и если мы сыграем верно, то скоро покажем нашу прекрасную уточку самому королю!

Генри погрузился в воду, чтобы намочить волосы, затем вынырнул, брызгаясь и вытирая воду с лица.

— Королю? — изумился он.

Жерар улыбнулся, полез в карман и вытащил зубную щетку. Генри встал на ноги и взял ее, хотя щетка и была слишком велика для него. Вода выплескивалась из кувшина на стол, пока Генри скреб себе спину. Несколько капель упало поблизости от уточки. Жерар стер их рукавом.

— Да, мой маленький брат, именно королю! Мама всегда говорила, что с таким-то умом и приятной внешностью я пойду далеко. Но мне кажется, что в жизни необходимо нечто более существенное, нежели умение очаровывать. Если человеку незнатному вдруг вздумается произвести фурор, причем не для души, то он обязан знаться с сильными мира сего, уметь удивить их. — Кивком он указал на стол. — Вот, например, наша чудная золотая уточка. Люди жаждут сенсаций...

Генри вылез из тазика и взял протянутый платок. Его маленькое тельце исчезло в складках материи.

— Жерар, — буквально выдохнул он, — ты всегда был умен.

НАУКОСОФИЯ

Предлагаем вашему вниманию мысли Айзека Азимова о науке и ученых, оформленные его вдовой в 400-е эссе для «F&SF», которое там так и не успело появиться при жизни писателя. Мысли и выдержки из переписки представляют набросок той целостной картины мира, которую Азимов хотел составить для себя и показать другим. Увы, столкновение понятий не всегда приводило к их логическому синтезу. На наш взгляд, удачнее это случалось в образной сфере его художественного творчества. Некоторая резкость автора, иногда им самим вскоре осуждаемая, позволяла только оттолкнуться от крайности в обратную сторону. И продолжать поиск...

Дженет и Айзек Азимов

400-Й ОЧЕРК. СПОСОБ МЫШЛЕНИЯ

© Janet and Isaac Asimov. A Way of Thinking.

F&SF, December 1994.

Перевёл Андрей Колобанов

Наука — гораздо больше, чем просто совокупность знаний.
Это способ мышления.

Карл Саган

Айзек написал 399 научных эссе для журнала «F&SF», но был слишком болен, чтобы написать четырехсотое. Это очень беспокоило его, поэтому, так как мне уже пришлось однажды приложить руку к одной из его научных колонок, я предложила, чтобы мы написали 400-ое эссе вместе, отразив все его мысли о науке и ее популяризации. К несчастью, оно так никогда и не было завершено.

Более двух лет прошло уже со дня смерти Айзека. И, так как я все еще хочу завершить круглый счет 400-ым эссе, я наконец собрала его из наших бесед и писем, добавив выдержку из его недавно опубликованной автобиографии.

Мои комментарии отмечены квадратными скобками.

«Эссе» не отшлифовано, так же, как и письма, послужившие его основой. Как-то очень давно он писал мне об этом: «Мои мысли к тебе, словно эскизы, наброски мысли, совершенно непричесанные, такие, какими они легли на бумагу; и я доверяю тебе пробраться сквозь некоторую невнятицу и понять истинный смысл. На самом деле, это прекрасно — иметь возможность оставить это тебе с полным расположением и доверием».

И теперь я передаю это читателям Айзека с полным расположением и доверием.

[Дженет, 1994. Сегодня экономическое положение заставляет правительства и учреждения урезать расходы на научные исследования, которые могут рассчитывать на финансирование, только если обещают практический и экономический эффект. Ученым мешает все возрастающее количество антинаучных предрассудков, растущее с уменьшением количества литературы и ее распространяемостью. Люди хотят слышать удобные им ответы и обещания, а не правду. Карл Саган недавно выразил эту проблему в следующих словах: «Мы живем в обществе, остро зависящем от науки и техники, но вместе с тем очень немногие знают что-либо об этих науке и технике».

Айзек полностью соглашался в этом с Карлом и большую часть своей жизни пытался помочь людям понять науку.]

[Из речи в день присуждения ученой степени.]

Наука, несмотря на все ее ошибки, принесла образование и искусство большому числу людей — в процентном отношении — чем любой другой источник знаний в донаучные времена. В этом отношении именно наука сделала человека человеком. И, если мы собираемся решать вопросы, которые породила наука, мы сможем сделать это только с ее помощью.

[1966, рассказывая мне, что он написал в письме к Карлу Сагану.]

Научное братство — один из немногих идеалов, преодолевающий все границы между государствами и указывающий возможный путь к спасению от опасностей, угрожающих нам.

[Это выдержка из опубликованной работы — А. Азимов: «Воспоминание» (которую Айзек называл «Сцены жизни»), напечатанной издательством «Даблдэй» в 1994 году.]

...наука *никогда* не сможет объяснить все, и я могу обосновать почему... я верю, что научное знание содержит фрактальные качества: сколь много бы мы ни узнали, то, что осталось непознанным (каким бы малым оно нам ни казалось), так же сложно, как и все, с чего мы начинали. В этом, я думаю, и содержится тайна Вселенной.

[В том, чтобы помогать людям понимать науку, есть свои сложности. Ниже следует выдержка из письма о статье, которую Айзек написал для «Плейбоя», и требовавшей, по их мнению, переработки.]

...я написал письмо в «Плейбой», где объяснил, что не собираюсь переделывать свою статью в глупую писанину с сенсационным привкусом, о которой они просят, и посоветовал им напечатать ее так, как она есть. Я написал, что посвятил свою жизнь просвещению людей и что науку

нельзя рассматривать как магический черный ящик, откуда сыплются игрушки и конфетки, потому что это вызовет у обывателя представление об ученых, как о замкнутой касте шаманов в белых лабораторных халатах, отчего он даже может бояться их и ненавидеть. В этом деле я *иц* пособником быть не могу. Я должен объяснять науку, а «Плейбой» должен просто доносить эти объяснения до своих читателей, и если большинство из них, скорее всего, не захотят тревожить свои проржавевшие головы, они могут просто поглазеть на лучшую подружку месяца. Для этого она и там. В любом случае, это было слишком упрямое и самовлюбленное письмо, ответа на него я так и не получил.

[В статье] я высмеял рецензента, который хотел поменьше лязга статистики и побольше стонов восторга. Я получил сегодня письмо от фона, согласного со мной, и он прислал мне одну цитату из Альфреда Нойса (знаешь, того самого, автора «Человека с шоссе», оказавшуюся, кстати, одной из любимых поэм Джина Роденбери, которую он любит триумфально декламировать). Я раньше не встречал эту цитату, но мне она кажется восхитительной, и я хочу передать ее тебе:

*Глупцы сказали,
Что знание из мира
Все вытесняет чудеса;
И твердокаменно стоят они на этом,
Хоть сама пыль сияет
У ног их чудесами.*

[О критическом письме]...от некой особы, которая утверждает негодующе, что если бы НФ была научно точной, то перестала бы быть НФ, а если бы ей, этой особе, захотелось получать образование, она пошла бы за ним в школу. Я ужасно ругался и отправил ей открытку, где говорилось: «Если хотите быть невежественны — это Ваше дело». Я так стараюсь просвещать, а людям куда привычней глупость.

[Я не знаю: слова ли это Айзека или он прочитал их где-то, но произносил он эту фразу с большим пылом.]

Неуверенность, проистекающая от знания (знания того, чего ты не знаешь), отлична от неуверенности, проистекающей от невежества.

[Из лекции в колледже]

Я проследил историю науки и человека (науки и обычного человека, не историю науки и ученых) по трем стадиям. На первой стадии наука ничего не значила для простого человека, и он обращался к своим блюстителям веры за защитой от всей Вселенной. Поворотной точкой стало (следуя моему тезису) изобретение Франклином громоотвода — первая победа науки над угрозой для человека, до того времени казавшейся неотвратимой и в самом деле принимавшейся за прямой артобстрел Зевса, Тора и Яхве.

И когда средний человек увидел громоотводы, возвышающиеся над колокольнями великих соборов, он воочию убедился, что даже сами священники верили в науку больше, чем в свою святость, — как раз тут и окончилась битва. Последние два века религия неуклонно отступала под натиском науки. С другой стороны, в девятнадцатом веке это привело к

утопическим ожиданиям от науки. Наука была Благом и могла разрешить все.

Возникновение представления о науке, как о Зле, я отношу к 1915 году — году, когда было изобретено химическое оружие и люди были внезапно поражены открытием обратной стороны достижений, несших теперь порой ужасные бедствия и никаких благ.

С тех пор мы живем в амбивалентном обществе, где наука есть и Добро и Зло, где она ставит нас перед лицом непосильных задач и опасностей, но где только она может дать хоть самую малую надежду на их решение. Потом я бросил взгляд вперед и нарисовал возможное идеальное общество, в котором труд и опасности исчезнут, а люди, постепенно теряя интерес к жизни, уменьшатся в числе, в то время как роботы, все более и более человекообразные в возможностях и поведении, примут на себя всю работу в мире.

Наконец последний человек умрет, и останутся только самочинящиеся и самодвижущиеся. И они попытаются разобраться в смутных воспоминаниях о Золотом Веке, не замечая проходящих столетий. Они решат, что некогда существовала раса полубогов, которым не надо было работать, которые не страдали от болезней, которые не умирали, а просто засыпали. Не поймут они лишь, как же все это кончилось, и роботы были навеки приговорены к тяжелому труду.

У одного из роботов наконец возникнет догадка: «Понимаете, — начнет он, — явился тут один змей...»

И на этом наша беседа завершилась.

[Издатели просили книгу о квазарах, но Айзек решил написать книгу «Вселенная: от плоской модели Земли до квазара».]

Я написал историю человеческих попыток увидеть Вселенную в целом, от попыток древних греков нарисовать карту плоской Земли, имеющей форму блюда и пять тысяч миль в диаметре, до всей наблюдаемой Вселенной, имеющей диаметр двадцать шесть миллиардов световых лет.

Постепенно я расширял горизонты: круглая Земля в первой главе; Солнечная система во второй; звезды в третьей; наша галактика в четвертой и пятой; другие галактики в шестой; вопросы космогонии (возникновения и развития Вселенной, о чем, собственно, и книга) в главах с седьмой по двенадцатую. За этим, в главах с тринадцатой по пятнадцатую, следовало обсуждение различных моделей и теорий Вселенной, возникших на представлении о разбегании галактик. И наконец в шестнадцатой и семнадцатой главах я показал, как обогатились наши знания о Вселенной в середине двадцатого века пониманием того, что излучение достигает нас не только в форме видимого света, а в форме нейтрино, космических, рентгеновских и гамма-лучей.

Последние две главы рассказывают о радиоастрономии, сталкивающихся и взрывающихся галактиках. И *наконец*, после ста тысяч слов, я ввел квазары, о которых меня и просили написать книгу. Но, понимаешь, теперь вместо обычной журнальной статейки, которая, словно бизе, хороша на вкус, но не утоляет чувство голода, у меня вышла солидная история космологии, которая останется в сознании внимательного читателя. И читатель осознает истинное место квазаров во Вселенной уже при первом упоминании о них.

Представляешь ли ты, с какими затруднениями сталкивается при создании литературного произведения тот, кто не страдает от недостатка мыслей и идей? К примеру, работаю я над книгой по физической биохимии, в которой последовательно раскрываю термодинамические аспекты. Я применяю исторический подход, а исторически второй закон термодинамики был открыт прежде первого, но с точки зрения здравого смысла логичней сначала говорить о первом законе. Как же в таком случае поставить первый закон раньше второго, да так, чтобы у читателя не создалось впечатления, что я скачу по времени (хотя на самом деле именно это и происходит). Понимаешь?

[1966] Я только что завершил статью, которую назвал: «Освойте Луну или умрите», — она вкратце обосновывает мой тезис, насколько важно начать строить колонию на Луне, потому что лишь колонисты смогут показать нам, как создать по-настоящему управляемую экономику, и еще потому что на их плечи ляжет дальнейшее освоение космоса. Можно задать вопрос: «Зачем тратить миллиарды долларов на освоение Луны?», и тут же на него ответить: «Если мы этого не сделаем, мы потеряем Землю. Если сделаем — завоюем Вселенную. О лучших ставках нельзя и мечтать».

[О том, как он читал лекцию маленькой аудитории непробиваемо серьезных людей.]

...так как я не подготавливаю мои встречи, меня всегда направляет реакция аудитории. Мне просто автоматически становится все веселей, если слушатели смеются... и все грустней, если нет. В этот раз мне стало так грустно, что я начал трезвое обсуждение возможной пользы лунной программы, выразив под конец надежду, что лунная колония научит людей экологически разумно существовать, что привело меня к проблеме загрязнения и перенаселения, и я совершенно «замрачнел»... Я говорил быстро, ни на чем не задерживаясь, и все ушли настолько потрясенные, что вряд ли смогут заснуть этой ночью.

Лучше бы они посмеялись.

[Об интервью репортеру европейского журнала.]

Она вытащила магнитофон и спросила: не против ли я; я ответил, что не против. (В конце концов, я не стыжусь своих слов.) Потом я в течение двух часов раскованно выражал ей свои чувства о том, что... исследования космоса — дело всего человечества, и мне больно видеть, как его превращают в соперничество нескольких держав, но, возможно, это единственный путь в нашем безумном мире; я сказал, что Луна никогда не вместит достаточное количество людей, чтобы выбрать избыток населения, и что демографический кризис должен быть разрешен к 2000-му году, но другими методами, и что мы не должны ждать помощи из космоса, а сами обязаны справиться с ним к тому времени; я говорил также и том, что мы должны прекратить загрязнение воды и воздуха и безжалостное стирание с лица Земли целых видов; и о том, что увеличение продолжительности жизни до двухсот лет — очень сомнительная выгода, так как население станет расти тогда гораздо быстрее, а продление жизни какого-то меньшинства особо ценных людей поставит вопрос: кто властен решать, поэтому мне даже думать об этом страшно; и о том, что в автоматизированном мире скука станет опасной

эпидемической болезнью, и что худшим наказанием будет исключение виновного из списков допущенных к работе на срок, определяемый тяжестью преступления. И так далее, все в этом духе.

[Репортер] все повторяла с энтузиазмом, что я — первый американец, говорящий ей об этом. Это меня беспокоило... можно, конечно, на каждом углу долдонить официальные заявления... но я могу говорить, что захочу, по крайней мере, я *буду* говорить, что захочу.

[По поводу шумихи в научных кругах о том, становятся или нет плоские черви обученными, если съедают кусочек другого обученного червя.]

Я относился к этому вопросу весьма подозрительно (ты же знаешь о моем «встроенном сомневателе»), но наконец решил, что это может происходить единственным способом: молекулы РНК (ключи к памяти) жертвы напрямую присоединяются к поедателю, так как организация обоих настолько низка, что им не требуется переваривать пищу одного с ними происхождения. К моему удовольствию, это стало одним из самых распространенных объяснений среди «настоящих ученых». Тем не менее [«один очень хороший ученый»] до сих пор настаивает, что результаты работ по червям не подтверждены, а сами плоские черви не обучаются. Это доставляет мне сардоническое удовольствие, потому что, конечно, Джон Кемпбелл с самого начала уцепился за эти эксперименты, убежденный, что есть какое-то объяснение, способное опрокинуть все доводы «ортодоксальной науки». (Он за все, находящееся за гранью познанного, но не из-за того, что ценит его, а из-за того, что хочет видеть, как любители — вроде него самого — победят профессионалов, не давших ему закончить Массачусетский технологический)

А еще, читала ли ты, что метеорит, на котором были обнаружены следы жизни, — всего лишь мистификация столетней давности? Это очередное доказательство ценности постоянного сомнения. Мой принцип, если помнишь, не сомнение ради сомнения, но сомнение как необходимый барьер, который истинное может преодолеть, а ложное не может. Чем больше претендует открытие на изменение основ структуры науки, тем выше барьер сомнения. Хотя каждый должен помнить, что «сомнение» — не одно и то же, что «нежелание слушать».

Недавно во время двухчасового радио-шоу я обсуждал происхождение жизни... весьма учено, со множеством информации, выдаваемой в хорошем темпе: о развитии как следствии случайных сочетаний молекул аминокислот, эволюции, движимой естественным отбором и т. д. На втором часу слушатели начали звонить и задавать вопросы, а некоторые из звонивших оказались разъярившимися на меня пуританами. Они цитировали Библию и поносили меня за то, что я краду красоту Вселенной (как будто концепция эволюции и долгой истории звезд не были бесконечно прекрасней истории о том, как раздражительный Господь создавал и разрушал один крохотный мир, похожий на баскетбольный мяч). Одна из слушательниц, которая была даже не в силах назвать меня по имени, дрожащим от ярости голосом адресовала свои вопросы (или, скорее, порицания) только к ведущему. Впрочем, ты могла бы мною гордиться. Отвечая и этим людям, я был спокоен и вежлив. Я продолжал говорить: «Ученые ни отрицают Библию, ни защищают ее. Библия нас никоим образом не касается». Конечно, это

выводило их из себя, они начинали что-то выкрикивать, и ведущий был вынужден класть трубку.

Проблема в том, что эти люди живут в маленьком мирке чудес и библейских притч, общаются только с теми, кто живет в таком же мире, ходят в свою маленькую церковь по воскресеньям и (как зеленые горошинки в стручке, думавшие, что весь мир зелен) откровенно считают, что весь мир мыслит также, как они. Они не читают научных книг, не ходят на лекции, не посещают курсы, и вдруг они включают радио и, к своему удивлению и ужасу, слышат чьи-то богохульные излияния о жизни, возникшей случайно, о человечестве, развивающемся под воздействием слепых сил естественного отбора, и ни слова о Господе

Просто чудо, что у них не случается немедленного сердечного приступа от того, что меня не поражает гром небесный. В любом случае, думаю, что я немного проветрил умы тех, кто не обручен навеки с невежеством. Это был интересный опыт.

[1970] Я получил только что очень странное письмо от одного из «библейских фундаменталистов», в котором говорится: «После многих лет восхищения Вами и Вашим подвижническим трудом перевода Вашей науки в обывательские термины я наконец пишу Вам эти строчки, чтобы сказать, как сильно я ценю Ваш вклад в мою веру в слово Божие».

Дорогой доктор, где же я ошибся?

[Тридцать лет назад я написала Айзеку письмо, которое он очень хвалил, поэтому я включаю сюда выдержку из него:

...как ты уже показал в различных научных статьях...близкое знакомство с методом изменяет способ мышления человека к лучшему. Даже если он — человек до мозга костей, с примитивным, ошибающимся, неуравновешенным сознанием, получив инструменты научного метода — построение логических выкладок, опытную проверку, сомнение и умение поставить вопрос — он сможет использовать это несовершенное сознание. Моя последняя фраза поражает меня саму. Люди — и я сама — говорят «человек до мозга костей», имея в виду все примитивное, что есть в нем. Но научный метод применяется людьми и не может быть применен без учета личных качеств человека.]

[Из другого письма, которое я написала Айзеку о споре с одним моим родственником-фундаменталистом:

Некоторые люди всегда будут верить любой безумной системе, если она в достаточной мере удовлетворяет их потребности, особенно, если эти потребности обусловлены неустойчивостью их душевного состояния. Но гораздо меньшее количество людей втягивалось в такого рода системы, если бы они приобщались к научным принципам с детства. Каждый ребенок, рожденный в наше время, должен иметь хотя бы приблизительное представление о научном методе, чтобы его мышление было настроено согласно научному подходу, когда он сталкивается с новыми гипотезами, данными, вопросами и т. д. Не то чтобы ученые не могут стать жертвами гипертрофированных эмоций и других форм искаженного мышления, но, по крайней мере, они обладают *инструментами* научного мышления, которые они *могут* использовать, если не слишком суетятся и пугаются.

У моего кузена нет этих инструментов, и нет смысла спорить с ним,

потому что у него нет адекватных средств оценки моих или даже его собственных доводов.]

[Ответ Айзека]

...Мы с тобой — потомки Фалеса, ведь именно он был первым известным рационалистом, первым, кто попытался объяснить Вселенную, не взывая к сверхъестественному, первым, кто поверил, что устройство Вселенной может быть понято рассудком. У нас с тобой общее наследие, и наши предшественники — это люди, выстоявшие под нападками, трудившиеся без устали, зачастую не надеявшиеся на понимание, чаще получавшие от работы разорение и бедность, чем преуспевание и богатство. Работая над биографиями [великих ученых] я, в каком-то роде, писал историю наших предков и чувствовал Мистические узы (просто не могу подыскать другого слова), связывавшие меня с ними, и даже с нашими потомками — немногочисленными рационалистами, не уступающими своих позиций в изучении Вселенной.

[1963 г.] Один мой друг в разговоре заметил, что моя книга «Человеческий мозг» впервые объяснила ему значение ФСЭ. Как только я сам смог добраться до этой книги, я поскорей нашел ФСЭ⁸ в предметном указателе, открыл нужную страницу и прочитал с большим наслаждением от ощущения неопишуемого восторга познания.

Как грустно, что по разным причинам (социальным, личным, философским — не знаю; ты у нас психолог) обучение обычно ассоциируется с болью, трудом и скукой, так что едва лишь школа закончена, а вместе с ней и процесс вынужденного обучения, средний человек с облегчением отворачивается от всего этого и принимается усердно забывать то, что он или она выучили, за исключением, может быть, навыков чтения, умения писать и арифметики на уровне третьего класса. (Действительно, по многим людям не скажешь, услышав их разговор или увидев их работу, что они пошли дальше третьего класса.) Но я говорю это не из критики, а, наоборот — из сочувствия, ведь теряют они, не я. Потому что даже не само *знание* приносит радость в жизнь, а — возможность и желание *учиться*. К примеру... [статья одного друга Айзека по астрономии] содержит вычисления, не представляющие для меня особого интереса, но из нее же я почерпнул мысль о том, что Земля и Луна — два объекта, блуждающие в границах объема единого тела, вращающегося вокруг Солнца. Такая идея никогда не приходила мне в голову, но теперь, когда ее заронили в мое сознание, я возвращаюсь к ней снова и снова. Она делает мое представление о Вселенной более полным; она доставляет мне то наслаждение нового знания, что дает удачная рифма поэту или внезапное откровение мистика. Учиться — значит расширять пределы познанного, ощущать больше, узнавать для себя новые аспекты жизни. Нежелание учиться или даже та легкость, с которой признают необязательность обучения — это формы самоубийства; по сути дела, самоубийства в более полном смысле слова, нежели насильственный обрыв жизни физической оболочки.

Сейчас я пишу статью для F&SF на предмет, который сам не

8 ФСЭ — фактор созревания эритроцитов. (Примеч. ред.)

очень хорошо понимаю, но к тому времени, как я ее закончу, обязательно пойму. На самом деле мне иногда представляется, что мои статьи — объемный план самообучения. И мне помогает. Нет ничего лучше, чтобы заставить себя продумать что-то досконально, чем написать об этом статью.

Все, что существует, развилось, по моему мнению, из случайного приложения законов Вселенной. Я нахожу гипотезу о направляющем высшем разуме гораздо менее правдоподобной, чем — о случайном процессе, который просто возникает здесь в данный момент времени. Он мог бы возникнуть где-то еще, но случилось так, что он здесь...

...Мы должны различать научное знание и знание вообще. Научное знание — как бы только один из видов знания. Оно достигается особым образом. Есть знание, достижимое и другими способами. Например, молодой влюбленный *знает*, что его возлюбленная — самая прекрасная девушка на свете. Он не измеряет ее так и эдак; он знает по собственным неописуемым, неизмеримым никакими приборами ощущениям.

[О письме поклонника]

Он отвечает на мою недавнюю статью, в которой я развенчиваю мистическое объяснение Вселенной. Он утверждает, что в нашей планетарной системе Солнце соответствует мозгу, девять планет — девяти основным отверстиям в человеческом теле (два глаза, два уха, рот и, я полагаю, уретра и анус, — молодой человек, очевидно, не рассмотрел кое-что как следует, или он считает человеческим только мужской организм, иначе ему пришлось бы объяснять и десятое отверстие), астероиды (как взорвавшаяся планета) — пуповине (как отверстию, когда-то существовавшему, но исчезнувшему). (А может, пояс астероидов и есть то десятое отверстие, исчезнувшее при изменении пола?) Этот парень также утверждает, что если бы мы могли счесть все астероиды, кометы и меньшие тела, то число равнялось бы количеству пор в коже — малых отверстий.

Я послал ему открытку, в которой говорится: «Великолепно обосновано! И впрямь, пупок, так же, как и астероиды, находится посередине тела».

[1968] Я получил уже два письма от людей, недовольных моими откровенными высказываниями в адрес Великовского, первое — от социолога, второе — от философа, не соглашавшегося с моим «догматичным» отношением к Великовскому, являющимся следствием того, что я, как и многие ученые, желаю задавить его, несмотря на то, что он приглашался во многие колледжи известными деканами и везде был встречен большими, полными энтузиазма толпами.

Я отписал этому философу, что не может быть одновременно и то, и другое. Если Великовского постоянно приглашали беседовать с толпами народа в колледжах, где же тут «задавление»? Однако если мерить истину величиной и энтузиазмом толп, то я не стал бы тратить время на Великовского, а сразу бы занялся проповедником Билли Грэмом.

Что я *не* написал, поскольку это было бы слишком жестоко, это, что про-Великовская клика собрана практически целиком из не-ученых грамотеев, таких, как мой друг — философ. Было время, когда философы считались сливками научного общества, а теперь само слово «философ»

вызывает непроизвольную усмешку, которую не всегда можно разглядеть, но которая существует. Физики стали новой интеллектуальной элитой (что также не всегда оправдано, но остается фактом), а сгорающий от нетерпения философ только рад запрыгнуть на поезд теории, выставяющей физиков: а) ошибающимися глупцами и б) преступными надоедами.

[Дорогой доктор Азимов, почему, черт возьми, Вы побеспокоились отвечать на письмо, упрекающее Вас за Ваше поведение по отношению к Великовскому? За те пять минут, пока Вы написали свой ответ, положили его в конверт, приклеили марку и запечатали, Вы бы могли написать столько слов для своей новой книги. Сколько, при Вашей скорости печати? Вы у нас — математик, не я. Посчитайте и усовеститесь.]

[На полях моего письма Айзек написал напротив слова «почему»] Потому что я заядлый спорщик.

[О рецензии на одну из его научных книг]

...я сел и написал пышущее яростью письмо... я отметил, что факты остаются фактами и что я потрясен, узнав, что автор обзора предпочитает подгонять факты к теории, и что это беспокоит меня, так как в том же издании была его собственная статья, одобряющая широкое применение пестицидов, и я не уверен, безопасно ли прислушиваться к его мнению...

Написав письмо, поставив адрес на конверте авиапочты и запечатав его, я почувствовал, как моя ярость улетучивается. Я перечитал обзор и нашел, что он был глуп, но не так вреден, как я думал. Автор даже использовал слово «интересный» в одном месте, так что обзор был не напрочь плох. Поэтому теперь я должен набраться духу и разорвать этот конверт с совершенно новой маркой.

P.S. Я только что разорвал его.

[Он любил Бенджамина Франклина.]

...Вчера я узнал кое-что новое о нем. Во время американской революции капитан Кук участвовал в удивительных походах через Тихий Океан. Он был одним из первых современных научных исследователей, искавшим не золото, барыши или колонии, но знания. В те дни американские каперы рыскали по морям, выискивая английские корабли, чтобы утопить, в какой-то степени из патриотизма, но в основном из-за добычи. Капитана Кука тем не менее не трогали и даже не беспокоили, так как он находился под официальной защитой американской революции, по совету и настоянию Бенджамина Франклина.

Франклин хорошо понимал, что стремление к познанию (Вселенной — учеными, человеческих мыслей и чувств — писателями и художниками, человеческой этики и поведения — психологами, философами и — гм — теологами) является высшей целью человечества и что именно оно возвысило человека над другими животными. Важнее же всего, что Франклин понимал сам и заставлял американское правительство осознать приоритетность этого стремления над любыми государственными интересами.

Мы живем во времена, когда наука сделала понятие «сугубо государственных интересов» совершенно устаревшим, просто мало еще кто из нас это понимает. Такие люди как Кеннеди и Хрущев понимают, что «сугубо государственные интересы» — лишь окольное название

самоубийства, и стараются (преодолевая всевозможные трудности и огромное сопротивление) поставить благо человечества во главу угла. Но есть и другие люди, понимающие архаичность обычных государств, но желающие произвести другое разделение — на основе цвета кожи. На стороне этих дьяволов и коммунистический Китай, и ЮАР, и расистский юг США, и многие другие.

[О «докторе Стрейнджлаве»]

Я никоим образом не считаю, что никто не должен смеяться (правда, только без злобы и ожесточенности) над учеными. Восхищаясь учеными и наукой, бесконечно любя их и уважая, я в то же время понимаю, что они — как и все остальное — могут служить мишенью для сатириков. Собственно говоря, укрыть ученых от пера юмористов, пусть даже злобного, было бы исключительно опасно для самой науки. Сделать из нее религию — значит возвести на трон ее худшие аспекты: авторитаризм, иерархичность и т. д.

В частности, я сам осознаю опасность того, что наука без особого сопротивления с ее стороны может стать марионеткой национализма и создать огромную угрозу для человечества. Действительно, существуют ученые, признающие свой первейший долг только по отношению к некоему произвольно выбранному сегменту человеческого рода, а не ко всему человечеству, есть и такие, для которых гордость от их творений или теорий, или их собственное болезненное самолюбие стоит над высшими интересами — интересами человечества. Да, конечно, я имею в виду и Теллера, при этом мне хотелось бы знать, не взял ли Питер Селлерс прототипом для этого героя Вернера фон Брауна.

[Из другого письма]

Мне не дает покоя, что люди готовы считать всех ученых воплощением зла за их участие в создании атомной бомбы, в то время как именно ученые протестовали против ее создания (не все, конечно) и боролись против нее. Решение ее использовать приняли политики, а взорвали ее военные — но есть ли хоть один политик или военный, публично выразивший сожаление в том, что он принимал участие в создании ядерной бомбы и ее использовании? На мой взгляд, к науке сегодня привлекаются люди с таким складом ума, какие в древние времена занимались философией, в средневековье — богословием: не просто лучшие, но наилучшие. (Что, конечно, не означает отсутствия проходимцев в рядах ученых.)

[О старом научно-фантастическом фильме]

Земля *не может* оставить свою орбиту и полететь прямо к Солнцу в результате чего-либо, чего угодно, произошедшего на Земле. Должна быть приложена внешняя сила. Земля может быть разрушена на кусочки, как следствие чего-то случившегося на ней, и некоторые кусочки могут направиться к Солнцу, но тогда эквивалентная масса должна полететь в противоположном направлении, а центр масс всех кусочков продолжит величественно вращаться вокруг Солнца по прежней орбите. Черт возьми, не зная этого (а никто в столице кино с этим фактом явно не знаком) может только человек до-галилеевской эпохи. Все равно, что сказать, будто «Готтдамерунг» написал Моцарт. И бесполезно отнекиваться, мол: «Глупые обыватели, которые будут смотреть картину, не знают этих

тонкостей, а если бы и знали, то не обратили бы внимания». В современном мире научная неграмотность — грех, и любой, кто способствует ее распространению — преступник.

К чему тогда преподавать основы физики в школе, если в фильмах делаются вещи, показывающие, что их создатели никогда не слышали даже о сохранении вращательного момента.

[О вандализме и терроризме]

Весь мир горит, разрывается на части и ломается на мелкие кусочки, а всем наплевать. Я дошел до того, что уже почти желаю, чтобы уровень смертности резко возрос, *очень* резко возрос, нанося наибольший урон человечеству и наименьший — животному миру и неживой природе, давая шанс возродиться нашей старой планете. Я становлюсь мизантропом, наблюдая, как отдельные человеческие создания превращаются в чудовищ, думающих только о том, как бы урвать себе кусок побольше при всеобщем развале.

[После одного диспута в 1961 году]

Я всегда был очень нетерпелив по отношению к философии и философам, не продвигаясь в мыслях дальше определенного неприятного стереотипа, который, в основном, заключается в том, что *они* находятся *гораздо* ниже ученых. Необходимость философии, факт, что наука основывается на философии и может обсуждать свои результаты только в философских терминах — я сам все время пользуюсь философией в своих работах — все это внезапно оказалось так очевидно и явно, что я смертельно стыжусь того... что пришлось признаться в этом.

[Но мы иногда и спорили в письмах, хотя обычно побеждал он.]

Ты не должна использовать фразу «механицисты XIX-го века» как грязное оскорбление. Механицисты XIX-го века были гораздо ближе к цели, чем их соперники: виталисты, теологи и мистики. Под механицистами я понимаю тех, кто считает, что поведение Вселенной можно описать серией общих утверждений, называемых «законами природы». То есть Вселенная и ее составные части всегда ведут себя согласно законам природы и не могут выйти из повиновения. Это отрицает любую мысль о «свободной воле», или «направляющем высшем разуме», или «боге», если тебе угодно, чтобы я был откровенен. Это также подразумевает, что человек как часть Вселенной также не обладает свободой воли и не может выйти из повиновения законам природы. Короче говоря, Вселенная обладает некоторыми характеристиками, делающими ее подобной машине.

Этот взгляд на вещи эмоционально оскорблял многих людей, которые полны решимости считать себя выше машин, обладать свободой воли, душой и всем остальным. Вот почему у многих философов наступило облегчение в связи с тем, что механицисты XIX-го века, как оказалось, знали не столь много, как они преподносили. (Да это никому и не дано, а самое смешное, что механицисты XIX-го века были гораздо менее невежественны в этом аспекте, чем их оппоненты.)

Великое дополнение, которое предстояло сделать, можно выразить словами «понятие вероятности». Газовые законы оказались не столь абсолютными, как казались, стоило их интерпретировать как результат беспорядочного движения частиц. Они потеряли определенность,

подернувшись пеленой вероятности. Принцип неопределенности все укутал такой пеленой.

Это не означало, что Вселенная не механизм. Это означало, что мы просто знали о механизмах меньше, чем думали. Вселенная управляется неопределенностью — в любой момент времени нельзя твердо сказать «да» или «нет», но ведь так обстоят дела со всеми механизмами. Можно вычислить математические выражения, в точности описывающие вероятности. Невозможно отделить пушистость от пуха, но возможно описать природу пушистости. Поэтому Вселенная все-таки остается механизмом, а мы лишь немного больше узнали о его работе, вот и все. Так что я — механицист XX-го века, причем очень закоренелый, и не допускаю существование какой-либо причины предполагать, что все во Вселенной не может быть убедительно объяснено на материальной основе (считая энергию и материю одинаково материальными).

К примеру, вполне можно изучать симптомы и методы лечения болезней, не зная причин, вызывающих их. На этом пути лежали даже великие достижения. Вакцинирование и хинин появились в тот момент, когда лишь поверхностные знания об оспе и малярии были доступны. Ведь только после выдвижения микробиологической теории медицина перестала быть в этом вопросе просто эмпирическим гаданием. Что же было важнее, мой досточтимый доктор? Вакцинирование или микробиологическое обоснование? А, если бы было возможно, сэкономив на исследованиях в области вакцинирования, открыть микробиологическую теорию на двадцать лет раньше, разве в конце концов не было бы лучше?

Величайшим открытием в биологии стала теория эволюции, которая по сути объяснила порядок и расположение в этой области, но оно не могло бы совершиться, пока концепция возникновения видов не была еще разработана.

К тому же жизнь устроена сложнее одной молекулы ДНК, так же как и вся материя в целом сложнее атома, потому что включает в себя и силы межатомного взаимодействия. Тем не менее, пока не будет понят атом, не будут поняты и межатомные силы. Изучение жизни будет оставаться туманным и мистическим, пока не будет узно точно, что представляет собой фундаментальная основа жизни. *Тогда* можно будет обратиться к порядку и расположению, которые создают все высшие тонкости жизни, и наконец понять их. Если же наскочить прямо сейчас на исследования порядка, чтобы быстрее понять, что мы упорядочиваем, то придем мы к пониманию гораздо медленней.

Или, в качестве другого примера, рассмотрим три этапа великих достижений в химии. Вначале было представлено понятие об элементах; затем — об атоме; и наконец — об отрицательно заряженной субатомной частице. Ни в коем случае мы не можем сказать, что серная кислота — это просто некая смесь элементов (она и не является таковой), или просто определенное сочленение атомов (и это нет), или еще проще — некая масса электронов и протонов (тоже нет). На самом деле, это все вместе взятое плюс организация. С каждым новым знанием о тех объектах, организацию которых мы изучаем, мы узнаем гораздо больше о самом процессе организации.

Итак, традиционалисты биологий могут продолжать свою работу, но все проблемы, которые требуют от них столько усилий, разрешатся, как только ребята, работающие над ДНК, наконец разберутся со своей

молекулярной биологией. И все, что делается в помощь исследователям ДНК, делается и на благо традиционной биологии.

[После похожего спора я согласилась с ним, и вот что он ответил мне.]

Спасибо за то, что пытаешься понять мою вовлеченность в битву Разума против Хаоса, даже когда я внезапно бросаюсь на ветряные мельницы. Я же всей душой постараюсь понять твоё стремление отдаться битве Сердца против Слепоты и Безразличия мира... если временами мы расходимся в предпочтениях относительно Сердца и Разума, я знаю, мы все равно вернемся к старой битве Добра (Сердца и Разума) против Зла (Безразличия и Невежества).

В [колонке писем известного научного журнала] бушует спор между традиционалистами от биологии и молекулярными биологами. Традиционалисты настаивают, что они вовсе не виталисты, а вот молекулярные биологи — на самом деле, просто биохимики по образованию и, фактически, ничего не знают о биологии. Молекулярные же биологи упорно настаивают, что традиционалисты все равно — виталисты, а молекулярная биология — единственный путь к биологической правде.

В первый момент я готов был встать на сторону молекулярных биологов, но все же, размышляя о том, что мне открылось (из наших споров), я нашел аргументы обеих сторон неполными. Без сомнения, верно, что обычный молекулярный биолог — скорее химик, но это дает традиционному биологу прекрасный шанс. Пусть он ознакомится с молекулярной биологией и приспособит ее к своему знанию традиционной биологии. Надо дать этим двум отраслям слиться, так как знание едино, и, хотя могут быть враги среди ученых, не должно быть вражды между науками.

Как пример из истории: когда Пастер (химик) выдвинул бактериальную теорию заболеваний, традиционные доктора вполне могли сказать, что он — микроскопист и ищет ответы только в микроскопическом мире, а о настоящей медицине не имеет и представления. Ну конечно же! Но Роберт Кох взял результаты пастеровских бактериологических работ и применил их к медицине систематическим образом, чем произвел революцию в этом искусстве.

Я был на местном радио сегодня вечером, звонили слушатели и почти все просто расхваливали меня. Один же парень, объяснив, что читает мои произведения на протяжении уже многих лет, настойчиво излагал свои невероятно замысловатые взгляды на летающие тарелки. Оказывается, мы собираемся уничтожить солнце и вызвать разрыв в течении времени, а гуманоиды из летающих тарелок пытаются это предотвратить, причем этот слушатель знает, что я об этом прекрасно осведомлен, но боюсь сообщить общественности. Мне- пришлось избавиться от него, очень корректно, конечно, но, боже мой, если люди думают, что вот к этому приводит чтение моих книг, пусть сожгут их.

[Он пожаловался на цену славы, и я напомнила ему слова Генри Филдинга: «Учи меня не только предвидеть, но и наслаждаться; нет, не предвидеть, а упиваться грядущей славой. Успокой меня торжественным заверением, что, когда настанет час мне сменить эту крошечную

гостиную на еще более тесное и хуже обставленное вместилище, меня по-прежнему будут читать с уважением те, кто никогда не знал и не видел меня, и кого мне не суждено узнать». Айзек ответил:]

Надо же, какой родственный ум говорит сквозь века. Все-таки здорово было быть хомо сапиенс, а не тем его искусственным заменителем, который существует сейчас.

[О письме фэна, который хвалит одну из его научных книг.]

Я до абсурдного благодарен, когда кто-то говорит, что моя книга «пробудила забытую радость от постижения нового», потому что именно это я и пытаюсь сделать; в этом я вижу свою миссию; только как в этом признаться, не боясь показаться самовлюбленным, претенциозным поучателем? Мы живем в обществе, в котором непозволительно быть идеалистом; в котором желание делать добро и помогать как-то своему ближнему так беспощадно высмеивается, что те, кто и хотели бы поступать так (по той единственной причине, что это доставляет им удовольствие и придает значение их жизни) вынуждены облекать свои действия в эгоистические мотивы, как я это только что сделал и должен делать постоянно, из-за боязни быть обвиненным в лицемерии или того хуже... О, доктор Джи, было бы намного приятнее давать, чем брать, если бы это были два разных действия; если бы не было так, что только отдав, человек может взять, и только взяв, может отдать Я хочу дарить любовь, радость и знание такими многими способами, на стольких разных уровнях, стольким разным людям, ведь, делая это, я нахожу для себя эти самые любовь, радость и знание О знании, как о самом конкретном из этих трех наслаждений, могу добавить каждая из написанных мною книг становилась учебником в первую очередь для меня самого

ДЕСЯТЬ СВЕТОВЫХ ЛЕТ СПУСТЯ

Роберт Янг

ВЕЛИКАН, ПАСТУШКА И ДВАДЦАТЬ ОДНА КОРОВА

© Robert Young Giant, Coleen and Twenty One Cows

F&SF, 1987

Перевёл Дмитрий Лихачёв

Перед Гарри Вествудом открылась широкая долина, и он начал

спускаться по склону. Он чувствовал себя Джеком из старой сказки про Джека и бобовый стебель. Правда, по бобовому стеблю до неба он не лазал, но плато, которое он только что пересек, того стоило.

— Выбирайтесь туда побыстрее, Вествуд, — заявил ему Симмонс, глава отделения земельной компании «Новые Нидерланды»⁹ на Божьем Благословении. — Тупоголовые туземцы, вызвавшие к жизни этого исполинского ублюдка, вообразили, что их прямая обязанность — разделаться с ним самостоятельно, а нашей компании не нужно, чтобы на ее совести была смерть кого бы то ни было из бимба. Пролетел я тут над его замком, так он перепугался и носа не высовывал, но вряд ли он так же напугается, когда ему будет угрожать всего лишь кучка идиотов-бимба, потрясающих копьями.

— Мне кажется, — буркнул Гарри Вествуд, — что, после того как вы наворовали столько земли и согнали с насиженных мест столько туземцев, ваша коллективная совесть может потягаться чувствительностью разве что с наковальней.

— Вечно вы, беовульфы, до чертиков бескомпромиссны!

— Вот что: не суйтесь больше к его замку и чтобы никому больше не приходило в голову полетать над ним, ясно? — оборвал его Гарри Вествуд. — С этого момента он — мой.

Он вышел засветло и встретил зарю уже в пути. Было раннее утро. Переход по «бобовому стеблю» был закончен, но предстояло пройти еще много миль. К востоку от той долины, к которой он вышел, простиралась другая, где жили бимба, и которую земельная компания назвала Ксанаду¹⁰ и собиралась, как только удастся избавиться от туземцев, разделить на части и продать по баснословным ценам любому землянину, кто был бы по горло сыт родной планетой и при этом имел бы достаточно денег. А к востоку от Ксанаду лежала долина Фифайфофама, которая тоже принадлежала компании и которую та тоже намеревалась продать по частям, как только Гарри Вествуду удастся избавиться от великана. А дальше тянулись холмы и горы.

По словам Симмонса, бимба называли великана «Фифайфофам», потому что это было единственное, что они от него слышали, когда он выходил из своего замка, чтобы прогнать их. Случайное совпадение? Ну да, что же еще, заключил Гарри Вествуд. Можно многое подгонять под универсальные архетипы Юнга, но нельзя же распространять их на всю Вселенную.

Долина была узкой; он пересекал ее большими легкими шагами. Он был беовульфом уже много лет; это занятие наложило жесткий отпечаток на его худощавое лицо. Он был высок и сухощав, на нем была куртка из шотландки с расстегнутым воротником, серые брюки и черные ботинки. Он начал подъем по противоположному склону долины. Его верный фолцхедир висел у него за спиной; тяжесть рюкзака не угнетала его — он ее просто не чувствовал. К поясу были пристегнуты фляга и запасные обоймы для карабина. Виски, выпитое прошлым вечером, уже нисколько не туманило его сознание.

9 Нидерланды — в XVI–XVII вв. были одной из крупнейших колониальных держав

10 Ксанаду — «райская долина».

Он всегда полагался только на свои ноги, принимая за образец охотничью тактику древних ирокезов.

Взобравшись по склону, он пересек перевал, на котором торчали одинокие деревья, и окинул Ксанаду взглядом.

По сравнению с этой долиной та, которую он только что перемахнул, казалась крошечной; здесь он с трудом мог разглядеть противоположный склон. Долина была покрыта огромным зеленым ковром, испещренным еле различимым орнаментом из деревьев. Чуть ниже того места, где находился Гарри Вествуд, начиналась узенькая полоска леса; она тянулась через всю долину к противоположному склону. Он знал, что в долине были сотни деревень бимба, но в длину долина была раз в десять больше, чем в ширину, и он мог разглядеть только одну. Она была расположена возле небольшого ручья недалеко от леса.

Лес обеспечит ему превосходную маскировку. Он сверился с компасом. Мысленно обозначил себе маршрут, по которому собирался идти в соответствии с информацией, предоставленной ему Симмонсом, и этот путь почти целиком пролегал по лесу. Его это устраивало — совсем негоже было бы дать себя обнаружить туземцам, которые еще не вышли из охотничьей стадии развития. Он осторожно спустился по длинному склону, пользуясь любым укрытием из тех, что любезно предоставляла ему природа, и вступил в лес ровно настолько, чтобы листва могла скрыть охотника. Идти было легко, и к тому же, будучи в состоянии видеть сквозь листву все, что происходит вокруг, сам он оставался незамеченным для любого наблюдателя извне.

В лесу могли оказаться бимба. Он был настороже, но не считал нужным снять ружье с плеча.

Из деревни донесся шум; но это был не шум обыденной жизни, да он и не услышал бы его так скоро. До его слуха донесся ритмичный топот множества ног, женские голоса, выводящие дикую песню, и голоса мужчин, исторгающих боевые крики в духе американских индейцев.

Ворота деревни были обращены к лесу. Когда Гарри Вествуд поравнялся с ними, ему сперва показалось, что округлые предметы, висящие над ними — это большие луковицы, подвешенные для просушки, но вдруг он понял, что это человеческие головы, подвешенные за волосы.

Ему была хорошо видна толпа на площади в центре деревни — ощерившаяся копьями колышущаяся масса темно-коричневых тел. Он мог бы забраться на дерево, чтобы рассмотреть получше, но не стал утруждать себя. И так уже видел достаточно, чтобы убедиться, что Симмонс говорил правду — туземцы действительно решили разделаться с Фифайфофамом самостоятельно.

Должно быть, танец только что начался, иначе Вествуд услышал бы этот безбожный грохот гораздо раньше. Как правило, когда коллективная вера примитивных людей в существование какого-нибудь чудовища произвольно вызывает его к жизни, то поначалу по ночам они прячутся под лежанкой, а днем ходят на цыпочках. Поэтому Вествуд был уверен, что пройдет немало времени, прежде чем бимба из этой и окрестных деревень (а из того, что сказал ему Симмонс, он сделал вывод, что на смену межплеменной войне на какое-то время пришло объединение усилий для совместного уничтожения великана) наберутся достаточно мужества, чтобы направить на врага свои копья, а не только языки.

Если достаточное количество туземцев навалится на великана одновременно, не перепугавшись до смерти при одном только взгляде на

предмет своего беспокойства, у бедного Фифайфофама не будет ни единого шанса. Поэтому Вествуду ничего не оставалось, кроме как опередить их. Он до смерти устал убивать самозарождающихся страшилищ, но еще больше он терпеть не мог, когда что-нибудь мешало ему удачно выполнить свою миссию и получить причитающееся.

Его взгляд снова наткнулся на висящие на воротах головы. Он сопоставил очевидные факты и понял, что не так в поведении туземцев: они хотели головы Фифайфофама.

Перед тем как переходить ручей, возле которого стояла деревня, он зашел поглубже в лес. Ему чертовски не хотелось, чтобы бимба заполучили *его* голову.

Войдя в лес, он опять выбрался почти к самому краю и продолжил свой путь через долину. Увидев, что уже 12 часов (его часы были переставлены на местное время), он остановился, чтобы перекусить, хотя на самом деле и не очень хотел есть. Позже, днем, он увидел стадо антилоп далеко в долине. По Ксанаду бродило множество таких стад. В этих местах не было естественных хищников, кроме бимба, которые ели мясо антилоп на завтрак, обед и ужин и делали одежду из антилопых шкур.

Он настолько сосредоточился на стаде вдали, что заметил воина бимба, шедшего прямо на него, только когда они оказались на расстоянии не более десяти футов. Видимо, бимба тоже был на чем-то сосредоточен, потому что и он не заметил Гарри, пока Гарри не увидел его. Бимба были высокими и худыми, чем-то напоминающими массав, только с более светлой кожей. На этом воине были короткие штаны из шкуры антилопы. Раскраска на его лице говорила о том, что он направлялся на действо, происходившее в деревне. В руках он держал длинное деревянное копье с каменным наконечником, а в петле на ремне, которым туземец был перепоясан, болтался нож с кремневым лезвием.

Появление Гарри Вествуда ошеломило туземца не менее, чем его появление ошеломило Гарри. Оба отреагировали одновременно; бимба испустил протяжный крик и бросился вперед, целясь наконечником копья в грудь Гарри. Гарри остался на месте и сдернул ружье с плеча. У него не было времени поднести приклад к плечу, поэтому он отбил копье туземца стволом и тут же с разворота ударил воина прикладом в челюсть. Бимба заморгал, выронил копье и рухнул наземь.

Гарри Вествуд подобрал копье и с силой отбросил его в сторону. Копье скрылось в густой высокой траве в доброй сотне футов от них. За копьем последовал и нож; когда этот бимба очнется, у него будет хорошая возможность поразвлечься, разыскивая свое оружие.

Гарри знал, что сегодня им больше не увидаться. Однако не стал вновь закидывать ружье за спину, а продолжал держать его в руке, в правой руке, которую ему сделали на Земле, и которой, несмотря на то, что она была искусственной, он мог делать все то, что и своей настоящей, до того как ее откусили.

Противоположного склона долины он достиг только к вечеру. Восхождение оказалось долгим и трудным. Когда он достиг плоского участка перевала, над ним закачался серый занавес сумерек. Через несколько минут он раздвинулся, и на сцену вышла ее величество Ночь.

Вествуд подумал, что вряд ли перевал, на котором он остановился, очень широк, и если он не собьется с пути, до замка Фифайфофама

останется идти не так долго. Но искать замок в потемках было ни к чему. Сперва хотелось бы хорошенько выспаться.

Поставив свою надувную палатку, он включил походный очаг. Языки пламени ярко взлетели вверх, и Вествуд, сев поближе к огню, открыл термоупаковку бобов с ветчиной и хлебом и вакуумную упаковку кофе. Закончив есть, он зажег сигарету, чтобы не торопясь выкурить ее, чередуя затяжки с глотками оставшегося кофе, и принялся разглядывать звездное небо.

И тут он почувствовал, что его самого разглядывают не с меньшим интересом.

Он зажмурился и не открывал глаз до тех пор, пока не понял, что уже может видеть в темноте, и тогда выключил очаг. Выждав еще несколько минут, чтобы металлический корпус очага остыл и его красноватое свечение пропало, он резко открыл глаза и быстро осмотрелся кругом. Уловив тень какого-то движения справа от себя, он вскочил на ноги с ружьем в руке. В свете звезд он заметил тоненькую фигурку, убегавшую прочь в темноту, которая, впрочем, была не столь темной, чтобы Вествуд не разглядел, что это была девочка.

Он бросился за ней. Та бежала очень быстро, и ему пришлось потрудиться, чтобы не потерять ее из виду. Вокруг было только несколько одиноких деревьев, так что спрятаться девочке было негде, но тем не менее она внезапно исчезла. Он побежал туда, где только что видел ее, и ему пришлось остановиться на краю склона, ведущего в долину Фифайфофама. Вествуд увидел замок великана. Он будто сошел со страниц «Смерти короля Артура». Девочка бежала, пересекая склон точно в его направлении. Вествуд не стал продолжать преследование, и остался на месте. В свете звезд он видел, как она спустилась в долину и побежала прямо к замку. Добежав до замка, она исчезла.

Вествуд не отнесся к «замку» серьезно, считая, что тот не может быть ничем иным, кроме как берлогой-переростком, построенной великаном из палок и камней, чтобы заползать туда во время дождя.

Он и представить себе не мог, что этот замок окажется каменным сооружением с тремя башнями, обнесенными каменной стеной.

Симмонс, как назло, ни словом не обмолвился о том, что представлял из себя замок.

Прежде Гарри Вествуд, выходя на охоту за местными чудовищами, всегда внимательно изучал отчет Группы по Обследованию Планеты, но в этот раз никаких сведений о Фифайфофама там не было, потому что, когда группа закончила работу, Фифайфофама еще не существовало.

Но еще большей загадкой, чем замок, было для него присутствие девочки.

Неужели она жила с Фифайфофамом?

Или она только пряталась в замке, как Джек из сказки?

Короткого взгляда, брошенного на нее до того, как она бросилась наутек, Вествуду хватило для того, чтобы обнаружить две вещи: она была белой и еще почти ребенком.

В колонии земельной компании «Новые Нидерланды» жили около 10 семей. Но Симмонс не говорил о том, чтобы у кого-либо пропала дочь. Да и, если бы пропала, все равно замок великана привлек бы ее в качестве убежища в самую последнюю очередь.

Нет, так он ни до чего не додумается. Он подождал немного, чтобы посмотреть, не выйдет ли великан из своего замка, но тот не показывался,

и Вествуд вернулся в свой лагерь. Забравшись с ружьем в палатку, он сбросил ботинки и включил защитное силовое поле. Через несколько секунд он уже спал. Ему следовало бы видеть во сне великана, в крайнем случае — девчонку, но ни то, ни другое не приснилось. Вместо этого как всегда он видел во сне великаншу-людоедку, откусившую его руку.

А утром он обнаружил могилу.

Могила была совсем неподалеку от того места, где Вествуд разбил лагерь. Он натолкнулся на нее, когда уже уложил палатку и очаг и отправился в путь через гребень холма.

Она была вырыта сравнительно недавно. На вскопанной земле только-только поднялась молодая трава. В головах могилы в землю был воткнут маленький крест, сделанный из веток, скрепленных проволокой.

На могиле лежал букетик из бледно-голубых цветов.

Он знал, что скорее всего это вчерашняя девочка принесла их. Должно быть, она пришла сюда навестить могилу, когда он взбирался по склону. Услышав его шаги, она, наверное, легла в высокую траву, и он не увидел ее. С наступлением темноты она подкралась к палатке и наблюдала за ним под покровом ночи.

Могила только еще больше запутывала Вествуда. Он постарался выбросить ее из головы и прошагал остаток пути по гребню холма. Завидев замок, Вествуд прятаться не стал; он хотел, чтобы великан обнаружил его. Три башни замка мерцали в косых лучах солнца. Теперь было видно, что крепостная стена не окружала замок, а была частью его цельной структуры. В высоких каменных стенах было проделано множество узких окон. Ворота, закрытые опущенной решеткой, казались слишком маленькими, чтобы в них мог пройти великан.

Кто же все-таки создал это чертово место? Вествуд отказывался поверить, что это сделал Фифайфофам. Будучи сотворен усилиями бимба, он не мог знать о средневековых замках больше, чем они сами, и никак уж не мог построить ничего подобного.

За долиной начинались холмы, а за ними возвышались горы. В южной своей части долина сужалась, а ее склоны превращались в высокие отвесные скалы, нависавшие над узким ручьем, который протекал прямо под ними и огибал заднюю стену замка наподобие средневекового рва.

К северу долина расширялась, горные склоны обнимали многие тысячи акров земли, которую компания планировала продать по частям.

Игра, в которую играла компания, носила название «хапни», и профессионалы из компании столь в ней поднаторели, что сам Колумб, тоже изрядно преуспевший в этом в свое время, не смог бы с ними тягаться.

Гарри Вествуд усилием воли задвинул и свой цинизм, и тайну замка на задний план сознания и двинулся вниз по склону. Если он своевременно не позаботится о том, чтобы убить великана, бимба сделают это за него.

Спустившись в долину, он быстрым шагом добрался до замка, держа ружье в правой руке. В его планах было выманить великана из замка, потому что он представления не имел о том, как проникнуть вовнутрь. Под ноги легла длинная тень замка. Для такого массивного строения тень казалась очень узкой. Теперь в любое мгновение, если только Фифайфофам не вышел из замка спозаранку на утреннюю прогулку, решетка на воротах могла подняться, а из ворот мог выйти он сам, увидев

Гарри в одно из окон. И вдруг к своему ужасу Гарри увидел, что решетка уже поднята! И почти в то же мгновение он увидел Фифайфофама.

Вопрос, как великан смог пройти через ворота замка незамеченным, носил чисто академический характер. Вместо этого ему пришлось задаться вопросом, а как великану вообще удалось пройти через ворота, если он сам был высотой с замок.

Великан шагнул к Гарри. Еще раз. Земле следовало *ры* дрогнуть. Этого не произошло. Великан стоял в борцовской стойке. У него было и телосложение борца, мышцы играли по всему его телу, и на одно безумное мгновение Вествуду пришло в голову, а не собрался ли Фифайфофам побороться с ним.

Он перевел взгляд с массивного могучего туловища еще выше, на скалоподобное лицо великана. Оно было злобным. Над глазами, напомнившими Вествуду черные бильярдные шары, нависали брови, похожие на заросли. Громадный нос был почти совершенно плоским. Огромная челюсть была квадратной, а края губ были искривлены в отвратительной ухмылке, демонстрировавшей набор белых зубов, похожих на клавиатуру рояля. Ежик волос на голове великана (который все еще ничем не показал, что видит Вествуда), стоял, как стерня на убранном поле.

Вествуд опустил взгляд ниже. На Фифайфофаме была только розовая набедренная повязка. Гарри поймал себя на том, что он смотрит на булавку длиной в фут, которой повязка была закреплена.

Он понял, почему тень от замка была такой узкой и почему башни мерцали в солнечном свете.

Фифайфофаму пора было заговорить. Он так и сделал. Его голос звучал отовсюду, со всей долины, но только не из его рта, и, что делало еще менее достоверным все происходящее, голос был не только громким, но и глубоким и сиплым, как у заправского пьяницы.

*Фи-фай-фо-фам!
Здесь пахнет англичанином!
Мертвый он или живой —
Он сегодня будет мой!*

Гарри Вествуд стремительно забросил ружье за спину и побежал по направлению к замку мимо левой ноги Фифайфофама (с таким же успехом он мог бы пробежать и сквозь нее). Добежав до стены, он не остановился, а кинулся прямо сквозь нее, увидев космический корабль. Из внешнего люка на землю спускался трап. Вествуду повезло: люк был открыт. Наверное, девочка открыла его, чтобы проветрить корабль. Со всех ног он взлетел по трапу и влетел в шлюз, успев опередить девочку, которая неслась по лестнице навстречу, надеясь добежать до двери раньше него, чтобы захлопнуть ее перед самым его носом.

До внутреннего люка шлюза он тоже успел добежать первым. Она топнула ногой и свирепо посмотрела на него. «Я должна была знать, что мне не провести беовульфа», — сказала она.

В проекционной, куда девочка с неохотой отвела его после того, как они вскарабкались по лестнице на верхнюю палубу, он увидел, как «великан», в котором было всего 10 дюймов роста, шагал по квадратному столу, за пределы которого ступить не мог. Из всех углов комнаты на эту

куклу были направлены камеры, и система зеркал пересылала его лазерное изображение в проектор, который был прикреплен к краю стола. На большом выпуклом наблюдательном экране на переборке было видно, как голограмма огромного размера шагает по долине перед замком.

— Ты бы лучше его выключила, — сказал Гарри Вествуд. — А то он у тебя сейчас со стола упадет, его тогда не соберет ни вся королевская конница, ни вся королевская рать.

— Считаешь себя остроумным? — огрызнулась девчонка. Но сделала, как он сказал — сняла пластмассовую куклу со стола и дала возможность пружине окончить свою работу. Крошечная ручка, торчавшая из спины куклы между ее лопаток, продолжала крутиться, пока пружина завода не ослабла. Когда завод кончился, девочка положила куклу на стол.

— Это ты из-за дурацкой булавки понял что к чему, да? Эти местные никогда не обращали на нее внимания, но мне надо было догадаться, что ты-то обратишь. Надо было заколоть свой носовой платок у него за спиной, чтобы тебе не было видно. А может, ты узнал и мой носовой платок. А еще я сглупила, что поставила всю пленку целиком. Раньше, когда вокруг бродили эти надоедливые туземцы, я заставляла его говорить только «Фи-фай-фо-фам!». Но ты похож на англичанина, поэтому я не могла удержаться от того, чтобы поставить всю пленку.

— Не любишь англичан?

— Естественно.

Ее лицо было броским — ярко-синие глаза, веснушки, маленький рот. Ее золотисто-рыжие волосы спадали на плечи. Типичная ирландка, если только она их когда-нибудь видела. На ней было заношенное белое платье, которое пережило слишком много стирок, и теннисные туфли, лучшие дни которых были далеко позади. Он прикинул — ей должно было быть около 12 лет.

— Ты англичанин? — спросила она.

— Мой прадед был англичанином, значит, во мне течет английская кровь.

— Я так и знала!

— На пленке — голос твоего отца?

Она кивнула.

— Мы поставили громкоговорители по всей долине. Мы привезли куклу и проектор с собой, и еще генератор иллюзорного поля, чтобы корабль выглядел, как замок. Отец говорил, что единственный способ не дать бимба схватить нас и отрубить наши головы — это перепугать их до смерти. Отец — он иногда выпивал, но котелок у него все равно варил — будь здоров. А англичан он ненавидел, — добавила она.

Надо же, до сих пор эта ненависть жива. Гарри Вествуд вздохнул.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Кэтлин.

— А меня — Гарри. Это твой отец похоронен там, наверху?

На мгновение она посмотрела в сторону.

— Да. Я... Я там его и похоронила.

В проекционной было два мягких кресла, прикрученных к полу. Гарри снял с плеча ружье и рюкзак и сел в одно из них. Чуть помедлив, Кэтлин села в другое.

— Мы знали, что рано или поздно должен будет появиться беовульф, — сказала она, — но мы думали, что к этому времени нас здесь уже не будет. Так бы и произошло, но что-то случилось с конвертором, а

отец не смог починить его. Когда мы поняли, что наш корабль не сможет выйти в подпространство, а тогда обратный путь занял бы веков этак — надцать, мы даже и не стали пытаться взлететь. Но не оставаться же нам было здесь, поэтому мы решили пересечь долину бимба, дойти до космопорта и заказать билеты на пассажирский корабль на Землю. Но, когда мы забрались на гребень холма, мой отец дышал уже с трудом. Мы остановились передохнуть. Я... Мне показалось, он уснул сидя, прислонившись к дереву, но его глаза были широко открыты, а когда я дотронулась до него, он был уже холодный. Я... Я там его и похоронила. Там, наверху, гораздо лучше, чем здесь, внизу. Днем я забираюсь туда и сижу возле могилы, слушаю ветер и смотрю, как он пригибает траву.

— У него было плохо с сердцем?

— Очень.

— Тогда зачем он взялся нести все золото?

На ее лице появилось самое невинное выражение, какое он когда-либо видел.

— Золото? Какое золото?

— То, которое вы здесь добыли. Ведь вы тут, скорее всего, этим и занимались. Должно быть, там, наверху, где долина сужается, где ручей пробивается сквозь скалы.

— Ты с ума сошел. Мы приехали сюда отдохнуть, вот и все.

— По моим последним сведениям, — сказал Гарри Вествуд, — унция золота стоит очень прилично в межпланетной валюте, потому что с тех пор, как драгоценные камни были, в отличие от золота, во множестве найдены во внеземных мирах, и потеряли свою былую стоимость, золото является единственным, что могло заставить вашего отца вернуться сюда. Он же был членом Группы по Обследованию Планеты, не так ли?

Кэтлин ничего не сказала. Она просто сидела, уставившись на него. Он тоже молчал. И думал об Ужасном Турке. Согласно легенде, Ужасный Турок заработал уйму денег, будучи борцом в Америке. Обратил все деньги в золото и зашил его в пояс, отправившись домой. На море он попал в шторм, но вместо того чтобы снять пояс с золотом, Ужасный Турок пошел вместе с ним на дно.

После долгого молчания Гарри Вествуд снова заговорил.

— Ты перетасила все золото сюда или спрятала его на перевале?

Она вновь обрела прежнее самообладание, вскочила с кресла, уперлась руками в бока и начала приплясывать перед Вествудом, напевая:

— Так я и сказала! Так я и сказала!

— Ты же не будешь отрицать, — обратился к ней Гарри Вествуд, — что когда я заберу тебя отсюда с собой на Землю, то для тебя будет довольно трудно забрать его с собой.

Она прекратила приплясывать и уставилась на него с недоверием.

— Никуда ты меня с собой не возьмешь!

— Как хочешь.

— Тебе бы только наложить свои лапы на золото, вот и все!

— Если бы этот твой великан был всамделишным, и я покончил бы с ним, я получил бы свое обычное вознаграждение. Но вместо этого выясняется, что я прилетел на Божье Благословение почти что задаром. Так что, поскольку именно ты виной тому, что я здесь оказался, я считаю, что ты должна мне пятьдесят тысяч стелларов.

— И ты считаешь, что я отдам тебе такую сумму золотом?

— Увы, я так не считаю. С учетом того, что я немножко англичанин, а ты — почти что из ИРА¹¹, я чувствую, что все, что от тебя мне перепадет только масса хлопот.

— Никакой ИРА больше нет!

— Ее следовало бы оставить — для таких, как ты. — Он положил ружье на колени. — Лучше давай заводи Фифайфофама и пускай его снова в дело. — Он показал на обзорный экран. — Тут целая куча народу рвется с ним повидаться.

Она посмотрела туда же, куда он. Он насчитал пятнадцать бимба, затем увидел, что выше по склону их были сотни. Кэтлин завела куклу, но еще не ставила ее на стол.

— Я буду ждать до тех пор, пока не увижу белки их глаз, — сказала она.

— Ты увидишь очень много белков. Вся долина со вчерашнего дня бурлила перед этим походом.

— Это еще веселее. Фифайфофам здорово повеселится, отгоняя их.

От ее хладнокровия ему стало не по себе. Они действительно находились в полной безопасности. После того как он поднялся в корабль, она закрыла внешний люк, поэтому даже если бимба разгадают существо «великана» и пойдут в атаку на «замок», они ни за что не смогут забраться в корабль. Но, черт возьми!

Девчонки, особенно в ее возрасте, просто обязаны трустись при малейшем намеке на опасность!

— В прошлый раз, когда они испугались и бросились наверх по холму, они прямо превратились в черную патоку, — сказала она, раздражая его все сильнее. — Как в книжке, которую я читала — там тигр так носился вокруг дерева, что растекся маслом.

— Это единственная книга, которую ты прочла?

Подбоченясь, она сказала:

— Это как раз ты доставляешь мне массу хлопот!

— Лучше поставь Фифайфофама на стол, пока ты его не уронила. И может, все-таки начнешь проекцию? Там уже около тысячи бимба.

Она поставила куклу на стол и повернула лицом к склону, но не запустила ее и не включила ни камеры, ни проектор. Она явно хотела показать, что в таких вопросах она сама принимает решения.

Тысячи бимба там, пожалуй, не было, но их было немногим меньше. Приближаясь к замку, они потрясали над головой копьями и вопили. По крайней мере, Гарри сделал такой вывод, потому что их рты были раскрыты; внутрь корабля никакой шум проникнуть не мог. Кэтлин выжидала до того момента, пока их «авангард» не проделал половину пути до «замка», и только тогда запустила Фифайфофама и включила камеры и проектор.

— Фас, Фифи! — крикнула она, и кукла сделала свой первый шаг по столу; шаг великана в долине был гигантским.

— Бросайте же в него свои дурацкие копья, вы, тупицы! — кричала Кэтлин. — Ну давайте же, бросайте свои идиотские копья!

Но ни одно копьё так и не было брошено в Фифайфофама, вместо

11 ИРА — Ирландская Республиканская Армия, террористическая организация, ставящая своей целью независимость Северной Ирландии.

этого большинство из них попадало на землю.

Фифайфофам сделал еще один шажок — и, соответственно, гигантский шаг. Белая краска на лицах бимба, нанесенная, чтобы наводить ужас на великана, вместо этого выражала ужас самих бимба. Большинство из них никогда не видели «великана» раньше, и они, наверное, в душе еще сомневались в существовании такого чудовища; теперь их сомнения были развеяны, и ни о чем другом они не смогут уже сегодня вечером говорить у своих костров.

В сознании Гарри Вествуда мелькнула какая-то мысль, но пропала, прежде чем он успел ее уловить.

Кэтлин включила запись голоса своего отца и почти сразу же выключила ее, и, хотя Гарри ничего не слышал, он понял, что из всех громкоговорителей на всю долину разнеслось громовое «Фи-фай-фо-фам!».

— Патока, смотри — патока! — кричала Кэтлин, глядя на то, как бимба всей толпой удирали вверх по склону. — Спорим, ты никогда раньше не видел, чтобы патока взбегала на холм, а, Гарри?

— Ты просто маленькая злобная дрянь, — ответил Гарри.

Она оставила экран настроенным на убегающих бимба, пока последний из них не исчез за гребнем холма, и только тогда выключила камеры и проектор, подняла со стола куклу и дала пружине раскрутиться. Когда она наконец положила игрушку, Гарри Вествуд взял ее в руки, чтобы рассмотреть получше. Его волосы, напоминавшие прежде стерню, оказались желтым пухом, не более того. Его глаза, выглядевшие, как бильярдные шары, на поверку оказались двумя крошечными бусинами. Лицо же, несмотря на свои миниатюрные размеры, выглядело не менее отталкивающе, чем раньше. Кукла была сделана из пластмассы и чем-то набита, может быть, ватой. Руки и ноги гнулись.

Он опустил куклу на стол.

— Почему отец привез сюда только тебя? — обратился он к Кэтлин. — Почему он не взял с собой твою мать?

— Он хотел, чтобы она поехала с нами, но она задрала нос и заявила, что если он собирается вложить все свои сбережения в космический корабль и рвануться обратно на Божье Благословение из-за какой-то нелепой бессмысленной авантюры, то ей придется порвать с ним прямо на месте. Ну, она так и сделала. А всем, что мой отец смог себе позволить, даже после того, как он продал все, что у нас было, в том числе и дом, оказалась вот эта старая развалина, которую в военном флоте хотели сдать в лом. Отец сказал, что это все же лучше, чем ничего. Мать добилась решения суда, чтобы я досталась ей — братьев и сестер у меня не было, может быть, поэтому она так добивалась этого, — и отец сказал, что выбор за мной — лететь с ним на Божье Благословение или оставаться с ней. Я полетела с ним, потому что в этом случае мне не надо будет ходить в школу; а когда я вернусь, я буду уже такой богатой, что никто не сможет заставить меня туда ходить. Наверное, когда обнаружилось, что я пропала, у матери случился припадок.

— Итак, — сказал Гарри, — сейчас твоя главная проблема — как переправить золото отсюда обратно на Землю так, чтобы «Новые Нидерланды» не пронюхали, что ты нашла его на их земле.

— О, уж это-то они узнают сразу же, как только ты им об этом доложишь!

— Я им даже который час не скажу, если спросят.

— Ты — не скажешь?

— Я не люблю земельных компаний. История полна ими. Взять хотя бы, к примеру, земельную компанию «Фердинанд-Изабелла», пославшую на промысел Колумба. Он не только захватил Вест-Индию, но получил и право владения местным населением. Он захватил бы и весь континент, простиравшийся дальше, если бы знал о его существовании. Ничего страшного — за ним пришли другие не менее удачливые земельные компании и доделали эту работу. Но нашим современным земельным компаниям они все и в подметки не годятся. Они проглатывают самые лучшие куски целых планет, а когда на пути оказываются аборигены, они просто выпихивают их, также как эта земельная компания собирается выпихнуть бимба, когда они там узнают, что великан им больше не мешает — а это они узнают, потому что, вернувшись в штаб-квартиру Галактического Управления, я должен буду написать отчет. Но я собираюсь написать, что никакого великана здесь не оказалось, и это все, что они от меня узнают. Как жаль, что во мне течет английская кровь, — продолжал он, — потому что, видишь ли, в космопорту Божьего Благословения меня ждет корабль, на котором мы могли бы без особых проблем тайком вывезти золото. Более того, с тем статусом, которым обладает мой корабль, нас и земная таможня не особенно одарила бы своим вниманием.

Он встал, одел рюкзак, повесил на плечо ружье и направился к двери. Дойдя до нее, он уперся в Кэтлин, загородившую дверной проем.

— Ну ладно, — сказала она. — Можешь мне помочь.

— О, как это великодушно с твоей стороны!

Она уставилась на него.

— Как я понимаю, это обойдется мне в пятьдесят тысяч стелларов золотом.

— Ну, мне же не придется делать крюк; я просто возьму тебя с собой. Разумеется, это не будет тебе ничего стоить.

— Но тебе придется помочь мне нести золото. Я одна не донесу его до космопорта.

— Я тебе помогу, но брать ничего не собираюсь.

— Но ты же сказал...

— Я сказал, что потребую с тебя выкуп только чтобы расквитаться, потому что ты меня разозлила. Но я ставлю одно условие: как только мы вернемся на Землю, ты свяжешься со своей матерью.

— Я и так собиралась.

— Тем лучше. Складывай вещи.

— А почему бы тебе сначала не попытаться починить конвертор? Если тебе это удастся, я смогла бы отправиться на Землю прямо отсюда, и тебе не пришлось бы со мной возиться.

— Раз твой отец не смог починить его, то я и подавно. Придется идти пешком. Где золото? Здесь, в корабле, или там, на холме?

— Там, на холме.

— Тогда собирайся, и мы пойдем за ним.

— Подожди — мне надо переодеться.

Она вышла из комнаты и поднялась наверх. Через пять минут она вернулась — в джинсах, рубашке из шотландки и в сапожках. Джинсы были протерты на коленях, рубашка выглядела поношенной, а сапожки были сильно стоптаны. Он понял, что, должно быть, в этой же одежде она рыла золото.

Она взяла с собой рюкзак, в который чего-то наспех накидала, а сверху положила пластмассового «великана».

— Эй, он же тебе не нужен, — сказал Гарри Вествуд. — Ты сможешь купить такого в любой лавчонке на Земле.

— Он дорог мне, как воспоминание. И потом, он совсем маленький, и для золота, будь уверен, места останется достаточно. Там его не так уж и много. Мы с отцом нашли вовсе не так много золота, как рассчитывали.

— Ну, в любом случае этого золота хватит, чтобы сделать тебя богатой.

Перед тем как выйти из корабля, Кэтлин отключила иллюзорное поле. Пройдя несколько метров, она обернулась и посмотрела на корабль.

— Отца обманули. Это просто груда железа. Непонятно, как мы вообще добрались на нем сюда.

Они принялись взбираться по склону. По дороге Кэтлин срывала цветы и собрала небольшой букет. Дойдя до могилы отца, она положила цветы на могилу. Она указала на большое дерево, похожее на дуб — оно стояло за дюжину ярдов от них:

— Золото там — ствол внутри полый.

Золото Кэтлин с отцом упаковали в кожаные мешочки, похожие на те, которые носили старатели, бродившие когда-то по горам со своими осликами. Мешочков было одиннадцать. Восемь из них он положил в рюкзак, предварительно вытряхнув его содержимое на землю, а потом с трудом запихнул все обратно. Снова надев рюкзак, он почувствовал себя, как тот Ужасный Турок.

Кэтлин подошла и положила три оставшихся мешочка в свой рюкзак.

— Гарри, я могу унести и больше!

— Ничего ты не можешь, потому что я тебе не дам.

— Черт! — вспыхнула она. — Ты так же туп, как и мой отец. Если бы он дал мне нести больше золота, он был бы все еще жив.

Кэтлин вернулась к могиле и долго стояла над ней; он видел, что она плачет. Наконец она сказала:

— Ну ладно, Гарри, пойдем.

И они начали спуск по склону Ксанаду.

Спустившись в долину, они все еще старались держаться в лесу. Солнце стремительно приближалось к зениту. Он спросил Кэтлин, не хочет ли она остановиться и перекусить, но та отказалась.

Лучше бы она согласилась — не потому что ему хотелось есть, просто рюкзак был очень тяжелый. Но лишь когда в лесу стало уже почти совсем темно, только тогда ее ноги начали заплетаться. Все это время он нес ружье в правой руке, но они так и не встретили никаких признаков бимба.

— Мы разобьем лагерь или будем идти всю ночь, пока не дойдем до космопорта? — спросила она.

— А как ты думаешь?

— Я... Я думаю, нам лучше разбить лагерь.

— Там, впереди, деревня туземцев, сначала надо ее миновать.

Переходя через ручей, они промочили ноги. Вествуд осторожно разглядывал деревню через листву. Кэтлин тоже. Было слишком темно, и голов, висящих над воротами, уже не было видно. От вчерашнего тарарама остались одни воспоминания; тем не менее вся деревня гудела. То тут, то там виднелись десятки костров. Вне всякого сомнения, доблестные воины, отважившиеся бросить вызов Фифайфофаму, были уже

основательно загружены местным пивом и занимались описанием великана в самых ужасных тонах. К утру он станет раза в два больше и страшнее, и раза в три свирепее, чем непосредственно во время их встречи с ним.

Миновав деревню, Гарри еще на милю углубился в лес, освещая дорогу фонариком, который ему удалось высвободить из рюкзака, пока наконец они не вышли на поляну. С глухим стуком он сбросил рюкзак на землю. Кэтлин не стала снимать свой. Вествуд достал надувную палатку, вставил баллон со сжатым газом и надул ее. Потом он достал две термоупаковки и две вакуумных упаковки кофе, протянул Кэтлин по одной и опустил на землю.

Девочка продолжала стоять.

— Гарри, а как же очаг — разве ты не собираешься его зажечь?

— В лесу могут быть бимба.

— Так мы что, будем просто сидеть здесь и есть в темноте?

— Точно.

— Да я поспорить готова, что все бимба на сегодня натерпелись столько страху, что они носа из своей деревни не высунут!

— Кэти, но нам же не нужен огонь.

— Нет, нужен. У меня промокли ноги, и у тебя тоже.

Он понимал, что огонь был ей нужен только чтобы побороть страх, ведь, несмотря на всю свою бравладу, она все еще оставалась ребенком. Однако, какой бы ни была эта причина, продолжать спор было бесполезно. Вествуд достал очаг из рюкзака, поставил на землю и включил его. Кэтлин уселась рядом с ним. Он включил горелки на полную мощность, и они сняли носки и ботинки и положили у огня.

Закончив есть, Кэтлин вдруг ни с того ни с сего спросила:

— Гарри, а ты женат?

— Нет, конечно.

— Тогда у тебя должна быть подружка.

— Ну, типа того.

— Она ирландка?

— Нет. Ты — первая ирландка, которую я встречаю.

— Да, я — та еще ирландка.

Он внимательно посмотрел на нее.

— Ну, я бы так не сказал. Ты напоминаешь мне одну ирландку, о которой я однажды прочел в книге.

— Правда?

— Это было собрание древнего эпоса. Та поэма, в которой говорилось о прекрасной ирландке, называлась «Разорение постоянного двора Да Дерга». Когда король Эохаид Фейдлех увидел ее на зеленом лугу Бри Лэйт, он был поражен: «Голову ее украшали две огромных косы, заплетенные из четырех прядей цвета ириса летом, или красного золота, отполированного до блеска. Белыми, как свежавыпавший снег, были руки ее, а прекрасные щеки — красными, как цветок наперстянки. Темными, как панцирь жука-оленья были брови ее. Как жемчуг были зубы ее, а глаза — голубые, как гиацинты. Рябиново-алыми были ее губы. Плечи ее были прямыми, гладкими и нежно-белыми». «Ты желанна в доме моем, — сказал ей король Эохаид Фейдлех. — Я оставлю любую ради тебя, и с тобой одной проживу я столь долго, сколько ты пожелаешь».

— И я напоминаю тебе ее?

— Точно. — Гарри Вествуд зажег сигарету. — Ее звали Этэйн.

- Шутишь, Гарри.
- И не думал.
- И они поженились?
- Сначала он подарил ей двадцать одну корову.
- Двадцать одну корову?
- Это выкуп за невесту. Я думаю, они неплохо зажили, хотя в книге

об этом ничего не сказано. Когда он умер, у него осталась дочь, которую тоже называли Этэйн, в честь матери. Она вышла замуж за Кормака, короля Улэйди. У них родилась дочь, а сыновей не было, и тогда Кормак выгнал ее, а позже женился на ней снова и заявил, что его дочь должна быть убита. Повинуясь его приказу, два раба привели ее к обрыву, чтобы сбросить вниз, но тут она улыбнулась им такой чарующей улыбкой, что они не смогли выполнить приказ, а вместо этого отвели ее к стаду коров на одном из пастбищ Этирскела и вырастили ее там, и она выросла великолепной вышивальщицей, и не было никого во всей Ирландии достойнее ее.

- Чушь какая! Какая глупая книга!
- Там кровь на каждой странице.
- А зачем ты стал ее читать? Ты же не ирландец.
- Совсем не обязательно быть ирландцем, чтобы читать книгу об Ирландии.

- Ты ничего не слышишь, Гарри? Какой-то шорох?
- Может, какой-нибудь зверек?
- Вот! Я опять его слышу!

Теперь он тоже услышал шорох. Ему показалось, что Шуршит сзади него, но, оглянувшись, он увидел только тени — свою и Кэтлин, рюкзаки и палатку.

- Не о чем беспокоиться, — сказал он.
- Она тоже оглянулась.
- Мы оба будем спать в палатке, Гарри?
- Нет, только ты. У меня в рюкзаке есть одеяло, и я буду спать здесь.
- Ты замерзнешь.
- Не замерзну, — он вынул сигарету изо рта. — Кэти, а почему бы тебе, собственно, не пойти спать, ты же наверняка устала.

В первый раз она не стала спорить, а просто подняла с земли носки и ботинки. Он надел свои. Вдруг она раскрыла рот в изумлении и застыла, глядя через костер. Там стоял Фифайфо-фам, во весь свой десятидюймовый рост, глядя на них через костер с жадной кровью в своих крошечных глазках.

— Гарри, смотри, он выбрался из моего рюкзака! Но как же? Я же спустила пружину... — И тут она вскрикнула: — Гарри, да он же живой!

Он уже схватил свой Фолц-хедир. Вскочил на ноги. Но целиться было некогда; вместо этого он ударил Фифайфофама ружьем, как бейсбольной битой, когда тот прыгнул на него через огонь, и отшвырнул гомункулуса в темноту.

- Кэти, ради Бога, одевай скорее свои ботинки! — крикнул он.

Медленно отходя от огня, он водил лучом фонарика по опавшей листве в поисках упавшего гомункулуса. Кэтлин, натянув ботинки на босу ногу, стояла к нему так близко, что он отчетливо слышал ее дыхание.

Не обнаружив следов гомункулуса, он сказал:

- Наверное, он убежал.

— Как он мог ожить, Гарри? Это же просто игрушка, которую мой отец купил в магазине, сделанная из пластмассы, набитая ватой и заводящаяся пружиной!

— Это то, чем он был. А теперь он из плоти и крови. Самозарождающиеся страшилища — это продукт коллективного воображения примитивных людей вроде бимба. Они создают великанов, троллей, драконов и существ такого рода, и их коллективная вера в существование этих чудовищ приводит к тому, что они действительно появляются. До этого у нас была голограмма вместо чудовища, и до сегодняшнего дня большинство бимба до конца не верили в существование великана. Но сегодня его видела почти что тысячная толпа, и все были так потрясены этим, что сейчас это, наверно, единственная тема для разговоров во всех деревнях долины; воины, принимавшие участие в походе, не устают описывать его во всех подробностях, и чем больше они напиваются, тем больше и сильнее становится Фифайфофам. Но само воплощенное страшилище не становится больше; оно становится только сильнее, потому что коллективная вера бимба вызвала к жизни не голограмму, а ее прототипа, у которого было хотя бы тело, с которого можно бы было начать. Я должен был предугадать такое развитие событий, я должен был подготовиться... У меня мелькнуло было предположение, но...

— Вот он, Гарри! Осторожно, он кидается на тебя!

Гомункулус темным пятном пронесся в луче фонаря по опавшей листве и с быстротой молнии набросился на Вествуда. Обхватив руками его правую ногу, Фифайфофам впился зубами в ботинок. Зубы не достали до кожи всего лишь какой-нибудь миллиметр.

Он настолько сильно сжал Вествуду щиколотку, что пережал ему бедренную артерию, и нога начала неметь.

Вествуд протянул фонарик Кэтлин.

— Отойди и свети сюда.

Так она и сделала. На этот раз он воспользовался прикладом ружья, схватив его за ствол и резко ударив от плеча. Плоская часть приклада сплющила Фифайфофама, оторвав его от ноги Гарри, и тот снова кувыркком отлетел в темноту.

Кэтлин тут же поймала его в луч фонаря. Он вскочил на ноги и выплюнул кусок ботинка Гарри, застрявший у него в зубах. Удар, который должен был бы переломать ему все кости, казалось, не причинил никакого вреда.

Гарри встревожился. Одно дело — убить великана величиной с секвойю, а совсем другое — когда тот чуть больше мыши.

Раньше чем он успел выстрелить в гомункулуса, тот атаковал вновь. На этот раз он прыгнул на Кэтлин. Его личико было искажено чудовищной ненавистью ко всему живому. Это тоже было дело рук, вернее воображения, бимба. Они приняли за истину ту ненависть, которая была изображена на лице голограммы, и сделали убийство смыслом жизни своего страшилища.

Гарри Вествуду было ясно, что Фифайфофам прыгнул на Кэтлин из-за того, что в свете фонаря в ее руке она казалась более привлекательной мишенью. Видимо, она понимала это с самого начала, потому что она держала фонарь не впереди себя, а сбоку, и когда он прыгнул, ей оставалось только отдернуть руку.

Тут же гомункулус вновь оказался в луче света. Но Гарри уже не пытался стрелять; вместо этого он отбросил ружье и схватил фонарик.

Держа его перед собой в левой руке, он дождался, пока Фифайфофам прыгнет, и тогда схватил гомункулуса правой.

Тот скорчился, напрягая все мышцы своего тела, но так и не смог высвободиться. Тогда его лицо исказилось яростью, и он принялся вырывать зубами куски мяса из руки Вествуда.

— Брось его, Гарри! — закричала Кэтлин. — Брось его — он же тебе руку в клочья разорвет!

Вествуд мотнул головой. Он знал, что ему делать. Он понял это почти сразу. Подошел к огню, присел на одно колено и сунул гомункулуса в огонь.

Тот закричал. Его крик напоминал писк испуганной мыши.

Кэтлин тоже закричала:

— Гарри, твоя рука горит!

Он не возражал. Пусть горит рука.

Пусть горит Фифайфофам.

Гомункулус размахивал руками и пинался — пока ему было чем размахивать и пинаться. Он продолжал кричать — пока его лицо не почернело в огне. Поляна наполнилась запахом горящего мяса.

Рука Гарри оставалась в дыму, пока от нее не остался только стальной остов и переплетение проводов.

Наконец он вынул то, что осталось от гомункулуса из огня, и бросил мелкие кости на землю. Кэтлин рыдала. Он поднялся на ноги и шагнул к ней. Она старалась не смотреть на него.

— Кэти, это был протез. Мою настоящую руку откусила людоедка.

Но Кэтлин продолжала плакать. Ему показалось, что она плачет по Фифайфофаму. Девочки часто привязываются к своим игрушкам, а она была всего лишь маленькой девочкой.

Наконец она немного успокоилась.

— Я хочу домой, Гарри, — сказала она. — Пошли прямо сейчас. Я не хочу спать в лесу. Я ненавижу это ужасное место!

Вествуду тоже не терпелось убраться отсюда. Они собрали палатку, уложили рюкзаки и отправились в путь.

У матери Кэтлин были такие же золотые волосы, как и у Кэти, или, наверное, надо было сказать, что это у Кэти были такие же золотые волосы, как у матери. Она была высокой, худой и очень привлекательной, но в ее голубых глазах читалось, что мало что в этом мире может заслужить ее симпатию.

Увидев Кэтлин, она заплакала, и они обнялись, и сомнения Гарри Вествуда улетучились, как осенний ветерок.

Он уже отослал свой отчет в Галактическое Управление. Он сдержал свое обещание и сообщил только то, что никакого великана не оказалось, ни единым словом не упомянув о золоте.

Да и в любом случае вряд ли он мог рассчитывать на награду за победу над великаном десяти дюймов росту.

Тем не менее его мучила досада за то, что он проделал такой путь на Божье Благословение и обратно почти что задаром.

Он вынес рюкзак Кэтлин из своей комнаты, попросил ее мать открыть багажник машины и положил рюкзак туда. Машина осела.

Кэтлин сказала ему, что она ни словом не заикнулась про золото, когда звонила матери вчера вечером, потому что она не решилась, потому что это была контрабанда. Но она рассказала матери, что он привез ее

домой на своем корабле. Поэтому ему казалось, что он заслуживает хотя бы простого человеческого «спасибо». Но этого он так и не дождался. Вместо этого мать Кэтлин покосилась на его перевязанную руку и ничего не сказала.

Наверное, Кэтлин сообщила ей, что в его жилах течет английская кровь.

Женщина села за руль, он закрыл багажник. Кэтлин чуть замешкалась у двери с другой стороны. Не особенно разговорчивая по дороге назад, тут она вообще молчала весь день. Послеполуденный ветер трепал подол ее поношенного белого платья, и ее волосы были одного цвета с падающими красно-золотистыми листьями.

— Гарри? — сказала она.

Он подошел к ней, почти ожидая от нее чего-то на прощание.

— Я... Мне кажется, что я должна поблагодарить тебя за то, что ты привез меня домой, — сказала она.

Гарри тоже так казалось.

— Пожалуйста, — сказал он.

Она начала садиться в машину, затем остановилась и посмотрела на него.

— Гарри, знаешь, чего я хочу? Я хочу быть лет на восемь постарше, и чтобы это ты мне подарил двадцать одну корову.

Он долго не мог ничего сказать, а затем произнес:

— Ну, если бы лет на восемь постарше, я бы так и сделал — если ты, конечно, тогда не станешь возражать.

— О, Гарри, конечно, не стану! Нет, нет ни за что!

В ее гиацинтовых глазах появились две жемчужных росинки и сбежали по щекам. Она вскочила, обхватила его шею руками и поцеловала. Потом она забралась на переднее сиденье рядом со своей матерью, и машина тронулась.

И только когда они были уже далеко, открыв холодильник, чтобы достать себе банку пива, он обнаружил там два мешочка золота.

ИНВАРИАНТ

Алексис де Токвиль
(1805 — 1859)

ДЕМОКРАТИЯ В АМЕРИКЕ

Продолжаем публикацию глав книги А. де Токвиля, находящейся в центре дискуссий в современной Америке. Предыдущие главы:

Предисловие к журнальной публикации. Введение. Гл. I. Внешние очертания Северной Америки. — № 4, 1994; Гл. II. Происхождение англоамериканцев и как оно сказалось на их будущем. — № 5, 1994; Гл. III. Общественный строй англо-американцев. Гл. IV. О принципе народовластия в Америке. — № 6, 1994; Гл. V. Необходимость изучить происходящее в отдельных штатах, прежде чем перейти к описанию управления всем Союзом. — № 1-2, 1995; Гл. VI. Судебная власть в Соединенных Штатах и ее влияние на политическое устройство общества; Гл. VII. О политической юстиции в Соединенных Штатах. — № 3, 1995; Гл. VIII. О федеральной конституции. — № 4, 5-6, 1995; Ч. 2. Гл. I. На чем основывается утверждение, что в Соединенных Штатах страной управляет народ. Гл. II. О партиях в Соединенных Штатах. Гл. III. О свободе печати в Соединенных Штатах. Гл. IV. О политических объединениях в Соединенных Штатах. — № 1-2, 1996; Гл. V. О демократическом правительстве в Америке. — № 3-4, 1996.

Публикуется по изданию:

Алексис де Токвиль. Демократия в Америке.

М. Прогресс, 1992.

Перевела Ирина Малахова

Глава V (продолжение)

КАКИМ ОБРАЗОМ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО АМЕРИКИ УСТАНАВЛИВАЕТ ЖАЛОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЧИНОВНИКАМ

В демократических странах те, кто устанавливает высокое жалование, сами не могут воспользоваться им. — Тенденция к повышению жалования второстепенным государственным служащим и понижению его высшим государственным чиновникам. — Почему так происходит. — Сравнительная таблица жалования, получаемого государственными служащими в Соединенных Штатах и во Франции.

Есть серьезная причина, вынуждающая демократические правительства, как правило, экономить на государственных служащих.

В демократических странах те, кто утверждает уровень заработной платы, весьма многочисленны, и поэтому у них мало шансов когда бы то ни было самим ее получать.

При аристократическом правлении, напротив, те, кто утверждает высокую заработную плату, всегда смутно надеются воспользоваться плодами этого. Дело в том, что таким образом они создают себе капиталы или по крайней мере готовят источники доходов для своих детей.

Впрочем, нужно признать, что демократическое правительство столь скупое ведет себя только по отношению к высшим государственным деятелям.

В Америке, например, второстепенные служащие имеют значительно более высокую заработную плату, чем государственные чиновники высокого ранга.

Одна и та же причина породила противоположные следствия. В обоих случаях народ устанавливает заработную плату государственным служащим, при этом он размышляет о своих собственных нуждах, сравнивает, и это сравнение приводит его к определенному решению. Поскольку сам народ живет в полном достатке, то он считает совершенно естественным, чтобы и те, чьи услуги он пользуется, тоже жили бы в довольстве¹². Когда же очередь доходит до установления жалованья высшим государственным чиновникам, то тут он как бы теряется, его обычный подход не срабатывает, и он действует наугад.

Бедный не задумывается над тем, какие потребности могут быть у высших классов общества. То, что для богатого всего лишь скромная сумма, бедному, который вполне удовлетворяется необходимым, она покажется огромной; и он считает, что правитель штата, имея свои две тысячи экю, должен чувствовать себя счастливым и даже вызывать зависть.

Ну а если вы станете ему объяснять, что официальный представитель столь великой нации должен быть окружен определенным величием в глазах иностранцев, он вас поймет, но только в момент объяснения. Вернувшись же мысленно к своему простому жилищу и скромным плодам своего труда, он тотчас прикинет, что он сам мог бы сделать, имея он такие деньги, которые вы считаете недостаточными, и в миг поразится и даже испугается, лишь представив себе эти богатства.

Прибавьте к этому, что второстепенный государственный чиновник близок к народу, он почти на его уровне, тогда как высшие государственные деятели — высоко, они над ним. И если первый еще может внушать ему симпатию, то уж другие, высокого ранга, начинают вызывать у него зависть.

Это очень хорошо видно на примере Соединенных Штатов, где по мере повышения ранга государственного чиновника его жалованье в определенном смысле уменьшается¹³.

12 Обеспеченность второстепенных государственных чиновников в Соединенных Штатах связана еще и с другой причиной, не вписывающейся в основные черты демократии: любая частная карьера высоко оплачивается, государство не найдет для своих служб второстепенных чиновников, если не согласится им хорошо платить. Оно оказывается в положении коммерческого предприятия, вынужденного, независимо от своих экономических пристрастий, поддерживать обременительную конкуренцию.

13 Чтобы представить себе это наглядно, достаточно проанализировать денежное содержание некоторых должностных лиц федерального правительства.

Я счел также необходимым представить таблицу оплаты труда чиновников, выполняющих аналогичные функции во Франции, дабы читатель, проведя сравнение, мог получить правильное представление об этом.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

Министерство финансов (финансовый департамент)

Технический служащий (курьер) 3 734 фр.

Служащий, наименее оплачиваемый 5 420

Служащий, наиболее оплачиваемый 8 672

Генеральный секретарь (управляющий) 10 840

Министр (государственный секретарь) 32 520

Глава правительства (президент) 135 000

ФРАНЦИЯ

Министерство финансов

Технический служащий при министре 1 500 фр.

Служащий, наименее оплачиваемый от 1 000 до 1 800

Служащий, наиболее оплачиваемый от 3 200 до 3 600

При правлении аристократии все как раз наоборот: крупные чиновники получают очень большое жалование, тогда как у мелких порой едва есть на что жить. Все это легко объяснить причинами, аналогичными тем, которые указывались выше.

Если демократия не может постичь удовольствий богатого человека или завидует им, то и аристократия в свою очередь не понимает нужд бедного человека или, точнее, не знает о них. Бедный человек в буквальном смысле слова не похож на богатого человека, это как бы существо иного порядка. Аристократия не очень озабочена судьбой своих подчиненных из низших слоев общества. Она повышает им жалование только в случае отказа обслуживать ее за очень низкую плату.

Демократическому правительству приписываются большие экономические способности, которых у него нет. А происходит это из-за тенденции, связанной с демократическим правлением: экономить на содержании высших государственных деятелей.

Действительно, демократия дает тем, кто управляет государством, такое жалование, на которое едва можно честно жить, и вместе с тем расходуются огромные суммы на удовлетворение нужд народа и на организацию народных гуляний¹⁴. Это — лучшее использование дохода от налога, но не экономия.

Вообще говоря, демократическое правление мало дает правителям и много тем, кем правят. Совсем противоположное мы наблюдаем при аристократах, когда государственные деньги приносят пользу в основном тому классу, который правит.

ТРУДНОСТИ, СВЯЗАННЫЕ С ОПРЕДЕЛЕНИЕМ ПРИЧИН, СКЛОНЯЮЩИХ АМЕРИКАНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО К ЭКОНОМИИ

Серьезные ошибки ожидают того, кто пытается, основываясь на фактах, определить реальное воздействие, оказываемое законами на судьбу человечества, ибо нет ничего труднее, чем оценить факт.

Один народ — от природы легкомысленный и восторженный, другой — склонный к размышлениям и расчетливый. Это зависит от физической конституции людей или от иных причин, уходящих в далекое прошлое,

Генеральный секретарь 20 000

Министр 80 000

Глава правительства (король) 12 000 000

Возможно, я не прав, беря для сравнения Францию. Во Франции демократические настроения с каждым днем все больше проникают в правительство, в связи с чем уже заметна появляющаяся в парламенте тенденция повышать жалование малооплачиваемым и в особенности — понижать высокооплачиваемым. Так, министр финансов, который в 1834 году получает 80 000 франков, во времена Империи получал 160 000; генеральные директора, управляющие финансами, получающие 20 000, получали в то время 50 000.

14 Обратите внимание, сколько в американском бюджете отводится на содержание неимущих и на бесплатное образование.

В 1831 году в штате Нью-Йорк на содержание неимущих было израсходовано 1 290 000 франков. А сумма, выделяемая на народное образование, доходит по меньшей мере до 5 420 000 франков (*Уильямс. Ежегодный справочник по Нью-Йорку, 1832, с 205, 243*).

Штат Нью-Йорк насчитывал в 1830 году всего 1 900 000 жителей, это меньше половины по сравнению с количеством жителей Северного департамента.

которые мне неизвестны.

Есть народы, любящие представления, зрелища, шум, веселье, они не будут сожалеть о миллионе, выброшенном на ветер.

Но есть другие народы, предпочитающие развлечения в уединенном месте, они стыдятся открытой радости.

В некоторых странах очень ценят красоту зданий. А в других не видят ни малейшей ценности в предметах искусства, презирая все, что не дает никакого дохода. Наконец, в одних странах предпочитают доброе имя, известность, в других же прежде всего ценятся деньги.

Вне зависимости от законов все эти причины очень мощно действуют на управление государственными финансами.

Если американским властям никогда не приходилось расходовать деньги народа на народные праздники, то это не столько потому, что в этой стране народ утверждает налог, сколько потому, что народ здесь не любит веселиться.

Если американцы отказываются от украшений в архитектуре своих зданий и ценят только расчет и материальные преимущества, то это не столько потому, что они представляют демократическую нацию, сколько потому, что это народ-коммерсант.

Привычки, сложившиеся в частной жизни, находят свое отражение в жизни общественной. И поэтому в американском обществе нужно различать экономию, зависящую от государственных учреждений, и экономию, заложенную в привычках и нравах.

МОЖНО ЛИ СРАВНИВАТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РАСХОДЫ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ И ВО ФРАНЦИИ

Чтобы оценить размеры государственных расходов, нужно установить, каковы национальные богатства и налог в стране. — Богатство и расходы Франции точно неизвестны. — Причины, мешающие узнать, каковы богатство и расходы Союза. — Исследования, предпринятые автором, чтобы узнать общую сумму налогов в Пенсильвании. — Общие признаки, позволяющие определить размеры расходов того или иного народа. — Каков результат этого исследования для Союза.

В последнее время у нас большое внимание уделяется сравнению государственных расходов в Соединенных Штатах и во Франции. Все предпринятые труды в этом направлении результатов не дали, и, я думаю, не следует тратить много слов на то, чтобы доказать, что так и должно было быть.

Чтобы иметь возможность оценить размеры государственных расходов какого-нибудь народа, необходимо выяснить два момента: прежде всего узнать, каковы богатства этого народа, а затем — какую часть этих богатств он выделяет на государственные расходы. Тот, кто определил бы общую сумму налогов, не обнаружив, какое количество средств должно их покрывать, проделал бы бесполезную работу, так как интересно знать не расходы как таковые, а отношение расходов к прибыли.

Один и тот же налог по-разному переносится богатым и бедным

налогоплательщиками: он может не затрагивать серьезно финансовых интересов богатого, а бедного может довести до нищеты.

Национальные богатства включают в себя ряд компонентов: первое — это земля и ее сокровища, второе — это все блага, созданные народом. Сложно определить площадь, природную или приобретенную ценность плодородных земель, принадлежащих той или иной нации. Еще сложнее оценить те блага, те сокровища, которые созданы самой нацией. Они так разнообразны, и число их так значительно, что любые попытки провести исследование и постараться определить ценность накопленных богатств, как правило, ни к чему не приводят. Поэтому мы видим, что даже те европейские нации, которые прошли длительный путь цивилизации и во главе которых стоит централизованное правительство, до сих пор не установили точно состояние своих национальных богатств.

А в Америке и идея-то такая не появлялась. И могло ли быть иначе в этой новой стране? Могла ли она добиться успеха в этом направлении, если общество еще не стабилизировалось, не определилось, а правительство, в отличие от нашего, не располагает множеством подчиненных, которыми оно могло бы распоряжаться и чью деятельность могло бы координировать; если, наконец, в этой стране отсутствует статистика, поскольку здесь вы не встретите человека, который был бы способен собрать документы и имел бы время их просмотреть?

Таким образом, нет возможности получить необходимые составляющие для проведения нужных подсчетов. Мы не можем сравнивать достояние Франции и Союза, ибо богатства Франции еще не известны, а в Союзе еще не выработаны способы их определения.

Однако я готов на данном этапе отбросить необходимый член сравнения, то есть я отказываюсь от информации, касающейся отношения налога к доходу, и ограничусь установлением величины самого налога. Читатель должен будет признать, что, сократив круг моих изысканий, я не облегчил своей задачи. Я уверен, что французское правительство, подключив к работе всех своих чиновников, не сможет установить точную сумму всех прямых и косвенных налогов, лежащих бременем на французских гражданах. Частное лицо не может проделать такую работу, а французское правительство, которое взялось за нее, не довело ее до конца, точнее, не опубликовало ее результатов. Мы знаем, каковы расходы центрального правительства, нам известна сумма расходов по департаментам; мы не знаем, что происходит в коммунах, никто, следовательно, сегодня не может сказать, какой суммы достигают во Франции государственные расходы.

Теперь обратимся к Америке. Предвижу, что трудностей здесь еще больше и их еще труднее преодолеть. Союз предоставит мне точную информацию об общей сумме своих расходов; я могу получить информацию о бюджетах каждого из двадцати четырех штатов Союза, но кто даст мне сведения о том, каковы расходы граждан на управление каждого округа и каждой общины?¹⁵

15 У американцев, как известно, существует четыре вида бюджета: у Союза свой бюджет; штаты, округа и общины также имеют свои бюджеты. Находясь в Америке, я проделал большую работу, чтобы узнать, какова общая сумма государственных расходов в общинах и округах основных штатов Союза. Я легко получил сведения о бюджетах самых крупных общин, но мне не удалось узнать, каков бюджет маленьких общин. Это не позволило мне составить точное представление о расходах всех общин, вместе взятых. Что касается расходов в округах, то у меня есть документы, правда неполные, которые,

Федеральная власть не простирается так далеко, чтобы обязать провинциальные власти просветить нас в этой области. А местная администрация захочет ли сама по себе оказать нам содействие, да еще одновременно во всех округах, общинах? Я сомневаюсь, что они будут в состоянии удовлетворить наш запрос. Не говоря уже о том, что в самом мероприятии заложены трудности, политическая организация страны также воспротивится тому, чтобы усилия местных властей увенчались успехом. Должностные лица в общинах и округах не назначаются центральным правительством, а поэтому не зависят от него. Можно предположить, что если бы высшее государственное правление захотело получить те же сведения, что необходимы нам, оно бы столкнулось с большими препятствиями, причина коих кроется в небрежности исполнения своих обязанностей подчиненными, чьими услугами оно вынуждено было бы воспользоваться.

Бесполезно, впрочем, стремиться определить, что могли бы сделать американцы в данной области, так как совершенно ясно, что до настоящего времени они ничего не сделали.

И сегодня ни в Америке, ни в Европе не найдется ни одного человека, который бы ответил на вопрос, сколько же платит ежегодно каждый гражданин Союза, чтобы покрыть государственные расходы¹⁶.

возможно, удовлетворят интерес читателей к этому вопросу. Их наличием у меня я обязан любезности господина Ричардса, бывшего мэра Филадельфии. Это бюджеты тринадцати округов Пенсильвании на 1830 год: Либанона, Центра, Франклина, Лафайета, Монтгомери, Люцерна, Дофина, Батлера, Аллегана, Колумбии, Нортумберленда, Нортхэмптона, Филадельфии. В 1830 году число их жителей доходило до 495 207 человек. Если взглянуть на карту Пенсильвании, то можно увидеть, что эти тринадцать округов разбросаны по всей территории и подвержены всему, что может влиять на состояние страны, и до такой степени, что невозможно сказать, почему именно не удастся получить точного представления о финансовом состоянии округов Пенсильвании. Итак, эти самые округа израсходовали за 1830 год 1 800 221 франк, то есть 3 франка 64 сентима на одного жителя. Я подсчитал, что каждый из этих жителей в течение 1830 года отдал на нужды федерального союза 12 франков 70 сантимов и 3 франка 80 сантимов — на нужды Пенсильвании, из чего следует, что за 1830 год каждый из этих граждан отдал обществу, чтобы покрыть государственные расходы (за исключением общинных расходов), 20 франков 14 сантимов. Этот результат весьма неполный, как мы видим, так как он охватывает только один год и только часть государственных налогов, но его можно считать достоверным.

16 Те, кто хотел провести параллель между государственными расходами американцев и французов, сразу почувствовали, что невозможно сравнивать общую сумму государственных расходов Союза; они попытались сравнить отдельные части этих расходов. Легко доказать, что этот второй способ действия не менее порочен, чем первый.

С чем, к примеру, стану я сравнивать национальный бюджет Франции? С бюджетом Союза? Но Союз занимается гораздо меньшим количеством проблем, чем французское правительство, и его расходы должны быть, естественно, намного меньше. Сравнить бюджеты наших департаментов с бюджетами отдельных штатов, из которых состоит Союз? Но, как правило, администрация в штатах занимается более важными и более многочисленными вопросами в сравнении с администрацией французских департаментов; их расходы, следовательно, более значительны. Если взять бюджеты округов, то в финансовой системе Франции мы не найдем ничего похожего. Может быть, включить эти средства в бюджет государства или коммун? Общинные расходы существуют в обеих странах, но они не всегда аналогичны. В Америке община занимается очень многими из тех проблем, которые коммуна во Франции передает департаменту или государству. Что же все-таки следует понимать под общинными расходами в Америке? В каждом штате община организована по-своему. Что взять в качестве примера — то, что происходит в Новой Англии или в Джорджии, в

В заключение отмечу, что сравнивать государственные расходы американцев с расходами французов так же трудно, как сравнивать богатства Союза и богатства Франции. К этому добавим, что даже пытаться это делать опасно. Когда основой статистики не являются точные и строгие расчеты, она не направляет ваше исследование, а вводит вас в заблуждение. Ваш мозг легко попадает на удочку чисто внешней точности, которую статистика сохраняет даже в отступлениях и не колеблясь отдает себя во власть ошибок, облаченных в правильные математические формы.

Оставим цифры в стороне и постараемся решить задачу иначе.

Производит ли страна впечатление процветающей державы; после выплаты налогов государству остается ли у бедного достаточно средств для жизни и сохраняет ли богатый те излишки, которые и делают его богатым; и тот и другой производят ли впечатление людей, довольных судьбой; стремятся ли они постоянно улучшать свою жизнь, одновременно заботясь о том, чтобы промышленность не знала недостатка в капиталовложениях для своего развития и чтобы было куда вкладывать капиталы, — ответы на эти вопросы и есть те характеристики, к которым при отсутствии нужных документов можно прибегнуть, дабы узнать, в каком соотношении находятся государственные расходы, оплачиваемые народом, со средствами, которыми народ владеет.

Исследователь, прибегнувший к этим свидетельствам, без сомнения, сделает вывод, что житель Соединенных Штатов отдает государству значительно меньшую часть своего дохода, чем француз.

Пенсильвании или в штате Иллинойс?

Нетрудно отметить какое-то сходство между некоторыми бюджетами двух стран; однако поскольку составляющие их части всегда так или иначе различаются между собой, то никто не смог бы провести между ними серьезное сравнение.

Допустим, станет известна точная сумма, которую каждый гражданин Франции или Америки вкладывает в государственную казну, — это будет только часть правды.

Правительства требуют от налогоплательщиков не только денег, но и их личных усилий, которые тоже можно оценить в деньгах. Государство нанимает армию; помимо того, что на солдата идут в виде жалованья деньги, которые вносит народ, солдат еще отдает свое личное время, оценить которое можно в зависимости от того, как он его использовал бы, будучи не в армии. То же самое нужно сказать и об ополчении. Тот, кто состоит в ополчении, посвящает защите государства свое драгоценное время, реально отдает государству то, чего сам приобрести не может. Я привел эти примеры и мог бы привести множество других. Правительства Франции и Америки взимают с населения налоги, которые ложатся бременем на плечи граждан. Но кто при этом может с точностью определить общую сумму налогов в обеих странах?

Иная трудность останавливает, когда появляется желание сравнить государственные расходы Союза и Франции. Во Франции государство берет на себя ряд обязательств, которые в Америке им отклоняются, и наоборот. Французское правительство платит духовенству, американское правительство эту заботу предоставляет верующим. В Америке государство берет на себя заботу о бедных, во Франции этим занимаются благотворительные организации. Франция дает своим государственным чиновникам постоянное содержание, Америка позволяет им делать некоторые сборы. Во Франции лишь небольшое количество дорог облагается местным налогом, в Соединенных Штатах почти на всех дорогах требуют плату. Французские дороги открыты для путешественников, которые бесплатно разъезжают по ним, в Соединенных Штатах многие дороги перекрыты. Все эти различия, относящиеся к способу участия налогоплательщика в покрытии государственных расходов, очень затрудняют сравнение между этими двумя странами. Есть расходы, которых с точки зрения граждан делать не следовало бы или их следовало уменьшить, и так бы оно и было, если б государство в самом деле действовало во имя граждан.

А разве может быть иначе?

Долг, который еще не выплатила Франция, — это результат двух военных вторжений. Союзу же нечего опасаться. Положение Франции обязывает ее постоянно иметь под ружьем довольно многочисленную армию. Изолированное положение Союза позволяет ему иметь не более 6 тысяч солдат. У Франции около 300 кораблей, а у американцев их всего 52. Так как же могут житель Союза и житель Франции платить своему государству одинаково?

И не стоит проводить параллелей между финансами этих двух таких разных стран.

Только изучив все, что происходит в Союзе, а не сравнивая Союз с Францией, мы можем вынести суждение, действительно ли американская демократия умеет экономно расходовать средства.

Я присматриваюсь к каждой из столь несхожих между собой республик, составляющих Союз, и делаю для себя открытие: оказывается, с одной стороны, их правительство часто непостоянно в своих замыслах, с другой — со стороны правительства отсутствует регулярный контроль за исполнением его указаний подчиненными. Из всего этого, естественно, я делаю вывод, что такое правительство часто расходует бесполезно деньги своих налогоплательщиков или вкладывает в предприятия средств больше, чем необходимо.

Я вижу, что, верное своему народному происхождению, правительство делает колоссальные усилия, чтобы удовлетворить запросы низших классов общества, открыть им дорогу к власти, повысить уровень их благосостояния и образования. Оно поддерживает бедных, ежегодно выделяет миллионы на школы, оказывает разнообразную денежную помощь, щедро платит даже самым мелким служащим. Подобный способ правления мне кажется и полезным, и разумным, но нельзя не признать, что он разорителен.

Я представляю себе бедного человека, управляющего государственными делами и финансами, и мне трудно поверить, что, распоряжаясь государственными расходами, он не вовлечет государство в новые.

Итак, не прибегая к цифрам, которые могут не совсем соответствовать реальности, и не проводя рискованных сравнений, я тем не менее могу сделать вывод: демократическое правительство Америки нельзя назвать дешевым, как это порою утверждается. Более того, я предполагаю, что серьезные трудности однажды лягут на плечи народов Соединенных Штатов, налоги там достигнут того же уровня, что и в европейских странах с монархическим режимом или с аристократическим правлением.

О КОРРУПЦИИ И ПОРОКАХ ПРАВИТЕЛЕЙ ПРИ ДЕМОКРАТИИ. КАК ЭТО ВЛИЯЕТ НА УРОВЕНЬ НРАВСТВЕННОСТИ В ОБЩЕСТВЕ

При аристократическом правлении бывают правители, проявляющие склонность к коррупции. — При демократическом правлении правители сами нередко оказываются коррумпированными. — В первом случае пороки непосредственно воздействуют на нравственность народа. — Во втором случае они

оказывают на народ посредственное влияние, что еще опаснее.

Аристократы и демократы обвиняют друг друга в поощрении и развитии коррупции; необходимо подчеркнуть здесь то различие, которое имеется между первыми и вторыми.

В аристократических правительствах государственными делами занимаются люди состоятельные, которых на государственный пост приводит лишь стремление к власти. В демократических правительствах государственные деятели — это бедные люди, и им только предстоит нажить свое состояние.

Из этого следует, что в аристократических государствах правители практически не доступны для коррупции и весьма умеренно относятся к деньгам; совершенно обратное происходит в демократических странах.

Поскольку в странах с аристократическим правлением желающие занять государственный пост владеют большим состоянием, а число тех, кто может им в этом содействовать, невелико, власть там как бы продается с аукциона. В демократических же странах все иначе: те, кто стремится к власти, как правило, небогаты, а число тех, кто может способствовать этому, достаточно велико. Возможно, в этих странах и не меньше продажных людей, да очень мало находится покупателей, к тому же надо одновременно купить слишком много их, чтобы добиться намеченной цели.

Среди тех, кто находится у власти во Франции последние сорок лет, многие обвинялись в том, что они сделали себе состояние за счет государства и его союзников; государственных деятелей старой монархии редко упрекали в этом. Но во Франции неизвестны случаи, когда бы голос избирателя покупался просто за деньги, тогда как в Англии это общеизвестно и делается гласно.

Мне не приходилось слышать в Соединенных Штатах, чтобы кто-то употребил свое состояние на подкуп тех, кем правят, но я нередко был свидетелем того, как ставилась под сомнение честность государственных чиновников. Еще чаще я слышал, что их успехи приписывались низким интригам или преступным махинациям.

Таким образом, если государственные деятели аристократического правительства иногда готовы подкупить других, то руководители демократического правительства сами оказываются подкупленными. В первом случае наносится прямой удар нравственности общества; во втором случае воздействие на общественное сознание происходит косвенно, и это еще опаснее.

В демократических странах руководители государства, почти постоянно находясь под подозрением, обеспечивают в определенном смысле государственную поддержку тем преступлениям, в которых их обвиняют. Тем самым они представляют опасный пример для добродетели, которая еще продолжает бороться с пороком, а скрывающемуся пороку позволяют провести выгодные для себя сравнения.

Напрасно станут мне говорить, что непристойные страсти обнаруживаются в любой среде, что они подбираются нередко к тем, кто сидит на троне по праву рождения, и что, наконец, недостойных людей можно встретить как во главе аристократического государства, так и в демократическом правительстве.

Это не может служить объяснением для меня: известно, что в коррупции тех, кто пришел к власти случайно, есть что-то грубое и

вульгарное, и это заражает толпу, напротив, в обществе знатных вельмож присутствие определенного духа аристократической утонченности, духа величия вызывает отвращение к коррупции, что препятствует ее распространению.

Народ никогда не постигнет тайн придворной жизни; едва ли обнаружит он низость, скрывающуюся под элегантностью манер, изысканностью вкуса и изяществом словесных выражений. Но вот обкрадывать общественную казну или продавать за деньги государственные услуги — последний негодяй разбирается в этом и может быть доволен, что и он к тому причастен.

Впрочем, я считаю, что страшна не столько безнравственность людей, стоящих у власти, сколько безнравственность, ведущая к власти. В демократических странах простые граждане видят, как вышедший из его среды человек в короткий срок оказывается у власти и становится богатым; это вызывает удивление и возбуждает их зависть; они начинают доискиваться, каким образом тот, который еще вчера был им ровней, сегодня наделен правом править ими. Приписать такое восхождение его способностям или добродетелям — весьма неудобно, так как это означало бы признать, что ты сам менее способен и менее добродетелен. Тогда основная причина его успеха относится за счет его пороков, и часто это бывает правдой. Вот так происходит отвратительное соединение понятий власти и низости, успеха и недостойности его, полезности и бесчестья

НА КАКИЕ УСИЛИЯ СПОСОБНА ДЕМОКРАТИЯ

Союзу только раз пришлось защищать себя. — Энтузиазм в начале войны. — Охлаждение в конце войны. — Почему в Америке невозможно провести призыв на военную службу или учет военнообязанных моряков. — Почему демократическая страна менее, чем какая бы то ни была другая, способна на серьезные продолжительные действия.

Предупреждаю читателя, что я поведу речь о правительстве, выражающем реальную волю народа, а не о правительстве, только управляющем от имени народа.

Нет власти более жесткой, чем власть тираническая, распоряжающаяся от имени народа, потому что, будучи наделена моральной силой, опирающейся на волю большинства, она действует с решительностью, быстротой и упорством, свойственными одному человеку.

Трудно сказать, на какие действия способно демократическое правительство в период национального кризиса.

Ведь до настоящего времени не было еще ни одной крупной демократической республики. Назвать республикой олигархию, правившую во Франции в 1793 году, — значит оскорбить республику как таковую. Это новое явление, и представляют его Соединенные Штаты.

Итак, Союз образован полвека тому назад, его существование только однажды было поставлено под угрозу, это было во время Войны за независимость. В начале той долгой войны американский народ

показывал примеры необычайно восторженного служения родине¹⁷. Но пока она длилась, проявлялся и привычный эгоизм: деньги перестали поступать в казну; мужчины не являлись на службу в армию; народ продолжал стремиться к независимости, но отступал перед теми средствами, с помощью которых ее нужно было добиваться. «Мы увеличили количество налогов, мы нашли новые способы их повысить, все напрасно, — говорит Гамильтон в «Федералисте» (№ 12), — ожидания народа не оправдались, и государственная казна по-прежнему пуста. Демократические формы правления, свойственные демократической природе нашего правительства, в сочетании со слабым денежным обращением вследствие бессилия нашей торговли сделали бесполезными все усилия, предпринятые с целью собрать значительные суммы. Законодательные органы разного уровня наконец поняли все безумие подобных попыток».

С тех пор Соединенные Штаты не вели ни одной серьезной войны.

Чтобы оценить, на какие жертвы способны демократические страны, нужно дождаться момента, когда американский народ будет вынужден отдать в руки своего правительства половину своего дохода, как в Англии, или будет должен бросить на поле сражения двадцатую часть населения своей страны, как это было во Франции.

В Америке нет воинской повинности, в армию нанимают солдат за деньги. Обязательная служба в армии так противоречит идеям и так чужда привычкам американского народа, что я сомневаюсь, что в этой стране когда-нибудь осмелятся провести такой закон. Существование во Франции обязательного призыва на военную службу — это одна из самых тяжелых повинностей. Но без этого как могла бы она вести длительную войну на континенте?

У американцев нет принудительной вербовки матросов, как у англичан. У них нет также ничего похожего на наш учет военнообязанных моряков. В государственный морской флот, как и в торговый, моряков набирают на основе добровольно заключаемого с ними договора.

Трудно себе представить, как может народ вести серьезную войну на море, не прибегая ни к одному из вышеуказанных средств. Поэтому Союзу, который уже одерживал победы на море, никогда не имея при этом большого флота, очень дорого стоило содержать команды его немногочисленных кораблей.

Мне приходилось слышать от американских государственных деятелей, что Союзу будет трудно поддерживать свой флот на должном уровне, если он не прибегнет либо к принудительной вербовке матросов, либо к учету военнообязанных моряков; однако вся трудность состоит в том, чтобы народ, который управляет, согласился принять то или другое.

Бесспорно, в моменты опасности свободные народы проявляют, как правило, активность, неизмеримо большую в сравнении с несвободными народами, но я склонен думать, что это в основном верно в отношении свободных народов тех стран, где у власти находится аристократия. Демократия же, мне кажется, более способна управлять мирным

17 Одним из самых ярких примеров, на мой взгляд, было принятие американцами решения сразу отказаться от употребления чая Тех, кто знает, что человек, как правило, гораздо больше держится за свои привычки, нежели за жизнь, несомненно, поразит эта большая и непонятная жертва, принесенная целым народом

обществом или в случае необходимости производить внезапный и сильный удар, нежели длительное время выдерживать сильные бури политической жизни народов. Объясняется это просто: энтузиазм заставляет людей идти на опасности и лишения, но длительное время подвергаться им они могут, только приняв все рассудком, все обдумав. В том, что называется инстинктивной храбростью, больше расчета, чем можно предположить; и хотя первые шаги, как правило, делаются только под воздействием чувств, последующее движение производится уже ввиду определенного результата. В жертву приносится часть того, что ценно, чтобы спасти все остальное.

Демократии часто недостает ясного видения будущего, основанного на знаниях и опыте. Народ больше обходится чувствами, нежели разумом. И если его сегодняшние беды велики, есть опасения, что он не станет думать о бедах еще больших, которые могут случиться при неблагоприятных обстоятельствах.

Есть и еще одна причина неспособности демократического правительства, в отличие от аристократического, на длительные усилия.

Народ не только видит менее ясно, чем высшие классы, на что можно надеяться или чего следует опасаться в будущем, но он к тому же не так, как они, переживает беды сегодняшнего дня. Дворянин, рискуя, готов как прославиться, так и погибнуть. Отдавая государству большую часть дохода, он тут же лишает себя каких-то удовольствий, связанных с наличием богатства. Бедному смерть славы не принесет, а налог, который богатого стесняет, бедного часто лишает источников жизни.

Эта слабая сторона демократических республик, особенно заметная в периоды кризисов, возможно, представляет собой самое большое препятствие на пути возникновения подобной республики в Европе. Дело в том, что для нормального существования демократической республики в одной из европейских стран нужно, чтобы она была установлена одновременно и во всех других.

Я считаю, что демократическое правительство укрепит с течением времени реальные силы общества, но оно не сумеет объединить одновременно в одном месте столько сил, сколько может объединить аристократическое правительство или абсолютная монархия. Если какой-либо демократической страной в течение всего века будет управлять республиканское правительство, можно поверить, что к концу века она станет богаче, население ее возрастет, страна станет более процветающей, чем окружающие ее государства с деспотическим режимом; но в течение этих ста лет она неоднократно подвергнется риску быть завоеванной ими.

О ТОМ, КАК ВЛАСТЬ АМЕРИКАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ ВЛИЯЕТ НА САМОЕ СЕБЯ

Американский народ только постепенно принимает новое и иногда отказывается от того, что служит его благу. — Способность американцев совершать поправимые ошибки.

Трудности, с которыми сталкивается демократическое правительство, стремясь одолеть страсти, будоражащие массы, и заставить народ, вместо того чтобы сосредоточиваться на нуждах ближайшего дня, заглянуть в

будущее, сказываются на всем.

Народ, окруженный льстецами, с трудом справляется сам с собой. Каждый раз при необходимости пойти на некоторое лишение или стеснение он начинает с отказа, даже в тех случаях, когда разумом он способен одобрить цель, ради которой это делается. Справедливо отмечают повиновение, оказываемое американцами закону. Следует добавить, что законы в Америке утверждаются народом и для народа. В Соединенных Штатах, следовательно, закон отвечает интересам всех тех, кто в какой-нибудь другой стране заинтересован в нарушении его. Позволительно думать, что если закон тягостен и большинство населения не ощущает его необходимости в данный момент, его либо не примут, либо ему не будут повиноваться.

В Соединенных Штатах нет законов о злостном банкротстве.

Может быть, потому, что нет банкротств? Напротив, потому, что их много. Страх быть преследуемым как банкрот в умах большинства превосходит страх быть разоренным банкротами. И в общественном сознании утверждается какое-то чувство преступной терпимости по отношению к нарушению, которое каждый в отдельности осуждает.

В новых Юго-Западных штатах население, как правило, само вершит суд, и убийства там совершаются непрерывно. Причиной тому очень жесткие нравы местного населения, а также почти полное отсутствие просвещения в этих пустынных местах. Оттого и не ощущают они необходимости в силе закона: судебным процессам они предпочитают дуэли.

Однажды в Филадельфии мне рассказали, что почти все преступления в Америке совершаются из-за злоупотреблений крепкими напитками, которые простонародье потребляет сколько хочет, поскольку их ему продают за ничтожную цену. «Почему же, — спросил я, — вы не введете налог на водку?» «Наши законодатели не раз об этом думали, — услышал я в ответ, — но это крайне тяжелое дело. Есть опасность, что возникнет бунт; к тому же те депутаты, которые проголосовали бы за подобный закон, несомненно, не были бы переизбраны». «Так значит, — продолжал я, — у вас большинство пьющих, и трезвость непопулярна».

Когда обращаешь на это внимание государственных деятелей, они ограничиваются ответом: предоставьте действовать времени, осознание зла просветит народ и раскроет ему его интересы. Часто так и бывает: если у демократии больше шансов ошибиться, чем у короля или дворянского сословия, у нее также больше шансов оказаться правой, когда ее вдруг озарит. Дело в том, что в самой демократической системе отсутствуют, как правило, интересы, противоположные интересам большинства и противоречащие здравому смыслу. Однако только жизненный опыт способен подтвердить правоту демократии, и многие народы погибли, так и не увидев результатов когда-то совершенных ими ошибок.

Самое большое преимущество американцев состоит не только в том, что они более просвещенные, чем другие народы, но еще и в их способности совершать поправимые ошибки.

Добавим к этому, что для лучшего использования опыта прошлого демократия должна достичь определенного уровня цивилизации и просвещения.

Известны народы, чьи начальные знания были такими порочными, а характер представлял собой такую странную смесь страстей, невежества

и ложных понятий обо всем, что они не сумели бы сами определить причину своих бедствий; эти народы гибнут от бед, природы которых не понимают.

Я объездил обширные пространства, некогда населенные крупными индейскими племенами, которых сегодня нет, я жил среди индейцев, эти племена были уже искалечены, и с каждым днем уменьшалась их численность и убывала их былая громкая слава; я сам слышал предсказания этих индейцев о том, какая судьба ожидает в итоге их расу. Между тем в Европе не найдется человека, который бы не понимал, что нужно сделать, чтобы сохранить эти несчастные народы, уберечь их от неминуемого истребления. Сами же они не видят никакого выхода; они чувствуют, что тучи с каждым годом все более сгущаются над ними, и они погибнут все до единого, отвергнув предложенное средство спасения. Пришлось бы употребить силу, чтобы заставить их жить.

У кого-то может вызывать удивление тот факт, что вот уже четверть века новые нации Южной Америки живут в постоянном волнении, там беспрестанно одна революция сменяет другую, и ежедневно можно ожидать, что они вернутся к тому, что называется *природным состоянием*. Но кто не согласится с тем, что в наше время революции абсолютно естественны для испанцев Южной Америки? В этой стране общество барахтается на дне пропасти, из которой оно не может выкарабкаться собственными усилиями.

Создается впечатление, что народ, населяющий это красивое полушарие, упрямо стремится вырвать себе внутренности, и ничто не может его от этого отвлечь. Обессилев, он дает себе короткий отдых, а после отдыха им тут же овладевает новое неистовство. Присмотревшись к его жизни, то нищей, то преступной, я испытал искушение поверить, что для этого народа деспотизм был бы благом.

Однако эти два слова никогда не смогут стоять рядом в моей голове.

О ТОМ, КАК АМЕРИКАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ ПРОВОДИТ ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ

Направление внешней политики Соединенных Штатов, определенное Вашингтоном и Джефферсоном. — В ведении внешней политики проявляются почти все недостатки, свойственные демократии, а ее достоинства малочувствительны в этой сфере.

Мы уже знаем, что, согласно федеральной конституции, интересы нации, связанные с внешней политикой страны, находятся в руках президента и сената;¹⁸ по этой причине общая политика Союза выпадает в определенной степени из-под прямого и повседневного влияния народа. И следовательно, нельзя категорически утверждать, что в Америке именно демократия проводит внешнюю политику государства.

18 Президент, сказано в конституции, ст 11, ч 2, § 2, будет заключать соглашения с учетом мнения сената и с его согласия Читатель не должен забывать, что сенатор получает мандат на шесть лет и что, будучи избран представителями Законодательной власти от каждого штата, он попадает в сенат в результате двухступенчатой системы выборов

Известны два человека, сообщившие политике американцев определенное направление, которого страна придерживается и сегодня; первый — Вашингтон, второй — Джефферсон.

В великолепном послании, адресованном соотечественникам и представляющем собой как бы политическое завещание этого великого человека, Вашингтон писал:

«Завязать торговые отношения с зарубежными народами и установить как можно меньшие политические связи между ними и нами — таким должно быть правило нашей политики. Мы с точностью должны выполнять уже заключенные договоры, но ни в коем случае не заключать новых.

У Европы есть свои интересы, которые никак не связаны с нашими или связаны с ними весьма косвенно; она часто бывает вынуждена ввязываться в конфликты, не имеющие, естественно, никакого к нам отношения; привязывать себя искусственными нитями к превратностям европейской политики, вступать в разного рода сформировавшиеся на ее территории дружественные и враждебные союзы и принимать участие в войнах, которые между ними возникают, означало бы действовать неосторожно.

Изолированность и удаленность от Европы побуждают нас принять иной путь и позволяют пойти по этому пути. Если мы будем продолжать оставаться единым народом с сильным правительством во главе, то недалеко то время, когда нам нечего и некого станет бояться. Тогда мы сможем вести себя так, чтобы заставить уважать свой нейтралитет; воюющие страны, чувствуя, что не могут на нас нажиться, побоятся беспричинно провоцировать нас; и мы окажемся в таком положении, в котором сможем выбирать мир или войну, руководствуясь только собственными интересами и справедливостью.

Почему мы должны отказываться от тех преимуществ, которые можно извлечь из столь благоприятной ситуации? Почему мы должны вместо того, чтобы заботиться о собственной территории, утверждать себя на чужой? Почему, наконец, связывая свою судьбу с судьбой какой-нибудь части Европы, мы должны рисковать своим миром и процветанием ради властолюбия, соперничества, интересов или капризов народов, населяющих ее?

Сущность истинной политики для нас состоит в том, чтобы не вступать в постоянный союз ни с одним зарубежным государством, по крайней мере настолько, насколько мы вольны этого не делать, ибо я далек от того, чтобы желать невыполнения уже имеющихся обязательств. Честность — лучшая политика; по-моему, это правило в равной степени применимо и к межгосударственным отношениям, и к поведению индивидуумов. Итак, я считаю, что необходимо в полном объеме выполнять те обязательства, которые мы уже приняли, а вступать в новые — вредно и неосторожно. Нам нужно вести себя так, чтобы нас уважали, и временных союзов нам вполне достаточно, чтобы противостоять любой опасности».

Еще до этого послания Вашингтон высказал прекрасную и справедливую мысль: «Народ, который отдает себя во власть привычных чувств любви или ненависти по отношению к другому народу, становится в какой-то степени рабом. Рабом своей ненависти или своей любви».

В своей политической деятельности Вашингтон всегда руководствовался высказанными им мыслями. Ему удавалось сохранять

мир в своей стране в то время, когда земной шар был объят войной, и он научно обосновал тезис, согласно которому американцы заинтересованы никогда не принимать участия во внутренних распрях Европы.

Джефферсон пошел дальше и ввел в политику Союза еще одно правило, гласившее: «Американцы никогда не должны просить у чужеземных наций преимущественных прав для себя, чтобы не быть обязанными предоставлять аналогичные права другим».

Эти два принципа, очевидная справедливость которых очень легко сделала их достоянием масс, до чрезвычайности упростили внешнюю политику Соединенных Штатов.

Поскольку Союз не вмешивается в дела Европы, то у него и нет спорных внешнеполитических интересов, сильных соседей в Америке у него тоже еще нет. Находясь как в силу своего положения, так и в силу собственной воли вне страстей Старого Света, Союз имеет возможность либо окунуться в них, либо уберечь себя от них. Что же касается страстей, которые разыграются в Новом Свете, то будущее их пока скрывает.

Итак, Союз свободен от старых обязательств; он использует опыт стран Европы, не будучи обязанным в отличие от них извлекать уроки из прошлого и использовать их в настоящем; как и их, его никто не принуждает принять огромное наследие отцов — смесь славы и нищеты, дружбы и ненависти, связанных с национальными интересами. Внешняя политика Соединенных Штатов в высшей степени выжидательная; ее задача состоит в том, чтобы скорее воздерживаться от какой бы то ни было деятельности, нежели действовать.

В данный момент трудно сказать, насколько умело американская демократия будет проводить свою внешнюю политику. По этому поводу и противникам, и друзьям американской демократии следует воздерживаться от высказывания своего мнения.

Мне же ничто не мешает изложить свою точку зрения: именно в области государственной внешней политики демократические правительства мне представляются решительно слабее в сравнении с другими. Опыт, нравы и образование в конце концов всегда развивают в демократической стране так называемый практичный, годный на каждый день ум и умение разбираться в бытовых событиях, что еще называют здравым смыслом. Его вполне достаточно для обычной жизни общества, поскольку польза, которую приносит просвещенному народу демократическая свобода, перевешивает те несчастья, к которым приводят ошибки демократического правления. Но в отношениях с другими народами дело обстоит иначе.

Ни одно присущее демократии свойство не может быть полезно для внешней политики. Напротив, она требует свойств, которыми демократия не располагает. Демократия способствует росту внутренних ресурсов государства, благоприятствует распространению достатка и развитию общественного сознания, укрепляет уважение к закону в различных классах. Но все это имеет лишь косвенное отношение к тому месту, которое один народ занимает среди других народов. А демократии нелегко увязывать все детали крупного дела, останавливаться на каком-либо замысле и упорно проводить его в жизнь, несмотря на препятствия. Она не способна тайно принимать какие-либо меры и терпеливо ждать результатов. Все это значительно лучше удастся правлению одного человека или аристократическому правлению. В то же время именно все это необходимо для того, чтобы со временем один народ возвысился над

другим, подобно тому как один человек возвышается над другими людьми.

Рассматривая недостатки, свойственные аристократическому правлению, вы обнаружите, что они не оказывают почти никакого влияния на внешнюю политику государства. Основной порок аристократии заключается в том, что она работает только на самое себя и пренебрегает народными массами. Что же касается внешней политики, то в ней интересы аристократии и народа обычно совпадают.

Склонность демократии руководствоваться в политике скорее чувствами, нежели разумом и жертвовать обдуманными замыслами ради преходящей страсти особенно ярко проявилась в Америке во время Французской революции. Тогда, как и сегодня, американцам не надо было иметь много ума, чтобы понимать, что отнюдь не в их интересах развязывать войну, хотя она и могла залить кровью Европу, не причинив вреда Соединенным Штатам.

Однако симпатии американского народа к Франции были так горячи, что война не была объявлена Англии только благодаря нестигаемому характеру Вашингтона и его огромной популярности. Кроме того, борьба этого великого обладателя сурового разума против благородных, но безрассудных страстей своих сограждан едва не лишила его единственной награды, к которой он всегда стремился, — признательности своей страны. Тогда большинство высказалось против проводимой им политики, теперь же весь народ одобряет ее¹⁹.

Конституция и общественное расположение позволили Вашингтону принимать решения, касающиеся внешней политики государства, иначе народ сделал бы тогда именно то, что сегодня он осуждает.

Во главе всех народов, оказывавших влияние на мир, тех, которые создавали, развивали и воплощали великие замыслы, начиная от римлян и кончая англичанами, стояли аристократы. И это неудивительно.

Взгляды аристократов отличаются удивительной прочностью. Страсти или невежество могут поколебать убеждения народных масс. Можно обмануть монарха и заставить его усомниться в правильности его замыслов. Кроме того, монарх смертен. Что касается аристократического сословия, оно, с одной стороны, слишком многочисленно, чтобы поддаться на обман, а с другой — слишком малочисленно, чтобы уступить безрассудным страстям. Аристократия — образованна, последовательна в действиях и бессмертна.

19 См. пятый том книги Маршалла «Жизнь Вашингтона». «В таком правительстве, как правительство Соединенных Штатов, — говорит он на с. 314, — первое должностное лицо, несмотря на всю свою твердость, не может долго противостоять напору общественного мнения. В то время общественное мнение склонялось к войне. И действительно, на проходившей тогда сессии конгресса неоднократно отмечалось, что Вашингтон потерял большинство в палате представителей». К этому следует добавить, что словесные нападки на него отличались крайней резкостью. На одном политическом собрании его не побоялись даже в завуалированной форме сравнить с предателем Арнольдом (с. 265). «Представители оппозиции, — говорит Маршалл (с. 355), — заявили, что сторонники администрации представляют собой аристократическую группировку, находящуюся на службе у Англии. Поскольку она хочет установить в стране монархию, она враждебно относится к Франции. Эта группировка, члены которой составляют нечто вроде дворянства, обладающего вместо титулов акциями Банка, настолько боится любой меры, которая может отразиться на состоянии капиталов, что она равнодушна даже к оскорблениям, тогда как честь и интересы нации требуют, чтобы на них был дан достойный ответ».

Глава VI

РЕАЛЬНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В начале данной главы я считаю необходимым напомнить читателю то, о чем я уже неоднократно говорил в этой книге.

Политическое устройство Соединенных Штатов представляет собой демократическую форму правления; однако, по моему мнению, американские учреждения не являются ни лучшими, ни единственно возможными для народа, живущего в демократическом обществе.

Знакомя читателя с преимуществами американской демократии, я далек от мысли о том, что подобные преимущества могут возникнуть лишь в результате действия каких-то одних определенных законов.

ОБЩАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЗАКОНОВ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В АМЕРИКЕ И СВОЙСТВА ТЕХ, КТО ПРОВОДИТ ИХ В ЖИЗНЬ

Пороки демократии бросаются в глаза. — Ее преимущества становятся заметны лишь со временем. — Американская демократия не всегда действует удачно, но общая направленность ее законов полезна для общества. — Государственные служащие в американском демократическом обществе не имеют интересов, стабильно отличающихся от интересов большинства. — К чему это приводит.

Пороки и слабости демократической формы правления лежат на поверхности, для их доказательства можно привести очевидные факты. В то же время благотворное воздействие такой формы правления осуществляется незаметно, можно даже сказать, подспудно. Ее недостатки поражают с первого взгляда, а достоинства открываются лишь со временем.

Американские законы нередко бывают небрежно сформулированными и неполными. Случается, что они не учитывают существующих прав или поощряют те, которые могут представлять опасность. Когда они хороши сами по себе, их большим недостатком является частая их смена. Все это видно невооруженным глазом.

Почему же в таком случае американские республики живут и процветают?

Говоря о законах, нужно тщательно различать, с одной стороны, цель, которую они преследуют, а с другой — средства достижения этой цели, то есть их абсолютную и относительную доброкачественность.

Предположим, что законодатель стремится оградить интересы небольшого числа людей в ущерб большинству. Он составляет положения закона так, чтобы достичь искомого результата в максимально сжатые сроки и с наименьшими усилиями. Закон получится хорошим, но цель —

дурная. При этом чем лучше ее удастся воплотить в жизнь, тем большую опасность она будет представлять.

Демократические законы обычно стремятся обеспечить благо большинства. Ведь они исходят от большинства граждан, которые могут ошибаться, но не могут выражать интересов, противоположных своим собственным.

Аристократические законы, напротив, тяготеют к сосредоточению власти и богатства в руках небольшой группы людей, поскольку аристократия по своей природе всегда является меньшинством.

В целом можно сказать, что демократическое законотворчество несет больше блага человечеству, чем аристократическое.

Однако это его единственное преимущество.

Аристократия значительно более умело пользуется законодательством, чем демократия. Она хорошо владеет собой, ей незнакомы мимолетные увлечения, она тщательно вынашивает свои замыслы и умеет дожидаться благоприятного случая для их воплощения. Она действует со знанием дела и умеет в определенный момент мастерски направить совокупную силу своих законов на единую цель.

О демократии этого сказать нельзя: ее законы почти всегда несовершенны или несвоевременны.

Следовательно, средства, используемые демократией, менее совершенны, чем те, которые использует аристократия, и она часто против своей воли действует себе во вред, но ее цели благородны.

Представьте себе общество, природа и структура которого таковы, что позволяют ему переносить временное действие неудачных законов, общество, которое может без опасности для себя ждать благотворных результатов *общей направленности* законов, и вы согласитесь, что процветанию такого общества в наибольшей степени способствует демократическая форма правления, несмотря на все ее пороки.

Именно так обстоит дело в Соединенных Штатах. Я повторю здесь то, что уже говорил выше: огромное преимущество американцев состоит в том, что они могут себе позволить совершать поправимые ошибки.

Почти то же самое можно сказать и о государственных служащих.

Легко увидеть, что американская демократия часто ошибается в выборе людей, которым она доверяет власть. Однако совсем не легко ответить на вопрос, почему управляемое этими людьми государство процветает.

Следует отметить, что, хотя правители демократического государства не всегда достаточно честны и разумны, его граждане просвещенны и сознательны.

Народы демократических государств, постоянно занятые своими делами и ревниво оберегающие свои права, не позволяют своим представителям отклоняться от определенной общей линии, диктуемой их интересами.

Не следует также забывать о том, что в демократических государствах чиновники, выполняющие свои обязанности хуже, чем чиновники других государств, остаются у власти не слишком долго.

Но есть и еще одна причина, более общего характера и более глубокая.

Конечно, народное благо требует от правителей добродетелей и талантов. Но еще в большей степени оно требует общности интересов граждан и правителей. В противном случае добродетели могут стать

бесполезными, а таланты — опасными.

Важно, чтобы правители и массы граждан не были разделены противоположными или различными интересами. Но это отнюдь не значит, что интересы всех должны полностью совпасть. Такого не бывает никогда.

Еще не найдено политическое устройство, которое бы в оди-таковой степени благоприятствовало развитию и процветанию всех классов, составляющих общество. Классы представляют собой нечто вроде отдельных наций внутри одного народа, и опыт показывает, что отдавать какой-либо из них в руки другого так же опасно, как позволять одному народу распоряжаться судьбой другого. Когда у власти стоят одни богатые, интересы бедных всегда в опасности. Если бедные диктуют свою волю, под удар ставятся интересы богатых. В чем же заключаются преимущества демократии? Реально они заключаются не в том, что демократия, как говорят некоторые, гарантирует процветание всем, а в том, что она способствует благосостоянию большинства.

Люди, которые в Соединенных Штатах руководят делами общества, часто не обладают такими же талантами и моральными качествами, как те, кого к власти приводит аристократия. Но их интересы смешиваются и сливаются с интересами большей части их сограждан. Они могут совершать нечестные поступки или серьезные промахи, но они никогда не будут систематически проводить политику, враждебную большинству, их правление никогда не будет отличаться опасной нетерпимостью.

В демократическом обществе плохая работа чиновника — это всего лишь отдельный факт, оказывающий влияние только во время исполнения им своих обязанностей. Коррупция и некомпетентность не являются теми общими интересами, которые могли бы надолго объединить людей.

Продажный и неспособный чиновник не станет действовать сообща с другим чиновником только потому, что тот тоже туп и продажен. Они не будут совместно трудиться для процветания коррупции и некомпетентности. Ведь властолюбие и махинации одного могут привести к разоблачению другого. В демократических государствах пороки чиновников обычно индивидуальны.

В государстве, управляемом аристократией, общественным деятелям присущи классовые интересы. Иногда, правда, они могут сближаться с интересами большинства, но чаще отличаются от них. Из них вырастают длительные связи, спланирующие всех общественных деятелей, побуждающие их объединять и согласовывать действия, целью которых не всегда является благо большинства. При этом правители связаны не только друг с другом, но и с немалым количеством граждан, тех представителей аристократического сословия, которые не занимают никаких государственных должностей.

Таким образом чиновник в аристократическом государстве постоянно ощущает поддержку как со стороны общества, так и со стороны правительства.

Мало того, что в аристократическом государстве чиновники имеют общие интересы и цели с определенной частью своих современников, им также близки интересы грядущих поколений, которым они, можно сказать, служат. Они трудятся не только для настоящего, но и для будущего. Все ведет этих чиновников к единой цели: и страсти граждан, и их собственные страсти, и даже интересы потомков.

Возможно ли противостоять такому напору? Поэтому нередко в

аристократических обществах классовые интересы поработают даже честных людей, и они, сами того не замечая, постепенно изменяют общество, сообразуясь только со своими интересами, а также делают все для того, чтобы обеспечить надежное будущее своим потомкам.

Не знаю, есть ли на свете другая такая же либеральная аристократия, как английская, которая постоянно давала бы столько достойных и просвещенных людей для управления страной.

Однако нельзя не признать, что английские законы часто жертвуют благом бедного ради блага богатого и правами большинства ради привилегий некоторых. Вот почему сегодняшняя Англия — это страна крайностей, в которой бед не меньше, чем могущества и славы.

В Соединенных Штатах, где государственные служащие не защищают классовых интересов, непрерывный процесс управления в целом приносит пользу, хотя правители нередко бывают некомпетентны и даже достойны презрения.

Можно сделать вывод о том, что демократические учреждения таят в себе силу, благодаря которой отдельные люди, несмотря на свои пороки и заблуждения, содействуют общему процветанию, тогда как в аристократических учреждениях есть нечто такое, в силу чего деятельность талантливых и добродетельных людей приводит к страданиям их сограждан. Так, случается, что в аристократических государствах общественные деятели творят зло, не желая этого, а в демократических — благо, не замечая этого.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Врожденная любовь к родине. — Рассудочный патриотизм. — Различие между ними. — Если первая исчезает, народам следует делать все, чтобы приобрести второй. — Какие усилия приложили для этого американцы. — Тесная связь интересов страны и отдельных граждан.

Существует любовь к родине, которую питают неосознанные, бескорыстные и неуловимые чувства, любовь, которая наполняет душу человека привязанностью к месту его рождения. К такой инстинктивной любви примешивается еще приверженность к древним обычаям, уважение к предкам, память о прошлом, и люди любят свою страну так же, как отцовский дом. Им дороги царящее в ней спокойствие, приобретенные там мирные привычки, воспоминания, которые она им навевает. Им даже бывает сладко жить там в неволе. Такая любовь к родине нередко подогревается еще и религиозными чувствами, и тогда она способна творить чудеса. Впрочем, она сама походит на религию; испытывающий ее человек не рассуждает, он верит, чувствует и действует. Известны народы, которые, можно сказать, персонифицировали свою родину, отождествляя ее с государем. Они переносили на него часть своих патриотических чувств, гордились его победами и его всесилием. До Французской революции было время, когда французы с какой-то радостью принимали безграничный произвол монарха и гордо говорили: «У нас самый могущественный король на земле».

Как всякое неосознанное чувство, такая любовь к родине может скорее подвигнуть на крупные, но кратковременные дела, чем на постоянные усилия. Она спасет государство в минуту опасности и может оставить его на произвол судьбы в мирное время.

Эта инстинктивная любовь к родине царит тогда, когда нравы просты, а вера крепка, когда безраздельно властвует давний общественный порядок, справедливость которого никто не оспаривает.

Есть и другая любовь к родине, более рациональная. Она, быть может, менее великодушна и пылка, но более плодотворна и устойчива. Эта любовь возникает в результате просвещения, развивается с помощью законов, растёт по мере пользования правами и в конце концов сливается с личными интересами человека. Люди начинают видеть связь благосостояния страны и их собственного благосостояния, осознают, что закон позволяет им его создавать. У них пробуждается интерес к процветанию страны сначала как к чему-то, приносящему им пользу, а затем как к собственному творению.

Однако в жизни народов иногда наступают периоды, когда древние нравы и обычаи разрушены, вера поколеблена, уважение к прошлому забыто, и в то же время просвещение ещё не получило распространения, а политические права ещё ограничены и ненадежны. В такие моменты родина представляется людям как нечто смутное и неверное. Они не связывают представление о ней ни с территорией, которая превращается в их глазах в бездушную землю, ни с обычаями предков, на которые они уже привыкли смотреть как на ярмо, ни с религией, в которой они сомневаются, ни с законами, к созданию которых их не подпускают, ни с законодателями, которых они боятся и презирают. Утратив и образ родины, и все то, что её олицетворяло, они замыкаются в узком и невежественном эгоизме. В такие моменты люди лишены предрассудков, но они не признают и власти разума. У них нет ни инстинктивного патриотизма, свойственного монархии, ни рассудочного, присущего республике, они остановились посередине между тем и другим и живут в смуте и беспомощности.

Что делать в таких случаях? Надо бы вернуться назад. Но как люди не могут вернуться к невинным радостям юности, так и народы не могут вновь обрести утраченные чувства своей молодости. Даже если они сожалеют о них, они не в силах их возродить. Поскольку бескорыстная любовь к родине безвозвратно уходит, надо идти вперед и делать все для того, чтобы объединить в представлениях народа личные интересы и интересы страны.

Я совсем не хочу сказать, что для того, чтобы добиться этой цели, нужно сразу предоставить всем гражданам политические права. Тем не менее у нас есть только одно мощное средство, способное заинтересовать людей судьбой своей страны: надо привлечь их к управлению ею. В наши дни гражданские чувства неотделимы от политических прав, и в будущем число истинных граждан будет зависеть от расширения или сужения предоставляемых им политических прав.

Люди, ныне живущие в Соединенных Штатах, прибыли туда недавно, они не принесли с собой ни прежних обычаев, ни воспоминаний, они встречаются там впервые и плохо знают друг друга. Почему же каждый из них интересуется делами общины, округа и всего государства, как своими собственными? Только потому, что каждый из них по-своему принимает активное участие в управлении обществом.

В Соединенных Штатах простые люди понимают одну несложную, но в то же время плохо осознанную народами истину: счастье каждого зависит от общего процветания. Более того, они привыкли смотреть на это процветание как на дело своих рук, они не отделяют благополучие общества от собственного благополучия и трудятся на благо государства не только из чувства долга или гордости, но, можно сказать, из страсти к наживе.

Нет необходимости изучать американские учреждения и историю для того, чтобы убедиться в верности вышесказанного, — об этом достаточно красноречиво свидетельствуют нравы. Поскольку американцы причастны ко всему, что происходит в их стране, они горячо защищают все, что в ней критикуют. Ведь задевают не только их страну, но и их самих. Поэтому в своей национальной гордости они прибегают к различным уловкам и доходят даже до мальчишества, свойственного индивидуальному тщеславию.

Нет ничего более неприятного в повседневной жизни, чем этот невыносимый американский патриотизм. Иностранец готов отозваться с похвалой о многом в Америке, но он хотел бы, чтобы ему было позволено также что-нибудь покритиковать, а ему в этом категорически отказывают.

Итак, Америка — это свободная страна, но, чтобы никого не обидеть, иностранец должен остерегаться свободно высказывать свои мысли и о частных лицах, и о государстве, и о подданных, и о правителях, и об общественных делах, и о частных предприятиях. Словом, он не может высказываться свободно ни о чем, не считая, может быть, климата и почвы. Но и в этом, последнем, случае найдутся американцы, которые будут защищать и то и другое так, словно они создали их собственными руками.

В наши дни нужно набраться мужества и сделать выбор между всеобщим патриотизмом и управлением меньшинства. Объединить же социальную силу и активность первого со спокойствием, которое порой приносит второе, невозможно.

О ПОНЯТИИ ПРАВ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Великие народы не могут существовать без понятия о правах. — Как народ постигает идею права. — Уважение прав в Соединенных Штатах. — Откуда оно появилось.

Самым прекрасным понятием после общего понятия о добродетели является понятие о правах. Точнее говоря, оба эти понятия соприкасаются: права — это не что иное, как добродетели, перенесенные в политическую жизнь.

Именно понятие о правах позволило людям определить, что есть вседозволенность и произвол. Оно помогает им быть независимыми без высокомерия и подчиняться, не унижаясь. Подчиняясь насилию, человек сгибается и унижается. Если же он подчиняется праву распоряжаться, которое он признает за себе подобным, он в каком-то смысле даже возвышается над тем, кто им распоряжается. Не может быть ни великих людей, ни наделенных добродетелями, ни великих народов, ни уважающих прав. При отсутствии прав едва ли можно говорить о существовании общества. Разве можно назвать обществом группу разумных существ,

если их единство основано только на силе?

Как помочь современным людям усвоить идею прав, как, если можно так выразиться, довести ее до их сознания? Существует лишь один способ: надо всем им дать возможность спокойно пользоваться некоторыми правами. Это можно хорошо проиллюстрировать, приведя в пример поведение детей, которые отличаются от взрослых людей лишь отсутствием силы и опыта. Когда ребенок начинает передвигаться среди предметов внешнего мира, он инстинктивно стремится завладеть всем, что ему попадает под руку. Он не имеет никакого понятия о чужой собственности, не знает даже, что таковая существует, но, по мере того как он узнает цену вещей и обнаруживает, что и его тоже кто-либо может лишить их, он становится осмотрительнее и в конце концов начинает относиться к своим ближним так, как он хотел бы, чтобы относились к нему.

То, что происходит с ребенком и его игрушками, позднее происходит со взрослым и его имуществом. Почему в Америке, такой демократической стране, никто не выступает против собственности, как это часто происходит в Европе? Надо ли это объяснять? Ведь в Америке нет пролетариев, и, поскольку каждому есть что защищать, все в принципе признают право собственности.

То же самое происходит и в политической жизни. В Америке простые люди осознают высокое понятие политических прав, потому что они ими располагают. Они не задевают права других, потому что не хотят, чтобы нарушали их права. В Европе простые люди не хотят признавать даже верховную власть, а в Америке безропотно подчиняются власти самого мелкого чиновника.

И это видно во всех, самых незначительных проявлениях народной жизни. Во Франции почти нет развлечений, предназначенных исключительно для высших классов общества. Повсюду, где бывают богатые, допускают и бедных. Поэтому они ведут себя достойно и с уважением относятся ко всему, что служит общим развлечениям. В Англии, где развлечения, так же как и власть, являются привилегией и монополией богатых, можно услышать жалобы на то, что бедные, когда им удастся проникнуть в места, предназначенные для развлечений богатых, с удовольствием учиняют там бессмысленный погром. Что же в этом удивительного? Общество позаботилось о том, чтобы им нечего было терять.

Демократия доводит понятия политических прав до сознания каждого гражданина, так же как наличие имущества делает доступным всем людям понятие собственности. В этом состоит, по моему мнению, одно из ее главных достоинств.

Конечно, совсем нелегко научить всех пользоваться политическими правами, но достижение этой цели приносит поразительные результаты.

Следует еще добавить, что наш век представляется самым подходящим для того, чтобы попытаться сделать это.

Религия теряет силу, и из-за этого исчезает понятие божественности прав. Нравы портятся, и из-за этого слабеет нравственное понятие прав.

Повсюду суеверия приходят на место рассуждений, а чувства — на место расчетов. И если посреди этого всеобщего развала не удастся связать понятие прав с единственным, что еще не разрушено в человеческой душе, а именно с личным интересом, то для управления миром не останется ничего, кроме страха.

Когда мне говорят, что законы недостаточно суровы, а подданные неистовы, что страсти горячи, а добродетель бессильна и поэтому нельзя и думать о расширении демократических прав, я отвечаю, что об этом следует думать именно по всем этим причинам. В самом деле, правительства заинтересованы в этом больше, чем общество. Ведь правительства гибнут, а общество бессмертно. Впрочем, в данном случае пример Соединенных Штатов не показателен.

В Америке народ получил политические права в такое время, когда ему еще было трудно употребить их во зло, потому что граждане были малочисленны, а нравы просты. По мере роста населения страны американцы не расширяли, если можно так выразиться, полномочия демократии, а скорее распространяли сферы ее приложения.

Нет сомнения в том, что момент, когда народ, до этого не имевший политических прав, получает их, — это кризис, кризис часто необходимый, но всегда опасный.

Ребенок, не понимающий ценности жизни, может убить. До тех пор пока он не знает, что и сам может стать жертвой кражи, он может завладеть чужой собственностью. Простые люди, впервые получающие политические права, оказываются по отношению к ним в таком же положении, в каком находится ребенок к окружающему его миру. К ним можно отнести это знаменитое высказывание: *Homo puer robustus*²⁰.

Это видно и в Америке. В штатах, где граждане давно пользуются правами, они используют их наилучшим образом.

Можно без преувеличения сказать: искусство жить свободным способно творить чудеса, но в то же время нет ничего труднее, чем учиться жить свободным. С деспотизмом дело обстоит иначе. Он нередко представляется средством от всех перенесенных страданий, опорой законных прав, поддержкой угнетенных, основой порядка. Народы забываются в обстановке временного благополучия, которое он порождает, а пробуждаются они уже в жалком состоянии. Свобода, напротив, обычно рождается в бурях и с трудом укрепляется среди гражданских разногласий. Ее достоинства можно познать только тогда, когда она достигает почтенного возраста.

УВАЖЕНИЕ ЗАКОНА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Уважительное отношение американцев к закону. — Они испытывают к нему отеческие чувства. — Укрепление закона входит в личные интересы каждого.

Не всегда возможно прямо или косвенно привлечь весь народ к созданию закона. Но нельзя отрицать, что в тех случаях, когда это удается, авторитет закона значительно повышается. Народное происхождение законов, которое часто вредит их доброкачественности и мудрости, удивительным образом способствует росту их могущества.

В воле, выраженной целым народом, заключена колоссальная сила. Когда она проявляется во всей своей мощи, она подавляет воображение тех, кто хотел бы противостоять ей.

²⁰ Человек сильный, но неопытный (лат.).

Это хорошо известно всем партиям.

Поэтому-то они и оспаривают наличие большинства, где только могут. Когда, по их мнению, его не составляют те, кто голосовал, они утверждают, что его составляют не принимавшие участие в голосовании; если и там его нет, они находят его среди тех, кто лишен права голоса.

В Соединенных Штатах все граждане, кроме рабов, слуг и бедняков, живущих за счет общины, имеют право голоса, и, следовательно, все косвенно принимают участие в законодательной деятельности. Тот, кто выступает против закона, вынужден открыто делать одно из двух — либо стремиться изменить убеждения народа, либо пренебречь его волей.

К этому надо добавить еще один довод, более конкретный и веский' в Соединенных Штатах каждый в каком-то смысле лично заинтересован в том, чтобы все исполняли законы. Ведь тот, кто сегодня не входит в большинство, может присоединиться к нему завтра. И тогда он будет требовать к своей воле такого же уважения, какое сегодня он проявляет к воле законодателей. Как бы неудачен ни был закон, граждане Соединенных Штатов исполняют его без принуждения и относятся к нему не только как к результату трудов большинства, но и как к собственному делу. Они смотрят на него как на сделку, в которой они участвуют.

В Америке нет многочисленного и беспокойного слоя людей, которые смотрели бы на закон со страхом и подозрением, как на своего естественного врага. Напротив, нельзя не заметить, что все классы полностью доверяют законам, по которым живет страна, и питают к ним нечто вроде отцовской любви.

Сказав «все классы», я допустил неточность. Поскольку пирамида европейских политических сил существует в Америке в перевернутом виде, богатые занимают там такое же положение, какое в Европе занимают бедные. Именно богатые нередко с недоверием относятся к закону. Я уже говорил о том, что реальное преимущество демократического правления состоит не в том, как это иногда утверждают, чтобы обеспечить всеобщие интересы, а только в том, чтобы оберегать интересы большинства. В Соединенных Штатах, где правят бедные, богатым приходится постоянно опасаться, как бы те не использовали против них свою власть.

Такое настроение богатых может превратиться в глухое недовольство, но оно не может породить крупных потрясений в обществе. Та же причина, по которой богатые не доверяют законам, мешает им пренебречь их исполнением. Богатые отстранены от законотворческой деятельности именно потому, что они богаты, по той же причине они не смеют нарушать закон. В цивилизованных странах обычно восстают лишь те, кому нечего терять. Таким образом, хотя законы демократического общества не всегда достойны уважения, их всегда соблюдают. Ведь те, кто чаще всего нарушает закон, не могут не подчиняться законам, созданным ими самими и приносящим им пользу, а те, кто мог бы быть заинтересован в их нарушении, по своему характеру и положению в обществе расположены выполнять любую волю законодателя. Кроме того, американцы уважают законы не только потому, что они их сами создают, но еще и потому, что они могут их изменять в случае, если законы наносят им вред. Они подчиняются законам как осознанно необходимому злу, но также и как временному злу.

АКТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЛАСТЕЙ ВСЕХ УРОВНЕЙ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ. ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОБЩЕСТВО

Легче понять свободу и равенство, свойственные Соединенным Штатам, чем бурлящую там политическую деятельность. — Эта деятельность охватывает всю страну; постоянная и энергичная работа легислатур является лишь ее частью. — Американцам не достаточно заниматься только своими собственными делами. — Политическая активность оказывает влияние на общественную жизнь. — Этот факт отчасти объясняет успехи развития промышленности в Соединенных Штатах. — Косвенные преимущества, извлекаемые обществом из демократической формы правления.

Когда из свободной страны приезжаешь в страну, лишенную свободы, то видишь необычайную картину: в первой стране все действует и движется, во второй — все спокойно и неподвижно. В первой только и слышишь об улучшении и прогрессе; наблюдая вторую, можно подумать, что общество уже достигло всех благ и теперь стремится лишь наслаждаться ими и отдыхать. Однако страна, которая активно работает, чтобы стать счастливой, обычно бывает более богатой и цветущей, чем та, которая довольна своей судьбой. Знакомясь с ними обеими, нелегко понять, почему в первой непрестанно появляются все новые потребности, а вторая, казалось бы, не имеет почти никаких желаний.

Это явление может быть отмечено в свободных странах, сохранивших монархию, или в тех, где правит аристократия, но особенно ярко оно дает себя знать в демократических республиках. В них совершенствованием общества занимается не какая-либо часть народа, а весь народ, который заботится о потребностях и удобстве всех классов, а не какого-либо одного.

Несложно вообразить огромную свободу и полное равенство, которыми пользуются американцы, но невозможно понять, что такое американская политическая деятельность, не увидев этого собственными глазами.

Ступив на американскую землю, вы сразу оказываетесь посреди какой-то суматохи: со всех сторон раздаются неясные возгласы, вы слышите сразу множество голосов, каждый из которых говорит о какой-либо общественной проблеме. Все движется вокруг вас: здесь жители квартала собрались для того, чтобы решить, надо ли строить церковь, там идут выборы представителя в органы власти, дальше депутаты какого-то округа спешат в город для того, чтобы принять решение по поводу некоторых улучшений местного значения, где-то еще земледельцы оставляют свою работу и идут обсуждать план строительства дороги или школы. Группа граждан собирается с единственной целью: заявить о своем неодобрении деятельности правительства, в то время как другая группа, собравшись, провозглашает всех должностных лиц отцами отчизны. А вот и еще одна, которая считает, что главным источником всех государственных бед является пьянство, и торжественно обязуется подавать пример трезвости²¹.

21 Общества трезвости — это объединения, члены которых обязуются воздерживаться

Постоянная и активная деятельность американских legislatures, единственная, о которой известно за рубежом, является лишь частью и продолжением общей деятельности, зарождающейся в глубине народных масс и мало-помалу охватывающей все классы граждан. Все не покладая рук трудятся на благо своей страны.

В жизни граждан Соединенных Штатов политическая деятельность занимает огромное место. Принимать участие в управлении обществом и говорить о нем — вот самое главное занятие и самое большое удовольствие для американца. Это проявляется в самых незначительных его привычках. Даже женщины часто отправляются на публичные собрания и отдыхают от домашней суеты, слушая политические речи. Клубы заменяют им до некоторой степени зрелища. Американцы не беседуют, а спорят, не говорят, а рассуждают. Они обращаются к одному человеку, как к целому собранию, и, разгорячившись, могут сказать «господа», разговаривая с одним собеседником.

Жители некоторых стран испытывают нечто вроде отвращения к политическим правам, предоставляемым им законом. Для них заниматься общими делами равносильно потере времени, они предпочитают отсиживаться за рвами и изгородями, замкнувшись в своем, узком эгоизме.

Что же касается американцев, то, если бы они были вынуждены заниматься лишь своими собственными делами, их жизнь наполовину потеряла бы смысл, казалась бы им пустой, и они чувствовали бы себя очень несчастными²².

Я убежден, что если в Америке когда-либо установится деспотическая власть, то ей значительно труднее будет побороть привычки, рожденные свободой, чем сломить любовь к ней.

Возникающая при демократической форме правления непрерывная деятельность в политической сфере переходит затем и в гражданскую жизнь: Возможно, что в конце концов именно в этом и состоит основное преимущество демократии. Ее главная ценность не в том, что она делает сама, а в том, что делается благодаря ей.

Конечно, народ нередко очень плохо ведет государственные дела, но по мере того, как он занимается ими, круг его идей расширяется и он освобождается от присущей ему косности. У человека из народа, призванного управлять обществом, растет самоуважение. Он облечен властью, и лучшие умы приходят ему на помощь. Одни обращаются к нему за поддержкой, другие изыскивают различные способы, чтобы обмануть его, и все это его развивает. В области политики он проводит в жизнь то, что задумано другими, и эта работа воспитывает в нем вкус к предпринимательству. Каждый день он слышит советы по поводу

от употребления крепких напитков Во время моего пребывания в Соединенных Штатах общества трезвости насчитывали уже 270 тысяч членов Под их влиянием в одном только штате Пенсильвания потребление крепких напитков снизилось на 500 тысяч галлонов в год

22 Нечто похожее произошло в Риме во времена первых цезарей. Монтескье замечает где-то, какое безмерное отчаяние охватило некоторых римских граждан, когда после бурной политической борьбы им пришлось неожиданно перейти к размеренной частной жизни. (Имеется в виду сочинение французского философа и писателя Шарля Луи де Секонда барона де Монтескье (1689-1755) «Размышления о причинах величия и падения римлян» (1734).)

усовершенствования общественной собственности, и это рождает в нем желание совершенствоваться и свое собственное достоинство. Наверное, он не более добродетелен и счастлив чем его предки, но он более просвещен и активен. Демократические учреждения, а также природные условия страны, несомненно, являются хотя и не прямой, как утверждают многие, но косвенной причиной удивительного развития промышленности, наблюдаемого в Соединенных Штатах. Нельзя сказать, что оно происходит благодаря законам, но его творцом является народ, развившийся в результате законотворческой деятельности.

Противники демократии утверждают, что один человек лучше справляется с государственным правлением, чем весь народ, и я согласен с ними. При условии, что культурный уровень правителя и народа равен, один человек управляет государством более последовательно, чем весь народ, он более настойчив, лучше видит целое и более тщателен в деталях, с большим знанием дела подбирает себе помощников. Те, кто это отрицает, либо никогда не видели демократической республики, либо судят по ограниченному числу примеров. Демократия, даже когда благодаря местным условиям и настроениям народа она имеет возможность существовать долго, не отличается размеренностью и методическим порядком в управлении — это бесспорно. Демократическая свобода не так совершенна во всех своих начинаниях, как разумный диктатор. Часто она бросает свои предприятия прежде, чем они начинают приносить результаты, нередко затевает опасные дела. Однако со временем она приносит больше пользы, чем деспотизм. Каждая вещь в отдельности получается у нее хуже, но в целом она делает значительно больше. В демократической республике большие дела вершатся не государственной администрацией, а без нее и помимо нее. Демократия — это не самая искусная форма правления, но только она подчас может вызвать в обществе бурное движение, придать ему энергию и исполинские силы, неизвестные при других формах правления. И эти движения, энергия и силы при мало-мальски благоприятных обстоятельствах способны творить чудеса. Это и есть истинные преимущества демократии.

В наш век, когда будущее христианского мира столь неопределенно, одни спешат сразиться с демократией, пока она еще не окрепла, другие уже поклоняются ей как появляющемуся на свет новому божеству. Но и те и другие плохо знают объект своей ненависти или поклонения и сражаются без знания дела, нанося удары наугад.

Сначала надо договориться: чего мы ждем от общества и его правления?

Хотим ли мы возвысить дух человека, помочь ему с благодарностью посмотреть на окружающий его мир? Хотим ли мы внушить людям презрение к материальным благам? Хотим ли мы вызвать к жизни и культивировать глубокие убеждения и беззаветную преданность?

Ставим ли мы своей целью улучшение нравов, воспитание людей и развитие искусств? Стремимся ли мы к поэзии, шуму, славе?

Желаем ли мы, чтобы наш народ был способен оказать сильное влияние на все остальные народы? Готовим ли мы его к великим делам, приуготовляем ли мы ему, независимо от результатов его усилий, особую роль в истории?

Если, по нашему мнению, главная цель объединившихся в общество людей состоит в этом, то демократическая форма правления нам не

подходит, она не приведет нас к цели.

Но если мы считаем, что интеллектуальную и нравственную деятельность человека следует направлять на удовлетворение нужд материальной жизни и на создание благосостояния, если нам кажется, что разум приносит людям больше пользы, чем гениальность, если мы стремимся воспитать не героические добродетели, а мирные привычки, если пороки мы предпочитаем преступлениям и соглашаемся пожертвовать великими делами ради уменьшения количества злодеяний, если мы хотим жить не в блестящем, а в процветающем обществе и, наконец, если, по нашему мнению, основной целью правления должны быть не сила и слава народа в целом, а благосостояние и счастье каждого его представителя, тогда мы должны уравнивать права всех людей и установить демократию.

Если же время для выбора упущено и силы, которым человек не может противостоять, неудержимо влекут нас, вопреки нашим желаниям, к одной из этих форм правления, мы должны по крайней мере стараться извлечь из нее наибольшую пользу. Зная ее хорошие и дурные стороны, мы можем постараться смягчить вторые и развить первые.

CYBERSPACE

INTERNET

Киберпространство будущего

Internet сегодня — это международное объединение компьютерных сетей, насчитывающих более 40 миллионов пользователей во всем мире. Теперь уже нет сомнений, что это самая передовая и многообещающая информационная технология, активно входящая в нашу деловую и повседневную жизнь.

Ресурсы и возможности, которые предоставляет Internet своим пользователям, достойны описания во многих и многих томах, здесь же предлагается только их краткая характеристика, имеющая своей целью дать ответ на вопрос — почему сегодня нельзя полноценно жить и работать без доступа к Internet.

E-mail — электронная почта. Практически не осталось сегодня на Западе солидной фирмы, не имеющей электронного адреса, да и для частных лиц электронная почта становится такой же привычной, как телефон. Пересылка деловой информации по E-mail быстрее, эффективнее и дешевле обычной «бумажной» почты, особенно если речь идет о международных сообщениях — ей неведомы границы и таможенные барьеры. Наряду с текстовыми документами, электронная почта позволяет пересылать и графику, и исполняемые коды — вообще говоря, любые файлы. Современные информационные технологии кодирования и электронной подписи делают электронную почту, пожалуй, самым защищенным от несанкционированного доступа способом передачи важной информации. Вероятность сбоя или порчи информации при пересылке практически равна нулю, а скорость передачи сообщений измеряется секундами.

С помощью электронной почты можно общаться не только с пользователями сети Internet, но и с пользователями любых других

компьютерных сетей, более того, через специальные серверы-шлюзы можно передавать и принимать факсы, использовать телетайп, телекс и даже телеграф.

Talk — on-line-«разговор» в режиме реального времени, аналог обычного телефонного разговора, за исключением того, что вместо телефонной трубки придется пользоваться клавиатурой и монитором компьютера. Но зато стоимость такого разговора в десятки раз ниже, чем тарифы на международные и междугородние телефонные переговоры.

USENET — система телеконференций. Телеконференции можно сравнить с тематическими газетами или журналами (в электронном виде, разумеется), публикующими письма всех своих читателей. Телеконференции позволяют заочно знакомиться с интересными людьми и постепенно узнавать, кто есть кто в сетевом мире, задавать вопросы и получать на них ответы, участвовать в обсуждении различных событий. Большинство конференций ведется на английском языке, но есть и русскоязычные.

Существует более 3000 телеконференций, посвященных самым разнообразным темам — от научных изысканий, политики и бизнеса до проблем секса или кройки и шитья. Некоторые телеконференции похожи на доски объявлений, где фирмы помещают рекламу и информацию о товарах, которые они продают. Это так называемые «коммерческие» конференции. Есть конференции, где публикуются текущие курсы валют. Есть конференции, которые содержат обзоры законодательства, аналитические обзоры разных отраслей экономики, дайджесты публикаций в прессе, новости, поступающие напрямую от ТАСС и других информационных агентств.

Мир USENET огромен и многообразен. Ежедневные объемы движения информации в USENET измеряются сотнями мегабайт. Рано или поздно каждый находит свои островки в этом океане, соответствующие его интересам.

IRC (Internet Relay Chat) — каналы для общения в режиме реального времени многих пользователей одновременно IRC-каналы похожи на гибрид talk и телеконференций, а чем-то напоминают и переговоры в эфире радиолюбителей-коротковолновиков.

MUD (Multi-User Dungeon) — виртуальная реальность, ролевая игра, в которую могут играть сотни людей одновременно, создавая себе новую индивидуальность и вступая в существующий только на экранах их компьютеров альтернативный мир фантазий, мир со своими законами, заполненный волшебниками, драконами и нечистой силой. В отличие от обычных компьютерных игр, MUD использует сеть и компьютер только как «игровое поле», а участники MUD играют не с компьютером, а друг с другом, имея возможность общаться, заключать сделки, объединяться в союзы и даже «убивать» друг друга. Существуют и другие подобные игры, кроме того, сетевой мир не чужд и традиционных игр, таких как шахматы, шашки, го, карты.

FTP (файловые серверы) — архивы программного обеспечения. Как правило, подключившись к Internet, люди больше не нуждаются в покупке или в долгих поисках среди друзей и знакомых нужного программного обеспечения. Практически все существующие в мире программы можно найти на серверах сети и «скачать» на свой компьютер.

Telnet — удаленный доступ к компьютерам сети Internet. Можно

соединиться, например, с суперкомпьютером «Cray», находящемся в Соединенных Штатах, и за несколько минут просчитать на нем сложнейшую вычислительную задачу, для выполнения которой на обычном персональном компьютере потребовались бы недели. С помощью telnet возможен доступ к удаленным базам данных, электронным библиотекам, а также к другим компьютерным сетям (CompuServe, Delphi, и др).

WAIS, Archie, Gopher, Veronica, X500, NetFind, Whols и т. п. — поисковые системы, которые помогают ориентироваться в безбрежном океане информации и находить нужные документы, файлы, программы, базы данных, электронные адреса серверов или конкретных людей.

WWW (World-Wide Web) — «Всемирная паутина», последнее слово Internet-технологии, использует графический интерфейс нового поколения, связывающий в единое целое текстовые документы, графические изображения, звук и даже видеосюжеты. Причем для пользователя уже не имеет значения, на каком именно из компьютеров сети находится та или иная информация, он может простым щелчком мыши за считанные секунды перейти от чтения текста на компьютере в Швейцарии к просмотру слайдов, расположенных на WWW сервере в Австралии или даже в Антарктиде (это не шутка, исследовательская станция McMurdo в Антарктиде действительно имеет сеть компьютеров с выходом в Internet через спутник NASA).

Некоторые возможности WWW кажутся сошедшими со страниц научно-фантастических романов. Например, уже сегодня можно, пользуясь системами заказов разнообразных товаров и услуг, легким движением мыши купить книги, компакт-диски или программное обеспечение, а то и заказать себе пиццу с доставкой на дом. Такая служба есть в Калифорнии, а первая в России подобная система заказов в настоящее время создается нашей компанией. Еще одной новинкой в технологии WWW стали интерактивные карты (clickable maps), создающие иллюзию реального географического перемещения в информационном пространстве. Впрочем, лучше один раз увидеть.

Quasi West Ltd. Доступ к сети Internet в Москве.

*FB2 created by
mefysto*